

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 1
Проблемы образования,
науки и культуры

2018. Т. 24

№ 1 (171)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 1
Issues in Education,
Science and Culture

2018. Vol. 24

№ 1 (171)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- Т. Е. Автухович**, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Гродно,
Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы)
- А. Е. Аникин**, д-р филол. наук, акад. РАН
(Россия, Новосибирск, Институт
филологии СО РАН)
- Дж. Боулт**, PhD (Art Studies), проф.
(США, Лос-Анджелес, Университет
Южной Калифорнии)
- А. В. Головнев**, д-р ист. наук, чл.-корр.
РАН (Россия, Екатеринбург, Институт
истории и археологии УрО РАН)
- В. Л. Иваницкий**, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)
- С. Г. Корконосенко**, д-р полит. наук,
проф. (Россия, Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный
университет)
- К. Кроо**, д-р филол. наук, проф.
(Венгрия, Будапешт, Университет
Лоранда Этвеша)
- Дж. Майклсон**, PhD (Philology), проф.
(США, Лоренс, Канзасский университет)
- А. Мустайоки**, PhD (Philology), проф.
(Финляндия, Хельсинки, Хельсинкский
университет)
- Б. Ю. Норман**, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Минск, Белорусский
государственный университет)
- Э. Э. Сыманюк**, д-р психол. наук, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский
федеральный университет)
- А. А. Тертычный**, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)
- А. Федотов**, д-р филол. наук, проф.
(Болгария, София, Софийский
университет Св. Климента Охридского)
- Г. Г. Щепилова**, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

- Главный редактор
В. М. Амиров, канд. филол. наук, доц.
(Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный
университет)
- Ю. М. Ершов**, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Томск, Национальный исследовательский Томский
государственный университет)
- Б. Н. Лозовский**, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Э. В. Чепкина**, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- А. П. Чудинов**, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский государственный
педагогический университет)
- О. Л. Девятова**, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Н. Б. Кириллова**, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- И. Я. Мурзина**, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Институт образовательных стратегий)
- Г. А. Глотова**, д-р психол. наук, проф. (Россия,
Москва, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова)
- Н. С. Глуханюк**, д-р психол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- И. А. Ершова**, канд. психол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- С. А. Минюрова**, д-р психол. наук, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский государственный
педагогический университет)
- Т. Ю. Быстрова**, д-р филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Екатеринбургская академия
современного искусства)
- Г. Е. Зборовский**, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- И. В. Зиновьев**, д-р филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- В. Ф. Олешко**, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Г. Саймонс (Greg Simons)**, PhD, проф. (Швеция,
Уппсала, Уппсальский университет)
- Р. Коул (Richard Cole)**, PhD, проф. (США,
Чапел Хилл, Университет Северной Каролины)
- В. Батмаз (Veyzel Batmaz)**, PhD, проф.
(Турция, Стамбул, Стамбульский университет)
- Л. Юёдзе**, PhD, проф. (КНР, Пекин, Китайский
университет массовых коммуникаций)
- Ответственный секретарь
Л. А. Хухарева

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА

И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

- Каблуков Е. В., Ильина О. В.* Два политических полюса современной России сквозь призму идеологических номинаций. Часть 2: Либеральный полюс 5
- Калганова С. О.* Практики конструирования субъектной позиции эксперта в российском журналистском дискурсе 16
- Распопова С. С.* Автор фейка как информационный мистификатор 32
- Зиновьев И. В.* Постправда на телевизионных экранах: новости против достоверности 41
- Третьякова Л. А., Глебович Т. А.* Об образовательном потенциале игрового медиатекста (на примере материалов сайта «Игромания») 49
- Иванова Л. Д.* Содержательная модель делового корпоративного СМИ конца XIX — начала XX в. 56
- Сумская А. С.* Алгоритмизация и персонализация контента для русскоязычных миллениалов 62
- Козлов А. В.* Достоверность журналистского факта, или Как цель оправдывает средства 72
- Фатеева И. А.* От Школы журналистов при РОСТА к Московскому институту журналистики 79
- Богданова О. А.* Церковная печать и радио Греции как инструмент миссии и проповеди (2001–2017 гг.) 87

ПСИХОЛОГИЯ

- Муслумов Р. Р., Печеркина А. А., Голощапова К. В.* Формирование правового сознания студентов средствами психологического тренинга 96
- Путилова О. В., Виндекер О. С., Лиходед А. А.* Возрастные особенности самоактуализации и жизнестойкости у женщин 104

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Капкан М. В., Лихачева Л. С.* «Юности честное зерцало»: этикетные традиции и новации 114
- Шумихина Л. А., Попова В. Н.* Церковное искусство как метафизика духа и духовная составляющая культурного наследия России 127
- Богданова Т. В.* Религиозные элементы гардероба в современном мультикультурном обществе Канады (на примере одежды сикхов) 136
- Лесина Л. А., Павленко А. П.* Образ революции 1917 г. в исторической памяти молодежи 145

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

- Банникова Л. Н.* Новые возможности развития средней профессиональной школы в региональном образовательном пространстве 156
- Зборовский Г. Е.* Стратегии развития образовательных общностей в вузах Уральского макрорегиона: предпосылки и возможности реализации 163
- Амбарова П. А.* Сверхбюрократизация как аномалия развития высшего образования в России 173

УРАЛЬСКИЙ КОНТЕКСТ

- Кириллова Н. Б.* Свердловская киностудия как проект сталинской культурной политики 184
- Малахеев И. В.* Региональная печать: от общественной к корпоративной 193

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

- Олешко В. Ф.* Бренд по имени газета (реп. на кн.: *Киришин Б.* Прощай, Гутенберг! Как уходил «Челябинский рабочий»: итоговый конспект»: монография. — Челябинск: Энциклопедия, 2017. — 152 с.) 199
- S u m m a r y 205

УДК 316.774:323 + 81'42 + 323.22/.28

Е. В. Каблуков
О. В. Ильина

ДВА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЛЮСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ. **Часть 2: Либеральный полюс***

Рассматриваются идеологемы современного российского медиадискурса, которые используются для номинации двух полюсов политической сферы — проправительственного и оппозиционного. Анализируется их участие в конструировании конкурирующих моделей идентичности. Вторая часть исследования посвящена оппозиционному полюсу, представленному идеологемами «либерал», «оппозиция» и «пятая колонна».

К л ю ч е в ы е с л о в а: медиадискурс; политика; идеологема; номинация; идентичность; либерал; оппозиция; пятая колонна.

Напомним, что наше исследование посвящено ключевым идеологемам [10, 91; 14] современного российского медиадискурса, которые используются в качестве номинаций для двух полюсов политической сферы — проправительственного и оппозиционного — и тем самым участвуют в конструировании конкурирующих моделей идентичности [5, 6, 12]. В первой части мы изложили теоретические основания исследования и охарактеризовали проправительственный полюс, представленный идеологемами «патриот» и «ватник». Вторая часть посвящена полюсу оппозиционному, в частности идеологическим номинациями «либерал», «оппозиция» и «пятая колонна», которые в соответствующих контекстах вступают в синонимические отношения. При этом ядерной единицей этого ряда можно назвать идеологему «либерал», поскольку она становится специфическим

* Часть 1 «Патриотический полюс» см. в предыдущем номере «Известий».

КАБЛУКОВ Евгений Викторович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Уральского федерального университета (e-mail: kablukov.usu@gmail.com).
ИЛЬИНА Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Уральского федерального университета (e-mail: ilina.usu@gmail.com).

© Каблуков Е. В., Ильина О. В., 2017

обозначением собственно оппозиции, т. е. политических сил, которые противостоят действующей власти, в то время как слово «оппозиция» используется также для обозначения сил, которые, именуясь оппозиционными, на деле устраняются от конкуренции с властью, олицетворением которой служит президент России Владимир Путин.

Функционирование идеологемы «либерал»

Согласно данным базы «Интегрум», частотность использования в СМИ лексемы «либерал» резко увеличивается в 2011 и 2012 гг. (рис. 1). Именно в этот период противостояние между властью и оппозицией обостряется в связи с выборами в Госдуму, результаты которых вызвали сомнения у представителей оппозиции, и кампанией по выборам президента России.

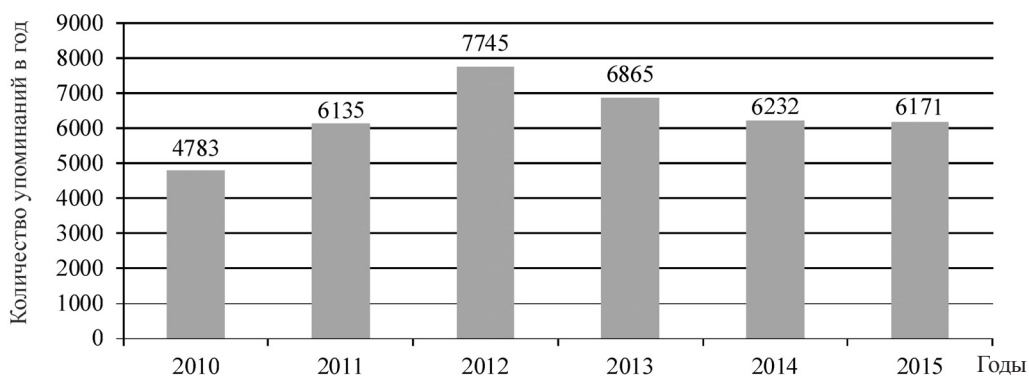

Рис. 1. Частотность индексирования слова «либерал» в российских СМИ, 2010–2015 гг. (по данным базы «Интегрум»)

Согласно толковому словарю, либерал – это «сторонник либерализма», т. е. «идеологического и общественно-политического течения, объединяющего сторонников парламентского строя, широких политических свобод и частного предпринимательства» [3, 496]. Данное определение не содержит какой-либо оценки, однако практика использования слова в проправительственном медиадискурсе приводит к его идеологизации и трансформации лексического значения: за счет последовательного включения в негативный контекст появляются типовые синтагматические связи и отрицательный оценочный компонент.

Игорь Холманских: *«Либерал — это враг народа, враг своей страны, для которого ценность и интересы западной демократии гораздо важнее, чем интересы своей Родины»* (Репов С., Фуфурин А. Ящик Чубайса // Аргументы и факты. 2016. 10 февр.);

Терроризм и насилие тогда воспринимались нашей либеральной прессой с восторгом. Участие в движении или даже просто сочувствие террористам у наших либералов было правилом хорошего тона. Двигаясь к XX веку, наши либеральные террористы убивали много и увлеченно... (Киселев Д. Вести недели // Россия 24. 2016. 31. янв.).

Полпред президента России в Уральском федеральном округе Игорь Холманских актуализирует дискурсивные практики сталинского периода и называет либералов врагами народа, причем единственным основанием для выбора столь агрессивной номинации является их связь с так называемыми западными демократическими ценностями. Ведущий государственного телеканала «Россия» Дмитрий Киселев устанавливает прямую связь между либеральной идеологией и терроризмом. Все это позволяет делегитимировать либерализм и максимально размыть его границы.

Таким образом, лексема «либерал» теряет связь со словарным значением, десемантизируется и становится идеологемой-пейоративом, которая используется для обозначения противников действующей власти [7]. Данная идеологема включается в парадигматические ряды, которые представляются логически абсурдными, но оправданными с идеологической точки зрения [1, 464]. Во-первых, это контексты, в которых фиксируется синонимия «либерал–оппозиционер»:

*Судя по отношению **либералов** к широким народным массам, **оппозиционные политики** не слишком беспокоятся о своей репутации (Мельников А. Колбасные ценности Гонтмахера // Комсомольская правда. 2015. 16 апр.);*

*Не отстают от них и наша **либеральная интеллигенция**. **Оппозиционеры** варьруют свои эмоции от неприкрытой радости до издевок по поводу России как государства (Гришин А. «Ну сейчас покажут этой Рашке!» // Там же. 25 нояб.).*

Во-вторых, появляются контексты, противопоставляющие либералов и сторонников действующей власти, которых, как было показано в первой части настоящего исследования, принято называть патриотами:

***Либералы, либеральные художники** отрицают Крым, отрицают воюющий Донбасс, отрицают Донбасское восстание. А **патриотические писатели** ездят в Крым, ездят в Донбасс, создают свои произведения об ополченцах... (Реплика Александра Проханова) // Россия 24. 2015. 24 июня);*

*Но если уж говорить о выборе между **патриотами** и **либералами**, то, на мой взгляд, они одинаково чужды природе нашей страны и населяющих ее народов (Шевченко М. Свобода, справедливость, православие? // Аргументы и факты. 2016. 29 июня).*

Члены антонимической пары «либерал–патриот», если верить толковому словарю, не связаны отношениями противоположности, противоречивости или обратимости. При этом значение слова «патриот», как нам представляется, более прозрачно для носителя русского языка: это «тот, кто любит свою отчизну, верен своему народу, готов на личные жертвы и подвиг во имя родины» [3, 787]. Значение же слова «либерал» для носителя языка является более туманным и реконструируется с опорой на выделенный контекстный антоним. Получается, что так называют представителей оппозиции, которые не любят свою отчизну, предали свой народ. В таких условиях корректируется и понятие патриотизма, который, будучи противопоставленным либерализму как оппозиционному явлению, приобретает значение «приверженность идеологии власти».

Активизируются и словообразовательные возможности лексемы «либерал». С одной стороны, появляются составные наименования, отражающие типовые сочетания данной языковой единицы:

*На заре XX века Маркс писал о том, что по Европе бродит призрак коммунизма. Сейчас по ней бродит призрак **либерал-тоталитаризма**, и, когда он обретет плоть, эта штука будет пугающее Бен Ладена (Машкин С. Свобода быть рабами // Вечерняя Москва. 2014. 20 мая);*

*Но на это наплевать нашим космополитам, **либерал-фашистам**, поскольку их не интересуют права человека на самом деле (Шевченко М. Что будет? // Радио «Комсомольская правда». 2016. 3 марта).*

С другой стороны, появляется слово «либераст» и его дериваты, вся совокупность которых — независимо от реальной этимологии — актуализирует лексему «педераст», имеющую, кроме основного [3, 789], еще и пейоративное значение:

*И вашим, и нашим за грошик спляшем — так говорила моя бабушка про тех, кого можно назвать, вслед за Лениным, «политической проституткой». А можно — более мягко и современно — **либерастом** (Бокашева Л. Машина времени стала машиной часу // Вечерняя Москва. 2014. 19 авг.);*

*Вся эта «нанобратия — пятая колонна» — это сборище предателей, которые живут ради денег и мифических **либералистических ценностей** и не знают, что такое Родина и что такое совесть (Цыганов В. Вести // Россия 24. 2014. 12 марта).*

Неудивительно, что подобные практики функционирования идеологемы «либерал» встречают сопротивление в оппозиционных СМИ. Оно сводится, во-первых, к разъяснению того, что такое либерализм, а во-вторых, к критическому осмыслению описанных выше официозных практик, в том числе их высмеиванию:

***Либерализм** представляет собой простую идею, согласно которой человек принадлежит сам себе. То есть не государству, корпорации, церкви, ремесленному цеху, семье или призывному пункту. Ругают **либерализм** чаще всего не по делу, а просто из-за отождествления с конкретными неприятными **либералами** (Мартынов К. Апология либерализма // Новая газета. 2014. 12 мая);*

*Единственным способом объяснить нехватку в магазинах мяса, мыла и туалетной бумаги при наличии вышеупомянутых дворцов будет тезис: «Это проклятый Запад, гейропа и прочие **либерасты** мстят Великому Путину за то, что он поднял Россию с колен» (Латынина Ю. Первая экономическая // Новая газета. 2014. 6 авг.).*

Функционирование идеологемы «оппозиция»

Под оппозицией принято понимать «партию или группу лиц внутри какого-л. государственного органа, партии и т. п., противопоставляющую свои взгляды, свою политику и т. п. взглядам, политике и т. п. большинства» [3, 719]. Активизация лексемы «оппозиция» в российских СМИ наблюдается в 2011–2012 гг. (рис. 2).

В этот же период происходит идеологическое размежевание двух значений данного слова.

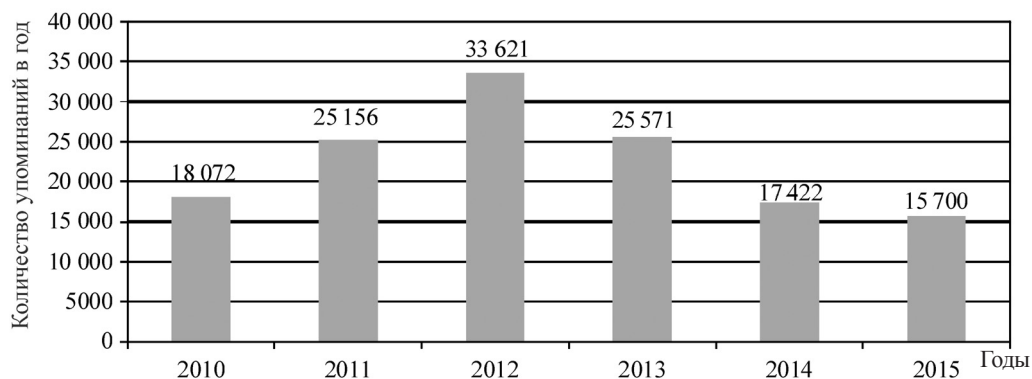

Рис. 2. Частотность индексирования слова «опозиция» в российских СМИ, 2010–2015 гг. (по данным базы «Интегрум»)

Первое охватывает так называемую парламентскую оппозицию, получает нейтральную или положительную оценку в системе официозной идеологии, но при этом, как ни парадоксально, утрачивает семантику противостояния власти: парламентская оппозиция в России поддерживает президента и критикует лишь «отдельные недостатки» [13, 215]. Второе значение — оно нас и интересует — охватывает оппозицию, которая действительно противопоставляет свои взгляды официозной идеологии. В проправительственных СМИ лексема, реализующая это значение, последовательно погружается в негативный контекст и приобретает отрицательный оценочный компонент:

Пораженчество — это даже не тактика рациональных циников. Это суицидальная ненависть. Русофобия — историческое проклятие русской оппозиции. Либо они уничтожат страну, либо они уничтожат себя и вместе с этим всякую возможность оппозиции (Леонтьев М. Однако // Первый канал. 2014. 2 окт.);

Те, кто называет себя российской оппозицией, пожалуй, впервые устроили публичный мозговой штурм.<...> Распад страны, Крым — украинский, в Москве — майдан. Цена, которую, по мнению участников, вполне можно заплатить за некую свободную Россию (Зарубин П. Вести недели // Вести-24. 2016. 13 июня).

Ведущий авторской программы Михаил Леонтьев активно использует оценочную лексику (*ненависть, русофобия, проклятие*), что позволяет подчеркнуть негативное отношение к оппозиции, а репортер телевизионных новостей Павел Зарубин приписывает оппозиционерам взгляды, которые в официозной системе ценностей воспринимаются как одиозные. Примечательно, что в первом случае объектом критики становятся не просто представители оппозиции, а так называемые либералы (Михаил Леонтьев начинает программу с фразы «Нашу либеральную оппозицию замучила кремлевская пропаганда»), что свидетельствует

о развитии синонимических отношений между данными языковыми единицами. Словосочетания типа «либеральная оппозиция» при этом используются в основном для того, чтобы подчеркнуть смысл «противостояние власти» либо разграничить разные оппозиционные группы:

*Когда вышел Ходорковский, **либеральная оппозиция** окончательно рассыпалась как картонный домик. С каждым днем с их идеологической платформой у них остается все меньше аргументов против Путина и власти (Акцынов А. Выпустив Ходорковского, Путин добил либеральную оппозицию // Эхо Москвы. 2013. 23 дек.);*

*Наша **либеральная непримиримая оппозиция** регулярно общается с несколькими десятками разного рода таких таргамадзе. И в отличие от Удальцова **либеральные оппозиционеры** центром своей сегодняшней пропаганды делают проклятия в адрес «российской агрессии, аннексии и оккупации» (Милитарев В. Но мне левые милей, чем либералы // Известия. 2015. 12 мая).*

В первом примере с помощью конкретизатора «либеральный» говорящий показывает, что имеет в виду ту часть оппозиции, которая противостоит президенту. Во втором случае либеральной названа непримиримая оппозиция. Для того чтобы обозначить названные группы, используется также устойчивое идеологически нагруженное словосочетание «(в)несистемная оппозиция», которое ранее практически не встречалось в медиатекстах и не было предметом серьезной научной рефлексии со стороны политологов [4, 104]:

*Главная новость в политике — сегодня впервые лидеры так называемой **внесистемной оппозиции**, то есть незарегистрированных партий, были приглашены к Президенту (Елисеев В. Время // Первый канал. 2012. 20 февр.);*

*Потому что и сама власть вызывает сильное раздражение, и оппозиция не вызывает большого энтузиазма, как **парламентская**, так и **внесистемная** (Исаева М. Раздраженные горожане // Рус. репортер. 2012. 31 окт.).*

Интересно, что ведущий программы «Время» определяет рассматриваемое понятие, что говорит о его новизне для широкой аудитории. При этом в состав несистемной оппозиции включаются исключительно незарегистрированные партии. Однако второй пример свидетельствует о более широком понимании данной языковой единицы: несистемная оппозиция противопоставлена здесь парламентской, которая, как уже было сказано, устраняется от противостояния с верховной властью в лице президента, выражающего взгляды большинства. Следовательно, значение словосочетания «несистемная оппозиция» сводится к словарному толкованию оппозиции: это группа, противостоящая политике большинства. Именно поэтому несистемная оппозиция «демонизируется», превращаясь в одиозную идеологему официальной пропаганды:

*...**внесистемная оппозиция** — это люди, «о которых раньше никто ничего не слышал, из кожи вон лезут, чтобы прославиться тем, что противопоставляют себя президенту России Владимиру Путину». «К таким людям надо относиться как к **врагам народа**, как к **предателям**. У них нет ничего святого», — сказал Кадыров. <...> «Это*

говорит о том, что этих людей **не заботит судьба России и российского народа...**» <...> Кадыров добавил, что «этих людей надо судить по всей строгости за их **под-
рывную деятельность**» (Кадыров приравнял внесистемную оппозицию к врагам народа // Лента.ру. 2016. 12 янв.).

Интерпретация Рамзана Кадырова (предатели, которые пляшут под дудку западных спецслужб) отсылает к фразеологизму «пятая колонна», которому посвящен следующий раздел.

Функционирование идеологемы «пятая колонна»

Фразеологизм «пятая колонна», обозначающий «тайных агентов врага — шпионов, диверсантов, предателей, изменников» [2, 284], имеет яркую отрицательную оценку, которая фиксируется как на денотативном, так и на коннотативном уровнях лексического значения. Он был введен в оборот в 1936 г. в связи с событиями в Испании [15, 47] и использовался в советском дискурсе по отношению к врагам народа, которые, как выяснило следствие, непременно работали на иностранную разведку (см., например: [11]). Таким образом, смысл «противоправная тайная деятельность в интересах врага» был определяющим при выборе данной номинации, причем факт нарушения закона и связи с врагом фиксировался институционально — посредством приговора суда. В 2014 г. отмечается стремительная активизация данного фразеологизма в российском медиадискурсе (рис. 3).

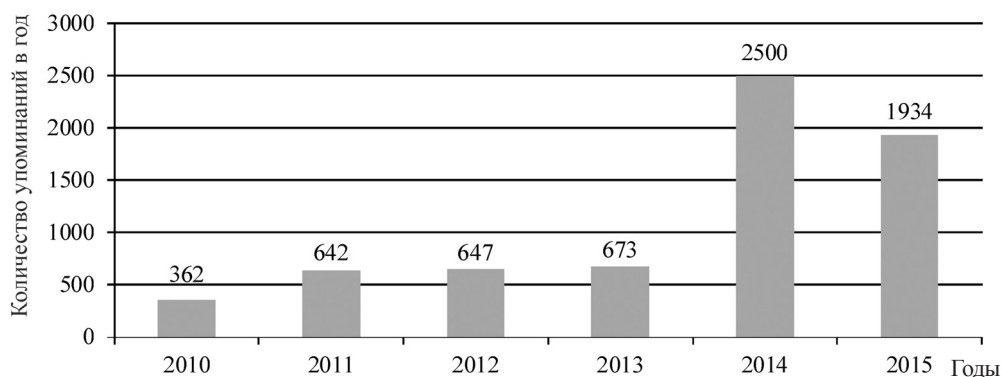

Рис. 3. Частотность индексирования словосочетания «пятая колонна» в российских СМИ, 2010–2015 гг. (по данным базы «Интегрум»)

Повышение частотности употребления сопровождается идеологической трансформацией значения словосочетания [8]:

*Есть ли в России **пятая колонна** в СМИ? Есть и очень мощная. Это «Эхо Москвы», «Ньюсруком» товарища Гусинского, «Сноб» и РБК товарища Прохорова, владельца баскетбольного клуба в Америке, «Слон» и «Дождь» товарища Винокурова, известного тем, что он обанкротил банк и вывел активы за рубеж, и ряд других (Федоров Е. Новости // Первый канал. 2014. 20 мая);*

*В наших интеллигентских кругах разразилась дискуссия, которую трудно не заметить. Она проходит в условиях, когда Россия сталкивается с внешними вызовами. Кому-то не нравится словосочетание «**пятая колонна**», но как назвать тех, кто в момент наступления на нас тут же переметнулся на другую сторону? И теперь для них уже все, что там, просто отлично, а все, что здесь, отвратительно (Киселев Д. Вести недели // Россия 1. 2014. 14 сент.).*

В первом примере в состав «пятой колонны» включены только оппозиционные СМИ. При этом фиксируется их условная связь с иностранными государствами. Во втором примере Дмитрий Киселев оправдывает употребление фразеологизма «пятая колонна» в отношении тех, кто критикует реалии современной России, в том числе действующую власть (далее в тексте речь идет именно об этом). Получается, что пятая колонна — это политическая оппозиция, действующая в интересах некоего внешнего врага. Из лексического значения фразеологизма исключаются семы, связанные с противоправным характером деятельности пятой колонны. Такая интерпретация санкционируется на самом высоком уровне:

Я говорю совершенно откровенно, мне сложно ответить на это, потому что грань очень тонкая. Трудно, наверное, дать такое научное определение, где заканчивается оппозиция и начинается «пятая колонна». <...> Но все-таки грань между оппозиционерами и «пятой колонной» — она внутренняя, ее трудно увидеть внешне. В чем она заключается? Оппозиционер, даже очень жесткий, он в конечном итоге до конца борется за интересы своей Родины. А «пятая колонна» — это те люди, которые исполняют то, что продиктовано интересами другого государства, их используют в качестве инструмента для достижения чуждых нам политических целей (Путин В. [Большая пресс-конференция] // Kremlin.ru. 2014. 18 дек.)

Как ни странно, президент страны говорит о тонкой грани между преступником, вина которого доказана судом (статьи УК «Государственная измена», «Диверсия», «Шпионаж»), и оппозиционером. Однако, как было показано выше, «тонкая грань», выраженная семами «работа в интересах иностранного государства» и «противоправная деятельность», легко стирается. В результате всякая оппозиционная деятельность делегитимируется и воспринимается как что-то постыдное и даже незаконное:

*«Это уникальное совершенно явление — оно продолжается — когда лидер страны, тем более на таких турбулентностях, не то что сохраняет свой рейтинг, а увеличивает его. Поэтому, я думаю, голоса **записных критиков, нано-пятой колонны** — ибо больше перспектив у нас этой «**пятой колонны**» нет — они будут присутствовать в общей какофонии», — отметил пресс-секретарь президента (Песков: «Рейтинг Путина зашкаливает, это уникальное явление» // Аргументы и факты. 2014. 7 марта);*

*Представители так называемой российской «**оппозиции**» (или «**пятой колонны**») сегодня ведут целенаправленную и системную кампанию по дискредитации внешней политики России, лидеров Донецкой и Луганской народных республик, ценностей Русского мира (Городненко Ю. «Пятая колонна» жаждет революции // РИА Новости. 2014. 8 авг.).*

Дмитрий Песков называет пятой колонной «записных критиканов» президента, пользующегося стабильной популярностью в обществе. Оценочное слово «критикан» употреблено мотивированно, речь идет о «придирчивых, но поверхностных и пристрастных» критиках главы государства [3, 471]. Таких людей можно было бы назвать неконструктивной оппозицией, однако говорящий выбирает иную, гораздо более агрессивную номинацию. Таким образом, фразеологизм «пятая колонна» используется здесь в значении «оппозиция», т. е. группа лиц, противостоящих политике президента. Второй пример подтверждает правомерность такой интерпретации и однозначно показывает, что названные языковые единицы выступают в качестве синонимов. При этом важно, что фразеологизм «пятая колонна», несмотря на подмену денотата, сохраняет чрезвычайно высокий заряд агрессии, что позволяет перевести оппозицию в разряд врагов.

Кроме того, фразеологизм «пятая колонна», будучи синонимом оппозиции, вполне предсказуемо вступает в уже описанные антонимические отношения с лексемой «патриот»:

*Да и сами дискуссии **патриотов** с представителями «**пятой колонны**» давно снизили накал: все высказано, все точки расставлены, больше говорить и спорить не о чем (Роганов С. Призрак Союза бродит по России // Известия. 2015. 5 мая);*

*Анна Балужева: Вопрос, подсказанный жизнью: сейчас все так сложно, что разногласия могут случиться и в одной отдельно взятой семье. Жена, так сказать, **патриот**, а муж — так называемая **пятая колонна**, и наоборот (Балуева А. Марк Захаров: У нас в «Ленкоме» нет раскола // Комсомольская правда. 2014. 13 окт.).*

Интересно, что представители оппозиции включаются в идеологическую игру, предложенную официозной пропагандой, и используют номинацию «пятая колонна» в качестве иронического самоназвания:

*Один из манифестантов гордо разгуливал с табличкой: «**Я — пятая колонна Запада**» (Латухина К. «Я — пятая колонна!» // Независимая газета. 2014. 25 окт.);*

*Просто «**нано-пятая колонна**» в Санкт-Петербурге. Думаю, что слов не нужно. Поэтому решила просто предоставить фото с митинга 8 Марта в Санкт-Петербурге против оккупации Украины (Гусева Е., участница митинга : [блог на «Эхе Москвы»]. 2014. 9 марта).*

Впрочем, подобное словоупотребление вызывает и критическую реакцию, которая реализуется в форме метаязыковой рефлексии:

А сегодня в обиход входят и «пятая колонна», и «враги народа», и «национал-предатели». Как далеко могут завестись подобные игры? Сталинские чистки тоже начинались с казавшихся невинными внутривнутрипартийных обвинений в «ревизионизме», в левом или правом уклоне. Потом появились «вредители» среди инженеров, ученых, врачей, дипломатов, деятелей культуры. Потом в лагеря гребли уже всех подряд — и рабочих, и колхозников, и детей врагов народа (Костиков В. Сумбур вместо политики // Аргументы и факты. 2014. 29 окт.);

После начала военных действий на Украине телевидение и пропутинские издания стали ежедневно пугать обывателей «национал-предателями» и «пятой колонной». Например, «пятой колонной» назвали людей, выходящих на антивоенные митинги. Любой протест против власти стал сравниваться с «фашистским Майданом» (Ломако В. От «Немцова моста» до лагеря в Химках // Colta.ru. 2016. 4 авг.).

Выводы

Идеологические установки, реализуемые в современном российском проправительственном медиадискурсе, приводят к существенной трансформации лексемы «либерал», которая приобретает устойчивую оценочную коннотацию и подвергается десемантизации, вследствие чего используется как пейоративное обозначение идеологически чуждых субъектов, т. е. оппозиции. В то же время данная практика встречает сопротивление со стороны оппозиционного дискурса, в котором лексема «либерал» употребляется нейтрально либо в ореоле положительной оценки. Само слово «оппозиция» используется для обозначения двух разнородных феноменов, которые называются также парламентской и несистемной оппозицией. Если первая устраняется от реального противостояния с властью в лице президента, то вторая как раз осуществляет эту свойственную оппозиции функцию. В результате слова «оппозиция», «несистемная оппозиция» и «либерал» функционируют как синонимы. К данному синонимическому ряду примыкает еще один оборот, обладающий более высокой концентрацией агрессии. Это фразеологизм «пятая колонна», который функционирует как официальная идеологема и обозначает не официально выведенных за рамки закона предателей (как раньше), а легально действующую российскую оппозицию. Рассматриваемая идеологема становится предметом активной метаязыковой рефлексии и погружается не только в лояльный, но и в критический контекст [9].

Таким образом, в современном российском медиадискурсе фиксируется чрезвычайно острая конкуренция двух моделей идентичности (прежде всего политической), что приводит к активизации идеологических номинаций, используемых для обозначения своих и чужих. Эти идеологемы также распадаются на две антонимические группы — в соответствии с политическим полюсом, который они называют, и наполняются содержанием в зависимости от идеологической позиции субъекта дискурса, либо присваивающего одну из двух доминирующих сегодня моделей идентичности, либо уклоняющегося от участия в этой идеологической борьбе.

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996.

2. *Бирих А. К., Мокшенок В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии : ист.-этимол. справочник. СПб., 2001.

3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.

4. *Давыденко Д. И.* Проблемы взаимодействия несистемных оппозиционных организаций в политическом процессе современной России // Изв. Саратов. ун-та. Сер. : Социология. Политология. 2012. № 1. С. 104–106.

5. *Енина Л. В.* Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // Полит. лингвистика. 2016. № 6. С. 159–167.
6. *Ильина О. В., Халуторных Е. А.* Дискурсивные практики региональной идентификации россиян в медиатекстах (на примере газеты «Искра» Кунгурского района) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2017. № 1 (159). С. 5–14.
7. *Каблуков Е. В.* Идеологема «либерализм» в современном российском проправительственном медиадискурсе // Журналистика цифровой эпохи: как меняется профессия. Екатеринбург, 2016. С. 209–212.
8. *Каблуков Е. В.* Метаморфозы фразеологизма «пятая колонна» в современном российском медиадискурсе // Slavia Orientalis. 2016. Т. 65, № 4. С. 805–821.
9. *Каблуков Е. В.* Официальные идеологемы: специфика функционирования в современном российском медиадискурсе // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. : История, филология. 2012. Т. 11, вып. 6 : Журналистика. С. 84–88.
10. *Кутина Н. А.* Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 2005. С. 90–104.
11. Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока». М., 1938.
12. *Чепкина Э. В.* Дискурсивные практики конструирования адресата региональной прессы: национально-гражданская идентичность // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 4 (156). С. 61–68.
13. *Шанин А. А.* Авторитарное государство в XX в // Вестн. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. : Право. 2001. № 1. С. 213–219.
14. *Шмелева Т. В.* Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33–41.
15. *Bolinger D. L.* Fifth column marches on // American Speech. 1944. Vol. 19, № 1. P. 47–49.

Статья поступила в редакцию 20.06.2017 г.

УДК 070.11 + 316.774 + 81'42+ 004.032.1

С. О. Калганова

ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ ЭКСПЕРТА В РОССИЙСКОМ ЖУРНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ*

Рассмотрено конструирование субъектной позиции эксперта в медиадискурсе посредством системы взаимосвязанных практик журналиста и приглашенного для экспертной оценки специалиста. Описано влияние на обе группы практик дискурсивного концепта «информационная война». Показано, что практики эксперта в журналистском тексте во многом пересекаются с практиками его профессионального дискурса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: субъектная позиция эксперта; дискурсивные практики; медиадискурс; информационная война; аргументация.

В текстах СМИ нередко присутствует эксперт — человек, который в силу своей деятельности должен обладать специальными знаниями в сфере, теме, являющейся предметом обсуждения. Согласно одному из словарных определений, эксперт — это *лицо, приглашаемое для консультаций и экспертных оценок по вопросам, возникающим в различных областях общественной жизни* [1].

В Малом академическом словаре первое значение слова «эксперт» — *специалист, дающий заключение при рассмотрении какого-л. вопроса. Специалист — человек, обладающий специальными знаниями в какой-л. отрасли науки или техники, представитель какой-л. специальности* [4].

Эксперт в журналистском тексте может выступать в качестве персонажа, когда его позицию пересказывает журналист. Если же эксперту дают слово (проводят с ним интервью, цитируют в новостном тексте), то в дискурсе формируется его субъектная позиция. Нас интересовало, с помощью каких дискурсивных практик она конструируется.

Материалом для анализа послужили 16 интервью (более 10 часов эфира) из федеральных СМИ («Россия 24», «Русская служба новостей», «Эхо Москвы») за период с 2015 по 2017 г. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, в рамках проекта «Национально-гражданская идентичность россиян в дискурсе СМИ: концепт “информационная война” как мобилизационный фактор идентификации» (№ 16-04-00460). В связи с этим основной корпус проанализированных текстов (14 из 16) составили журналистские материалы за одну неделю — с 23 по 29 марта 2015 г., собранные коллективом ученых, работающих над темой названного гранта. Выбор данного периода был обусловлен тем, что это переломный момент в жизни страны: прошел год после присоединения Крыма,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Национально-гражданская идентичность россиян в дискурсе СМИ: концепт “информационная война” как мобилизационный фактор идентификации» № 16-04-00460.

КАЛГАНОВА Светлана Олеговна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и стилистики Уральского федерального университета (e-mail: svetit-vsegda@yandex.ru).

против России введены санкции. Эти события вызвали ряд изменений в дискурсе СМИ: появился концепт «информационная война», который начал оказывать существенное влияние на реализацию практик национально-гражданской идентификации россиян [2] (проблеме такого влияния посвящен грант в целом), а также, как показало наше исследование, на реализацию практик, конструирующих субъектную позицию эксперта. Осмысление этих глобальных перемен в медиадискурсе с некоторой исторической дистанции представляется обоснованным и интересным. Общая база исследования составила 356 текстов, из них 33 интервью, в том числе в 14 случаях собеседником журналиста был эксперт.

Выбор эксперта, его представление в тексте, его речевое поведение, а также восприятие его речи аудиторией подчиняются определенным дискурсивным правилам, представляют собой реализацию ряда дискурсивных практик [6]. Любой говорящий, в том числе эксперт, занимает в тексте позицию, определенную для него дискурсом. Относительно этой позиции «уже существуют определенные ожидания о том, как действовать, что говорить и что не говорить» [5, 80].

Эксперта приглашают для того, чтобы он дал комментарий по поводу обсуждаемого события или каких-то связанных с ним вопросов. К такому человеку обращаются, когда возникает какая-то проблема, когда недостаточно просто рационального осмысления имеющейся информации, когда нужно знать, как устроена определенная сфера, понимать закономерности функционирования процессов в ней, знать критерии оценки какого-либо объекта в сопоставлении с другими аналогичными объектами, видеть явление во временной перспективе. Эксперт — авторитетный специалист, человек, который обладает системным взглядом на определенную область действительности и владеет речевыми практиками, позволяющими ему занимать позицию эксперта в СМИ.

Можно выделить две основные группы экспертов в зависимости от того, на чем основано их право занимать экспертную позицию. Во-первых, это право может быть обусловлено представлением о том, что у такого человека есть глубокие теоретические знания в какой-либо сфере, поэтому в качестве эксперта традиционно приглашают людей с учеными степенями и званиями. Например, «Русская служба новостей» (далее — РСН) обратилась к Андрею Суздальцеву, доценту факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики, с просьбой дать анализ событий на Украине. К этой же группе относятся случаи, когда в качестве эксперта приглашают журналиста, который на протяжении относительно долгого времени занимается одной темой: читает литературу, накапливает факты, устанавливает связи между ними. По сути, такой журналист является исследователем. Во-вторых, это право получает человек, имеющий большой профессиональный опыт в определенной сфере, например, летчик-испытатель, врач, юрист. Представитель власти тоже может быть экспертом из этой группы, поскольку, благодаря своему положению, он обладает особым взглядом на ситуацию, знает формальные и неформальные правила, которые существуют в работе госаппарата, ориентируется в алгоритмах работы органов законодательной и исполнительной власти с учетом различного рода субъективных факторов, знает настроения, которые царят во властных структурах, но еще не оформлены в правовом поле.

Вместе с тем в качестве эксперта должен выступать человек, который не имеет заинтересованности (по крайней мере очевидной) в том, чтобы освещать вопрос именно так, а не иначе. Действующий представитель власти далеко не всегда соответствует этому требованию, поэтому экспертная позиция часто предлагается различным экс-чиновникам. Например, телеканал «Россия 24» приводит слова экс-канцлера Германии Г. Шредера, который дает оценку европейской политике в отношении России. Утратив должность канцлера, Шредер, как можно предполагать, приобрел необходимую для эксперта объективность.

Таким образом, субъектная позиция эксперта должна удовлетворять двум основным требованиям — это авторитетность и объективность. Выполнение этих требований обеспечивается рядом дискурсивных практик, одну часть которых реализует сам автор экспертного мнения, а другую часть — журналист, который выбирает эксперта, представляет его в тексте, организует беседу с ним. Рассмотрим эти два вида практик. Кроме того, покажем, как меняется их реализация под влиянием дискурсивного концепта «информационная война». Этот концепт «служит в рамках медиадискурса последовательному и систематическому конструированию реальности, в которой какому-либо объекту и/или его образу, функционирующему в медиадискурсе, приписываются резко негативные характеристики, создается образ врага, а для аудитории СМИ конструируется роль жертвы враждебных действий». Авторы данного определения перечисляют лингвистические маркеры, свидетельствующие о присутствии в тексте дискурсивного концепта «информационная война»: «негативные оценки, военные метафоры, отрицательно-оценочная, в том числе стилистически сниженная, лексика по отношению к политическим, идеологическим оппонентам» [2, 99].

Практики журналиста

Когда перед журналистом стоит задача показать аудитории диалог со специалистом, на беседу приглашают эксперта, который к тому же является публичным лицом. Представление эксперта в таком тексте всегда персонализировано: имя, должность или специальность, нередко указывается ученая степень и звание, место работы. В различных СМИ есть определенные традиции. «Русская служба новостей» представит эксперта развернуто: *политолог, доцент кафедры политической теории МГИМО Кирилл Евгеньевич Коктыш* (Умные парни // РСН. 2015. 26 марта). На «Эхе Москвы» называют имя, фамилию и специальность, например, *экономист Сергей Алексашенко*.

Ответственность за ход разговора несет журналист, поэтому он реализует практики конструирования объектов, т. е. выбирает события и персонажей, о которых пойдет речь. С экспертами обсуждаются текущие актуальные вопросы, которые лежат в основе информационных поводов и составляют повестку дня. Некоторые из этих тем обсуждаются с разными экспертами (например, различные аспекты ситуации на Украине, юбилейный парад Победы, съезд европейских националистических партий в Петербурге, скандал вокруг спектакля «Тангейзер», гибель Б. Немцова, скандал с К. Серебренниковым), меняется только ракурс

рассмотрения. Так, гибель Немцова и вандализм у его памятника с политологами обсуждают с точки зрения политического смысла, а с А. Кураевым — в морально-нравственном плане. Разговоры с политологами, экономистами, журналистами-экспертами и работниками культуры политематичны. Например, с М. Пиотровским говорят о съезде националистических партий в Петербурге, скандале вокруг «Тангейзера», решении работников музея в Тунисе оставить следы теракта как экспонат, параде Победы, памятнике князю Владимиру. Беседа со специалистами некоторых других профилей предполагает круг объектов, связанных сугубо с профессиональными интересами собеседника: с полковником В. Баранцом говорят о параде, о вооружении российской армии, о материальном положении военных.

Вопрос может задать слушатель в прямом эфире, или журналист может прочитать вопрос, присланный слушателем, однако решение — выбрать этот вопрос или не выбрать, отвечать на него или нет, остается за ведущим. Приведем пример, когда ответа на вопрос слушателя не последовало:

К. Орлова: *Наш слушатель из Украины, из Киева просит вас спросить, зачем патриарх Кирилл призвал украинцев не сопротивляться весной год назад? Я, честно говоря, такого заявления не помню.*

А. Кураев: *Я тоже не помню.*

К. Орлова: *Тогда мы будем считать, что его просто не было.* [Переводит тему] (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 26 марта).

В конструировании объектов принимает участие и эксперт, сопоставляя различные явления, различных персонажей, реализуя практики идентификации объектов, при этом оставаясь в рамках заданной журналистом темы. Например, политолог С. Белковский, отвечая на вопрос о смыслах фильма «Крым. Возвращение домой», интерпретирует его в виде развернутого монолога, обращенного В. Путиным к Б. Обаме.

Типичные вопросы журналиста к эксперту являются реализацией практик конструирования истины. В начале беседы журналист сообщает о каком-то актуальном событии и задает обычно что-вопрос очень общего характера («Как вы это прокомментируете?», «Что это означает?»), затем журналист запрашивает различные аргументы (Почему? К чему это может привести? Зачем? и т. д.), затем, как правило, просит совет, что делать в этой ситуации, как поступить. Таким образом, к эксперту обращаются как к человеку, который знает «как правильно», знает «рецепт».

Журналист может с помощью вопросов направлять разговор в сторону сопоставлений «Россия — Запад», предлагая оценить предмет обсуждения по принципу «где хуже — где лучше»:

Д. Надина: *Сегодня отмечается день театров <...> В мире был учрежден этот праздник в 61-м году в Вене на Конгрессе Международного института театра при ЮНЕСКО <...> Россия присоединилась не так давно к этой акции. У нас теперь проходят ночи в театре, проходят какие-то открытия, знаешь там, открытые репетиции, очень много всего в Москве <...> Нам поможет составить планы на вечер Константин Богомолов, российский театральный режиссер <...>*

К. Богомолов: *У вас полным полно театров в Москве. Роскошный выбор всевозможных зрелищ. Можно пойти туда, сюда, в пятое, десятое место. Поэтому недостаток в театральных представлениях сегодня в Москве нету, и театр находится в прекрасном состоянии и даже в расцвете.*

Д. Надина: *Константин Юрьевич, вы сами сказали, что в Москве на любой вкус есть театры, и спектакли каждый вечер. И вообще в этом плане Москва опережает Европу, насколько я знаю, у нас гораздо больше премьер в течение года, по статистике просто их больше. Тем не менее, по-вашему, чего не хватает театральной Москве сегодня? (Все главное сейчас // РСН. 2015. 27 марта).*

Сопоставление с Европой мало связано с темой, включение этого элемента можно считать влиянием концепта «информационная война», который актуализирует практики сравнения и утверждения превосходства России в различных сферах.

Практики эксперта

Для реализации социально-ролевой позиции эксперта в дискурсе СМИ приглашенный специалист использует следующие практики. Во-первых, он использует практики профессионального дискурса, идентифицирующие его как эксперта. Э. В. Чепкина, характеризуя вслед за М. Фуко принципы, организующие дискурсивные практики, говорит о том, что одним из таких принципов является «дисциплина (например, медицина, физика, лингвистика), которая определяется областью объектов; совокупностью методов; корпусом положений, которые признаются истинными; действием правил и определений, техник и инструментов. В целом это анонимная система <...> которая предназначена для построения новых высказываний» [7, 17]. Влияние этого принципа, организующего построение текстов внутри специального дискурса, являющегося сферой деятельности эксперта, до определенной степени распространяется и на субъектную позицию эксперта в СМИ.

Эксперт наряду с журналистом принимает участие в конструировании объектов (событий и персонажей). Отбор объектов осуществляется журналистом, а в их идентификации активно участвует эксперт, опираясь на точку зрения, на некую систему координат своего профессионального дискурса. Глава Эрмитажа М. Пиотровский, определивший основную функцию музея как обеспечение диалога культур, идентифицирует ситуацию в российском обществе, где идут горячие споры (в частности вокруг спектакля «Тангейзер»), как зачатки социального диалога, который пока, правда, идет *на повышенных тонах* (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 23 марта). Дьякон А. Кураев, представитель православной церкви, задача которой проповедовать любовь и сдерживать ненависть, говорит о «накоплении ненависти», «моральном разложении» в российском обществе, с огорчением признавая, что этому способствует не только государственное телевидение, но и немало представителей самой РПЦ (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 26 марта). Таким образом, внимание специалиста по культуре направлено на культуру отношений в обществе, на взаимодействие людей различных взглядов,

внимание специалиста по душе — на внутреннее состояние российского человека. Политологи проводят идентификацию внешней и внутренней политики России. Как правило, эти идентификации идеологически окрашены и носят развернутый характер. Например, этапы эволюции В. Путина как главы государства политолог К. Коктыш представляет в виде поиска Россией достойного места в мировом сообществе:

Россия обнаружила, что, несмотря на членство во всех глобальных институтах, она остается на приставном стульчике, что, по большому счету, ее не слушают. Дальше, соответственно, этапом был 2008 год, где мы, наверно, вошли в системную конфронтацию с Соединенными Штатами <...> вступившись за Южную Осетию <...> мы обрушили одну из американских гарантий. Гарантию безопасности <...> в 2008 году выяснилось, что проамериканский Саакашвили не может рассчитывать... Америка не может обеспечить ему соответствующую помощь <...> После этого следующий этап, это была Сирия. Это была громкая победа России, где все-таки получилось предотвратить военный сценарий (это говорилось в 2015 г. — С. К.) <...> После чего получился украинский кризис, где уже Россия раскрылась в полной степени. Выяснилось, что Путин демонстрирует качества твердого лидера, последовательного лидера, который хорошо рефлексирует национальные интересы и понимает, что есть те вещи, от которых нельзя отступить и которыми нельзя торговать <...> заявление Соединенных Штатов, что Америка проигрывает информационную войну, говорит о том, что российская позиция завоевывает все большее количество симпатий <...> Россию начинают все больше слушать (Умные парни // РСН. 2015. 26 марта).

Внешнеполитические идентификации России с помощью нарратива представлены в динамике (в начале: «Россию никто не принимает во внимание», затем: «Россия вступила в системную оппозицию с США» — и в конце: «С Россией начинают считаться») с профессиональной точки зрения политолога-международника и в русле официальной идеологии. Внешнеполитические идентификации России могут быть выполнены в виде дескриптивной модели с использованием персонификации. Политолог С. Белковский изображает процесс взаимоотношений Европы и России как процесс неудачного ухаживания «мальчика» В. Путина за «девочкой» Европой:

За косички он ее дергал, обзывался, плевался, таинственно улыбался, портфелем по голове бил, крутил роман с другими, исчезал надолго — не помогает. Европа только отдаляется. Теперь в отчаянии угрожает всем ядерным чемоданом грохнуть (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 25 марта).

Намерения России, как и в предыдущем примере, изображаются как направленные на привлечение внимания Европы, как попытки обрести свое место и быть вместе с ней. Но результат оценивается противоположным образом: «России не удастся стать своей в кругу европейских стран». Конкретные внешнеполитические шаги России, в отличие от предыдущего нарратива, уведены в подтекст, адресату необходимо самому провести сопоставления на основе фоновых знаний. В этом примере мы видим слияние правил двух дискурсов: целостная, логически завершенная картина отношений России и Европы предполагает влияние практик

специалиста. А речевое ее воплощение в виде персонификации — дань журналистскому дискурсу. Вместе с тем мы видим, что практики внешнеполитической идентификации России находятся также под влиянием дискурсивного объекта «информационная война»: Россия описывается через противопоставление Европе, отношения между ними характеризуются как недоброжелательные. Появление этих смыслов можно было бы отнести к влиянию профессионального дискурса, однако и другие эксперты реализуют практики идентификации сходным образом. Например, журналист-эксперт И. Шамир говорит о том, что П. Порошенко предпринял «...несколько враждебных по отношению к России шагов. Он призвал миротворцев ООН на русско-украинскую границу вопреки Минским соглашениям» и о том, что «обедневшие олигархи становятся более податливыми, но ситуацией могут воспользоваться американцы, если Россия не проявит должного интереса» (Федеративный таран // Известия. 2015. 25 марта). Подчеркиваются смыслы конфронтации, конфликта интересов, используются слова тематической группы «война».

Экспертами также воспроизводятся смыслы «Россия — агрессор» и «Россия — жертва». Так, например, политолог С. Белковский считает, что Россия может настолько увлечься ролью агрессора, что применит и ядерное оружие. А политолог А. Суздальцев говорит о крайне враждебном отношении к России со стороны западных стран: *...я не хочу сказать «вражеские государства», «лютые враги». Хотя, в общем-то, как они себя ведут, как говорят, что жизнь положат, чтобы Россию уничтожить, ну да, лютые враги* (отметим также подбор лексики) (Умные парни // РСН. 2015. 24 марта).

Слово «Россия» в использовании А. Суздальцева и других экспертов, разделяющих эту позицию, имеет смысл «весь российский народ», в то время как в текстах экспертов, критикующих власть, это слово обозначает либо российскую власть, в первую очередь В. Путина, либо противопоставленное ему государство:

Путин понял, что Россию улучшить невозможно, можно только позиционировать себя в качестве Сталина-2 на международной арене и спровоцировать мирные переговоры в формате Ялты-2 (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 25 марта).

Аналогично выстраиваются идентификации внутренней политики: они также представлены развернуто и подчинены влиянию концепта «информационная война». При этом лояльные к власти эксперты подчеркивают единство русского народа, его сплоченность перед лицом внешнего врага (*наш народ политизированный, это титульная нация*), а специалисты, критикующие официальную позицию, выводят на первый план противопоставление «власть и народ» (*Путин закручивает гайки — о призыве президента следить за выполнением закона о запрете призывов к экстремизму*), «Москва и Кавказ» (*Кадыров... хочет дойти Россию*), «власти Крыма и крымские татары» (*И в случае закрытия АТР (телеканала меджлиса. — С. К.), непродления лицензии это будут крутить по другим каналам, вроде изображая то, что АТР существует. Но такие, может, приемы проходили в средневековых каких-то государствах. Но сейчас обмануть так людей навряд ли получится.* — Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 27 марта) и т. п.

Характеризуя внутривнутриполитическую ситуацию в стране, политолог Павловский рассказывает советский анекдот времен застоя о том, что можно никуда не ехать, а просто трясти вагон, имитируя движение. Затем делается обобщение: в России властями имитируется любая реальность. В качестве примера Г. Павловский, в частности, описывает предвыборную кампанию:

Если вы включаетесь в реальные выборы, то у вас возникает естественным образом масса проблем: у вас есть враги, противники, у них есть пресса, они вас атакуют, и так далее. <...> А тут надо все организовывать самому — и прессу, и врагов, противников <...> И еще разделить бюджеты между собой и врагами, противниками, выбрать врагов не так просто <...> Здесь значительно больше усилий, чем в обычных банальных выборах (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 23 марта).

Так же, по мнению эксперта, имитируется стоимость доллара на рублевом рынке, инвестиционные рейтинги, свобода слова, образы самих политиков, суд и правительство. Все вопросы журналиста обсуждаются в этом ключе. Таким образом, используется развернутая дедуктивная модель описания объектов. Внутриполитическая ситуация в России идентифицируется как совокупность имитаций. Отметим, что персонификация и комическая аналогия — это дань политологов практикам конструирования истины в журналистском дискурсе. По наблюдениям Э. В. Чепкиной и Л. В. Ениной, «встраивание правдоподобной интерпретации событий в логику обыденного мышления чаще всего осуществляется через отношения подобия, особенно если связь устанавливается с чем-то хорошо знакомым» [8, 79] Надо заметить, что некоторые эксперты не подвержены влиянию концепта «информационная война». Например, М. Пиотровский говорит, что у России есть два лица, которые воплощены в Петербурге. Но споры между этими сторонами России он представляет не как войну, а как начало диалога, который необходимо продолжать, чтобы учиться договариваться.

В некоторых случаях речь экспертов настолько сильно подвержена влиянию концепта «информационная война», что они могут полностью поменять набор идентификаций с профессионального на политический. Рассмотрим в качестве примера следующий диалог:

*Журналист: Одна из главнейших новостей — это, конечно, трагедия, которая произошла во французских Альпах. Самолет Airbus 320 немецкой авиакомпании German Wings, следовавший из Барселоны в Дюссельдорф, разбился 24 числа в районе Альп во Франции. На борту находилось 150 человек <...> **Бывший заместитель министра гражданской авиации СССР, заслуженный пилот Советского Союза Олег Михайлович Смирнов**, вы с нами? На связи? <...>*

О. Смирнов: <...> кабина пилота недоступна ни для кого, кроме экипажа <...> тогда они блокируют, электроника блокирует этот замок, что вот этот сумасшедший и сделал. <...>

Журналист: Олег Михайлович, а как мог, простите меня, этот псих попасть в пилоты? Как он мог управлять воздушным судном?

О. Смирнов: Вот это правильно! Не о замках говорить надо, а вот об этом. Вот это системная, подчеркиваю, системная ошибка Европы, Германии. И... потому

что она, эта система не срабатывает, не допуская идиотов к штурвалу самолета. Пилот — это особая личность должна быть <...> Что это за система, которая берет пилотом, сажает за штурвал, когда он полтора года лечился у психиатра? Вот вы сколько лечились? Вы лечились когда-нибудь? Я вот 50 лет в гражданской авиации работал и ни разу не лечился. А они берут (Все главное сейчас // РСН. 2015. 28 марта).

Сначала эксперт с профессиональной точки зрения объясняет, как могла произойти трагедия, но после эмоционального вопроса журналиста он меняет тему, переходит на политическую (*системная ошибка Европы*) и заменяет профессиональный уровень обсуждения темы бытовым (*Вы лечились когда-нибудь?*).

Еще одним признаком экспертных идентификаций можно назвать то, что все они выполнены в реальной модальности. Специалист не делится личным мнением, а дает экспертную оценку, которую он может аргументировать. Таким образом, следующая группа практик, с помощью которых реализуется субъектная позиция эксперта, — это практики конструирования истины.

Практики конструирования истины одинаково важны для журналиста и для эксперта. Достоверность информации — одно из главных требований к медиатекстам. А к кому обращаться в поисках истины, если не к эксперту? Специалист всегда так или иначе обосновывает свою позицию (объясняет суть, причины, цели, делает прогнозы, сравнивает, находит контраргументы, вписывает в исторический контекст и т. д.). Все практики конструирования истины, которые характерны для журналистского дискурса [8, 78–79], можно найти и в речи экспертов. Однако выстраивая аргументацию, эксперт демонстрирует специальные знания, показывает авторитетность своих доводов. Дискурсивные объекты изображаются как элементы более общей картины, известной эксперту. Перечислим практики аргументации, которые, на наш взгляд, характерны для позиции эксперта.

1. Важнейшая из таких практик — встраивание объекта в исторический контекст, нередко касающийся специальности эксперта. То или иное явление представляют как продолжающее определенную традицию или, как минимум, имеющее какие-то исторические корни. В. Баранец обосновывает необходимость проведения парада великими победами российского народа:

Мы россияне, у нас есть свои традиции, в нашем историческом арсенале великие победы. Может быть, нам забыть победу в войне 1812 года? <...> У нас есть Великая Победа, у нас есть Священная Победа, у нас есть традиция проведения парада на Красной площади.

М. Пиотровский, рассуждая о цензуре, говорит, что нам необходимо учиться у русской культуры, и вспоминает, что цензором был И. Тургенев, а обсуждая съезд националистов в Петербурге, приводит целый комплекс исторических ассоциаций, чтобы аргументировать идентификацию «Петербург — город социальных конфликтов, он совмещает два лица России»:

М. Пиотровский: Петербург вообще-то место, где всегда в нашей истории происходят такие столкновения разных идеологических позиций, серьезных. Все-таки три революции происходили здесь. Здесь самые острые вещи, самые острые конфликты есть все время <...>

О. Бычкова: *А почему так? Почему здесь?*

М. Пиотровский: *Такое место. Я думаю, что Петр привез сюда, на болото, на море... тут мы все время будем грозить отсюда шведу. И так далее. Мы тут все время кому-то грозим, и здесь происходят все время столкновения <...> Все наши последние события прошлых лет, и связанные с выставками, с братьями Чепменами, богохульством <...> обостренная ситуация здесь. Сейчас немножко переместились географически. Проблемы, связанные с художественным рынком, подделками и тем, как люди грызут друг друга глотки, люди, связанные с художественным рынком, вроде интеллигентные. Это тоже в Санкт-Петербурге. У нас все время какие-то обострения. Постановление по поводу Зоценко и Ахматовой было здесь. Это самое яркое во всей классовой борьбе в сфере культуры за всю советскую историю <...> И Ахматова здесь была, жила и всех безумно раздражала. Всех — потому что оставалась такой великой. И соответственно вокруг нее все враги тоже обостряли свою деятельность. Поэтому я думаю, что это еще одно из проявлений того, что в Санкт-Петербурге обостренно сталкиваются разные точки зрения, принципиальные позиции, и в какой-то мере здесь мы должны находить решение. Наш город должен находить решение между разными сторонами, разными лицами России. Мы же совмещаем два лица России.*

Политолог А. Суздальцев представляет современные этнические проблемы (в частности, между русскими и украинцами) как берущие начало в Советском Союзе:

Д. Надина: *...Откуда это? Ведь мы всегда жили рядом, мы любили друг друга, замуж друг за друга выходили...*

А. Суздальцев: *И всегда друг друга немножечко подзуживали, оценивали... Накопилось.*

Д. Надина: *Это бытовой национализм, который перешел в новую форму?*

А. Суздальцев: *Да, бытовой, этнический национализм... Но где-то он был сразу. В некоторых районах Украины. Об этом знали и приходили в ужас. Вот [неразб.] рассказывал: он съездил, ах, как нас ненавидят, оказывается, а мы не знали. Об этом не говорилось в советское время, а сейчас мы об этом говорим, что ненавидели. Это все люди должны знать <...> лучше, когда это все открыто и обсуждается в обществе. Но, когда скрытно, когда, как в советское время, мы просто случайно узнавали, что нас, допустим, в Чечне не любят, что на Западную Украину лучше ты не поезжай (Умные парни // РСН. 2015. 24 марта).*

Встраивание в исторический контекст может иногда существенно менять привычный взгляд на вещи. Например, А. Кураев, соглашаясь с тем, что коррупция — негативное явление, говорит, что возможен и иной взгляд на эту проблему, проводит исторические параллели и соотносит ее с культурой дара:

Есть традиции добрые и святые, а есть традиции... как пел Высоцкий: «И вся история страны — история болезней». А есть история болезней церковных многовековая. Ну, например, среди церковных традиций — это, например, культура лести, культура взятки, культура коррупции... И в некоторых случаях это даже нельзя оценивать негативно. Но есть такой европоцентризм, характерный для изрядной части вашей радиоаудитории, европоцентризм совершенно понятный. Нас сегодня так воспитали, что взятки чиновнику — это плохо, невозможно, да я, в общем, и согласен. Но дело в том,

что это не есть норма общечеловеческая. Как человек со вкусом к истории, к культурологии, я замечу: это не естественно общечеловеческая норма. Огромное количество человеческих сообществ и культур жили и создавали, и развивали у себя культуру подарка, культуру взятки. Была система кормления, когда назначается некий чиновник на какую-то область, и все понимают, что да, он должен кормить себя. Государство ему не платит зарплату, князь или царь не платит ему зарплату. Ты сам вот... Есть система откупщиков. Пресловутый мытарь из евангельской поры. То есть римская власть дает ему от имени империи: собирай деньги — вот тебе [неразб.] — крутись, как хочешь. Вот нам к 1 марта ты должен принести столько-то талантов. Сколько при этом осядет у тебя в кармане — это твои проблемы. Условие только одно — чтобы люди потом не бунтовали, чтобы не нужно было римскими солдатами рисковать и посылать их на подавление восстания. И огромное количество таких практик было.

Кроме обращения к прошлому, есть и стремление увидеть в настоящем ростки будущего. Комментируя съезд националистических партий, политолог Г. Павловский говорит:

Нет, игнорировать это нельзя. Игнорировать это нормальный человек не может. Значит, либо ты выходишь и говоришь «нет, этого не будет, это только через меня», либо «не надо обсуждать», — но это позиция, мы включаемся все в эту игру <...> Важно, где и кто обозначает зарубки, и кто говорит «нет». Те люди, кто говорит «нет», те и будут политиками следующего десятилетия (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 23 марта).

Дьякон А. Кураев выражает надежду на то, что РПЦ, получив опыт позора, преобразится, и аргументирует свой прогноз аналогией с подобным преобразованием католической церкви:

Надо еще и это пройти. И это бывало, и это пройдет, то есть это не тупик истории <...> Ну что же, католическая церковь через это прошла <...> И одна из реакций католической церкви на аналогичные ситуации, это появление таких людей, как, скажем, папа Франциск. Это же очень изящный ответ, когда мировая пресса тебя постоянно обвиняет, что церковь — это власть и деньги, и это главное в ее жизни. И вдруг... происходит загадочная вещь: сначала в 2005 году выходит потрясающая французская комедия «У нас есть папа». По сюжету этой комедии кардинал, избранный папой, отказывается от этого. Через несколько лет папа Бенедикт сам уходит, самый богатый и властный поп в мире сам складывает с себя полномочия. А в место него выбирают Франциска, который, в частности, сам звонит испанскому юноше, которого изнасиловал какой-то ксёндз, и просит у него прощения (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 26 марта).

2. Еще одна практика аргументации — ироническое конструирование чужой позиции. «Конструирование чужой позиции — это не цитация, не воспроизведение слов конкретного субъекта дискурса, произнесенных в известной ситуации, а формулирование обобщенной позиции в том виде и с теми смыслами, которые необходимы говорящему для подтверждения его мысли» [3, 69]. С. Белковский иронически интерпретирует смысл фильма «Крым. Путь на Родину» как послание президента В. Путина президенту Б. Обаме:

Это же разговор Путина с Обамой. Он говорит: Обама, ты врешь, ты постоянно врешь. Ты говоришь, что вы соблюдаете международное право, а вы его не соблюдаете, ты обещаешь толерантно относиться к законным режимам, а ты свергаешь всех, устраиваешь «Арабскую весну» <...> Ну и я тоже имею право, я пацан, как и ты. Допустим, я чуть младший пацан, ну хорошо, давай встретимся где-нибудь в Рейкьявике или на Лазурном берегу и обсудим, как мы, как два крутых пацана, будем решать судьбу мира. Но если ты не хочешь, я напому тебе всеми доступными мне способами, что и у меня есть, пусть ржавое и устаревшее, но все-таки все еще работающее, благодаря системе и периметру, ядерное оружие <...> И у меня есть внутренняя уверенность в себе, достаточная, чтобы аннексировать Крым, устроить войну на Донбассе и вообще сделать все, что угодно <...> А верноподданный русский народ — да я за 15 лет так научился им управлять, как ты никогда, старичок, не научишься управлять своим не верноподданным, а абсолютно разнузданным и не понимающим сути монархической иерархии американским народом (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 25 марта).

Таким образом, политолог, иронизируя, показывает, что он настолько хорошо понимает ситуацию и позицию В. Путина, знает его характер и манеру говорить, что может практически говорить за него.

3. Описание схемы ситуации, типичной для профессиональной среды. Например, вот как экономист, бывший заместитель главы Центробанка С. Алексашенко, предварительно отметив, что ему все ясно, объясняет смысл слов экс-губернатора Н. Белых, обвиняемого в получении взятки, что он деньги брал, но не для себя, а на нужды города:

С. Алексашенко: Был какой-то проект, который ну никак нельзя было вставить в городской бюджет <...> реконструкция какого-нибудь разваливающегося дома, или помощь там детскому дому, или... церковь какую-то Никита помогал восстанавливать... Выступал таким организатором краудфандинга. Ну, встретился со знакомым бизнесменом... с которым какие-то давние отношения были, ну, вроде как и не друзья даже... поговорили за жизнь. Тот рассказал, как у него дела, Никита рассказал <...> и договорились... [Никита сказал]: Слушай, вот у меня есть такая идея, помоги. — Да нет вопросов. Помогу, конечно. — И судя по тому, что там (в деле Н. Белых. — С. К.) есть фраза «обещал оказывать общее покровительство вот этому бизнесмену»... это означает, что... бизнесмен говорит: слушай, там у тебя какое-то постановление, ты не выпускаешь, посмотри, тжни людей, чтоб выпустили побыстрее. — На что Никита... мог сказать: да, посмотрю <...> — Причем постановление... могло быть не конкретно в отношении этой компании, а вообще какое-нибудь постановление правительства Кировской области (Персонально ваш // Эхо Москвы. 2017. 22 авг.).

Эксперт использует экономический термин краудфандинг, а также воспроизводит схему одной из типичных ситуаций решения финансовых вопросов, которую мог использовать чиновник. Аналогичным образом, т. е. моделируя возможную ситуацию, которая могла быть интерпретирована как получение взятки, С. Алексашенко комментирует ситуацию с А. Улюкаевым и резюмирует: *Это не очень далеко от того, как работает наша система.*

4. Объяснение может производиться с мировоззренческой позиции, характерной для сферы деятельности эксперта:

А. Куряев: Что касается перспектив церкви, я уже два года говорю, как человек религиозный, я считаю, что это по промыслу божиему. Господь решил обогатить опыт нашей церковной истории опытом позора, опытом общественной обструкции, не зонный прямых, как было при большевиках, и даже не просто полемики, а вот, когда вдруг становится как-то неудобно ощущать себя принадлежащим к такой «левиафанизирующейся» структуре (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 26 марта)

Объяснение причин агрессивного поведения РПЦ дается с конфессиональной точки зрения (интерпретация промысла божьего), а негативная оценка — с современной журналистской («левиафанизирующаяся структура»).

Из перечисленных способов аргументации под влиянием дискурсивного концепта «информационная война» находится ироническое конструирование чужой позиции (Путин — крутой пацан) и поиск корней современного русско-украинского конфликта в давней неприязни украинцев к русским, проявлявшейся и в советское время (дело не в том, что межнациональных конфликтов не было, а в том, что вина за них возлагается исключительно на украинцев). Также для подтверждения идеологически окрашенной идентификации эксперты используют ироническое воспроизведение позиции оппонентов, чтобы представить ее как абсурдную, противоречащую здравому смыслу и потому недостойную серьезного внимания и контраргументов:

Они действительно опасаются, что Украина развалится, что появятся какие-то регионы, не только Донецк и Луганск, которые будут жить в федеральном формате, и туда будет внедряться всеми силами Россия (ну, России больше делать нечего, конечно), и это приведет к распаду и вообще засилью русских (Умные парни // РСН. 2015. 24 марта).

В данном случае эксперт отходит от практик профессионального дискурса, который не предполагает таких способов аргументации.

Достоверность экспертных оценок, а также профессиональную компетентность эксперта подчеркивает использование специальных терминов. Выше уже приводился пример использования экономического термина. Приведем пример, когда специалист демонстративно отказывается от практики профессионального дискурса и объясняет это желанием быть ближе к аудитории:

Полковник В. Баранец: Я постараюсь сейчас подобрать самые простые слова для вас и для народа. Не буду фиглярствовать какими-то заумными военными терминами (Умные парни // РСН. 2015. 27 марта).

Однако эти слова говорят о том, что эксперт знает термины и использует их в своей речи.

Специалисты могут использовать практики самопрезентации и прямо сообщать о своей особой осведомленности («я хорошо знаю ту сферу, о которой говорю», «я, как профессионал, знаю то, чего могут не знать другие») и объективности

(«другие специалисты разделяют мое мнение»). Так, полковник В. Баранец, беседуя о видах вооружений, которые будут представлены на параде в честь 9-го Мая, сказал: *Я приоткрою все-таки некую завесу тайны* (Умные парни // РСН. 2015. 27 марта). Однако никакого секрета полковник затем не раскрывает, а просто сообщает, что решение о том, будут демонстрироваться боевые роботы на параде или не будут, принимается Министерством обороны. Политолог С. Белковский тоже ссылается на свою особую осведомленность, основанную на хорошем знании темы: *Я изучаю украинскую политику очень плотно, поэтому для тех, кто ее знает не хуже или лучше меня, это совершенно не удивительно* (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 25 марта). Подчеркивание объективности достигается за счет ссылок на мнение других экспертов, например: *Недавно мне приходилось беседовать с зарубежными специалистами...* (Умные парни // РСН. 2015. 27 марта); *По опыту моего общения с коллегами из академической среды из европейских стран, там возникает очень сильное ощущение нехватки России ...* (Умные парни // Там же. 26 марта).

К практикам, формирующим субъектную позицию эксперта в интервью, можно отнести использование жанра совета. Обычно в беседе журналист спрашивает гостя, обладающего специальными знаниями, что делать в той ситуации, о которой идет речь (ситуация может касаться сферы деятельности эксперта, а может не касаться и просто относиться к актуальным событиям, широко обсуждаемым в СМИ). Совет дается опять же с опорой на профессиональные знания или опыт деятельности собеседника.

С. Алексащенко спросили, не опасно ли хранить валюту в банке «Открытие». Экономист ответил ссылкой на российское законодательство: *Если у вас до миллион четыреста тысяч рублей* (так сказал С. Алексащенко. — С. К.), *то не опасно*, — и дальше рассказал, какие проблемы испытывает этот банк.

У М. Пиотровского спросили совета, как быть с ветеранами, которые хотели бы присутствовать на юбилейном параде Победы, но попасть туда не смогут. Пиотровский отметил, что парад — это мероприятие, доступ на которое всегда был ограничен, поэтому, чтобы у ветеранов не было ощущения, что они не нужны, необходимо организовать много различных альтернативных мероприятий, на которые они будут приглашены. Затем он рассказал, какие мероприятия для ветеранов по случаю Победы проводит Эрмитаж, т. е. сослался на свой профессиональный опыт.

Возможен ироничный совет. Так, политолог Г. Павловский, характеризуя ситуацию в России как абсурдную, как совокупность различных имитаций, дает совет выключить телевизор и пытаться достичь дзен.

Адресант, помимо информации, формирующей социально-ролевую позицию, может сообщать о себе информацию конкретно-чувственного характера, которая позволяет аудитории соотнести его образ с конкретной биографической личностью [8, 83]. Информация личного характера содержится и в словах экспертов. Она опять же так или иначе связана с их сферой деятельности. В. Баранец рассказывает о тех эмоциях, которые охватывают его, когда он смотрит парад: *Тогда ты смотришь на родную армию и думаешь: «Елки-моталки, как же хорошо, что*

она у нас есть!» А. Кураев предваряет рассказ о своем отношении к РПЦ словами: *Я человек верующий...*, а позже, говоря о коррупции, отмечает: *Как человек со вкусом к истории, к культурологии, я замечу...* М. Пиотровский, рассуждая о том, что «Петербург — город социальных конфликтов», упоминает о гибели друга, ставшего жертвой одного из этих конфликтов, показывая, что они затронули и его лично: *В Петербурге в свое время был убит мой друг Коля Гиренко <...> потому что именно здесь активно он выступал против всяких ростков фашизма и правого экстремизма.*

Выводы

Таким образом, субъектная позиция эксперта в СМИ конструируется человеком, выступающим в этой роли, и журналистом совместно. Журналист разными способами подчеркивает авторитетность, компетентность и объективность приглашенного эксперта. Во-первых, журналист представляет его с помощью практик именования, обосновывая право занимать данную субъектную позицию. Во-вторых, интервьюер, реализуя практики выбора дискурсивных объектов, либо находит темы для обсуждения, непосредственно связанные с профессиональной деятельностью эксперта, либо ищет такой угол рассмотрения актуальных событий, который позволяет собеседнику проявить себя как специалиста. В-третьих, журналист обращается к эксперту как к человеку, который знает законы определенной области действительности и, руководствуясь ими, может сказать, «как правильно», дать совет, что, наряду с запросом аргументов, относится к практикам конструирования истины.

Сам эксперт, выступая в СМИ, также разными способами доказывает свое право на эту социально-ролевую позицию, в первую очередь за счет привлечения речевых практик профессионального дискурса к идентификации объектов медиадискурса (использование терминов и специальных оборотов речи, опора на профессиональные нормы и правила, встраивание конкретных фактов и событий в типичные схемы, объяснение закономерностей и тенденций, существующих в известной ему сфере, апелляция к профессиональному опыту). Специалист нередко подчеркивает авторитетность своего мнения за счет практик демонстрации особой осведомленности.

Из сказанного ясно, что практики конструирования субъектной позиции эксперта, используемые журналистом и его собеседником-специалистом, находятся в тесной взаимосвязи и образуют систему речевых действий, цель которых — представить экспертное мнение как авторитетное и объективное.

Вместе с тем в современных СМИ на практики как журналиста, так и эксперта оказывает влияние дискурсивный концепт «информационная война». В первую очередь он воздействует на практики конструирования дискурсивных объектов. Журналисты начинают своими вопросами направлять собеседников на то, чтобы они обсуждали тему не столько под профессиональным углом зрения, сколько в политическом аспекте, в контексте противостояния России и Запада, противопоставления «мы — они». Запрашивая аргументы, журналист предлагает

эксперту выбрать и обосновать определенную идеологическую позицию в данном противостоянии, а профессиональные знания специалиста должны служить лишь инструментом для этого.

Эксперт, понимая правила игры, включается в нее: характеризует объекты в аспекте конфронтации между Россией и Западом, использует слова тематической группы «война» (*вражеский, нападать, захватить, уничтожить* и т. п.), подменяет аргументацию идеологической оценкой, использует в качестве доводов иронию. В некоторых случаях влияние концепта «информационная война» столь велико, что эксперт может отойти от своей субъектной позиции.

1. Академик : [портал]. URL:<http://investments.academic.ru/1551/> (дата обращения: 14.07.2017).

2. Енина Л. В., Ильина О. В., Каблуков Е. В., Чепкина Э. В. Практики политической идентификации россиян под влиянием концепта «информационная война» // Полит. лингвистика. 2017. № 4 (64). С. 96–107.

3. Калганова С. О. Дискурсивные практики конструирования чужой позиции в российских СМИ // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования : сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф., 12–15 дек. 2016 г. Краснодар, 2016. С. 68–74.

4. Малый академический словарь [Электронный ресурс]. URL:<http://enc-dic.com/academic/Jekspert-75050.html> (дата обращения: 18.07.2017).

5. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков, 2008. 352 с.

6. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : работы разных лет. М., 1996. С. 47–96.

7. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург, 2000. 279 с.

8. Чепкина Э. В., Енина Л. В. Журналистский дискурс: анализ практик // Изв. Урал гос. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 2. С. 76–85.

Статья поступила в редакцию 08.12.2017 г.

АВТОР ФЕЙКА КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ МИСТИФИКАТОР

Статья посвящена исследованию феномена фейковых сообщений, в основе которых лежит мистификация. Сегодня, в условиях развития Интернета, попытка ввести людей в заблуждение приобрела массовый характер и рассматривается как эффективный прием для привлечения аудитории. В статье представлены разновидности авторов-мистификаторов, подходы к распознаванию которых важны в борьбе с фейковыми сообщениями.

Ключевые слова: фейки; мистификация; медиамистификация; медиафальсификация; боты; тролли; пранки.

Феномен фейка заключается в том, что в его основе лежит мистификация. Мистификация — это намеренная попытка введения людей в заблуждение через предоставление им несуществующих фактов, которые воспринимаются значительной частью аудитории как реальность.

Современные медиа дают достаточно богатый материал для оперирования понятием «медиамистификация». «Медиамистификация — это созданная и зафиксированная в информационном поле фиктивная история (событие или явление), которая подкреплена рядом правдоподобных доказательств, выступающая ярким информационным поводом для средств массовой информации» [8, 82–83].

Медиамистификация направлена на то, чтобы отобразить фрагмент реальности, в подлинности которого не было бы сомнения. Зачастую медиамистификация превращается в обман, в циничную «разводку», которую называют «медиафальсификация». Для «доказательств» тогда используются подложные свидетельства (фото, видео, вымышленные источники информации и др.). Обладатель Нобелевской премии по экономике Дэниэль Канеман объяснил, что человеку присуще врожденное свойство игнорировать те факты, которые заставляют мозг прилагать большие усилия [3, 650].

Именно поэтому люди предпочитают оставаться в «пузыре», и любая информация из незнакомых источников, к тому же противоречащая личным взглядам, игнорируется. В результате опровержение дезинформации не всегда приводит к изменению в общественных взглядах. Более того, «пузыри фильтров» существенно препятствуют формированию общественного дискурса и опасны для развития демократического общества.

Принято считать, что непроверенной информации в большей степени доверяют не очень образованные люди. Е. Е. Пронина опровергает этот тезис. Она полагает, что любой человек, поддавшись влиянию толпы, может воспринимать

Распопова Светлана Сергеевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета (e-mail: sscrpiass@mail.ru).

© Распопова С. С., 2018

информацию, основанную на мистификации. По мнению исследователя, вполне образованный, по-современному ироничный человек погружается в синкретизм с его размытостью психического и физического, причинности и преднамеренности, личного опыта и коллективных представлений, жаждет чудесного озарения или авторитетного слова... «Это предельное выражение массовых состояний психики, когда открываются шлюзы коллективного бессознательного, и люди готовы искать ответа и опоры на стороне, прежде всего в массовой коммуникации, и голос молвы снова становится для человека голосом Бога. Феномен “толпы”, столь ярко описанный философами и политиками XX в., наглядное тому подтверждение» [9, 43–46].

Человек, зараженный психологией толпы, как правило, нуждается в сообщении с ориентацией на иррациональную сторону психики: ставка не на информацию, а на надежды, не на факты, а на оценки. Так, например, многие российские телезрители поверили фильму Андрея Лошака «Полное затмение», который посвящен мифам, живущим в голове обычного россиянина: жидомасонский заговор, ковры, насылающие порчу, ген нацизма, звезда Давида под куполом храма Христа Спасителя и прочее в том же роде. Цель фильма, по мнению его автора, была в том, чтобы докричаться до условного телезрителя из Челябинска или Таганрога: «Дружище, хватит заливать пивом всю эту лабуду, которую вешают тебе на уши. Очнись, выключи на минутку телевизор и включи голову». «Этот проект, — по мнению А. Лошака, — преследовал обратную цель — заставить зрителей критически воспринимать информацию, но, увы, это произошло не со всеми. Этот проект — зеркало, в которое зритель может посмотреться и увидеть себя сам. И задуматься. Это буквально сказано в конце проекта, когда зритель должен увидеть своего главного врага, экран гаснет, и зритель видит свое отражение. То, что люди в этот фильм поверили и, несмотря на концовку, продолжают верить, говорит о том, что это правдивая история» [10].

Фильм вызвал неоднозначные оценки у телекритиков, его назвали «документальной издевкой», потому что фальшивая информация быстро закрепляется в сознании человека. Это происходит в тех случаях, когда она перекликается с каким-то распространенным мнением, или тогда, когда «факты» соответствуют представлениям людей о том, что такое правда. По мнению психологов, человек знакомится с какой-то идеей, она ему нравится, поэтому она закрепляется в его мозгу. Фальшивые слухи оформляются и остаются в сознании человека как правдивые, когда они вызывают сильную эмоциональную реакцию. Классическим примером мистификации является литературная мистификация, авторство которой приписывается другому лицу.

Примером эффектной мистификации является произведение Пьера Луиса (Louis) «Песни поэтессы Билитис» 1894 г. В предисловии к сборнику сказано, что автор нашел песни неизвестной греческой поэтессы. Открытие вызвало большой резонанс в обществе. Исследователь А. Т. Фоменко пишет: «В 1908 году не всем было известно о мистификации, так как в этом году Луис получил от одного афинского профессора письмо с просьбой указать, где хранятся оригиналы песен Билитис» [12, 390].

При создании фейка автор всегда маскирует себя. Фейковое сообщение — это подделка и мистификация одновременно. Задача подделки — заставить поверить, а мистификации — разыграть читателя, предоставляя ему самому право верить или не верить сообщаемому. Фейковое сообщение внутри своей структуры также приобретает черты игры, так как используется прием подражания, поэтому фейк имеет игровой, карнавальнй характер. Важно отметить, что он создается зачастую путем имитации чужой речи, поэтому фейковое сообщение похоже на ребус, пытающийся скрыть свою вторичность и выдать ее за уникальность.

Мистификация близка, но не тождественна вымыслу. Общеизвестно, что литература широко опирается на вымышленные факты. Отказ от них в художественном творчестве может нанести невосполнимый вред самому искусству, так как через вымышленные образы автор обобщает факты реальности. Вместе с тем многие художники предпочитают не придумывать, а наблюдать над жизнью. Еще в XIX в. Н. С. Лесков говорил о том, что настоящий писатель — это «записчик», а «не выдумщик» [13, 93]. Понятие «вымысла» проясняет границы между произведениями художественными и документально-информационными.

В информационных текстах исключается возможность вымысла, а в художественных он допускается, так как «сообщения в текстах художественных находятся как бы по ту сторону истины и лжи» [13, 94]. Мистификация напрямую связана с понятием «авторской маски», которая всегда создается при использовании «чужого имени». Классическим примером «маски» является Козьма Прутков, под именем которого выступали в XIX в. Алексей Толстой, братья Жемчужниковы и Александр Аммосов. Маску (имидж как модификацию маски) связывают с обманом и рассматривают как способ репрезентации человеком самого себя в обществе и средство стилизации под речь другого человека. Исследователи часто сравнивают маску с пародией, гримасой, кривлянием, воплощающими игровое начало.

В условиях развития Интернета мистификация стала массовым явлением, что во многом способствовало появлению новых разновидностей авторов медиатекстов: ботов, троллей, пранкеров, которые по-новому используют прием «авторской маски». Как известно, подлинный автор текста — это всегда субъект действия, он транслирует явления и события жизни и силой своего воображения создает такие ситуации, которых в действительности могло бы не быть. В этом смысле очень знаменательна надпись, которую сделал А. А. Блок на полях рукописи одного своего стихотворения: «Ничего такого не было» [13, 93]. Но эти вымышленные ситуации обязательно отражают какие-то жизненные закономерности. Подлинность художественного произведения не в прямых отсылках к жизненным событиям, участником или свидетелем которых стал автор, а в «правде жизни»: может произойти такое в действительности или же нет. Подтверждением этого является высказывание Л. Н. Толстого: «Вообще герои и героини мои делают иногда такие штуки, каких я не желал бы: они делают то, что должны делать в действительной жизни, а не то, что мне хочется» [11, 231–232].

Авторы-мистификаторы в отличие от авторов-творцов не являются носителями духовного опыта. Это фиктивные участники коммуникации, цель которых

заключается не в проявлении своего видения жизни, а в замене живого человека. Мистификаторы моделируют речевое поведение человека, мимикрируя под автора — творца сообщения. Намеренно идут на фальсификацию ради забавы, ради поддержания в человеке заблуждения или в пропагандистских целях.

Боты — это особый вид автора-мистификатора, под ботами принято понимать программы, выполняющие операции, которые могут быть тождественны действиям любого пользователя Интернета. Слово «бот» английского происхождения (*bot* от слова *robot*). В молодежной среде сегодня популярны онлайн-игры, участники которых выдают себя за других людей. Зачастую боты применяются для имитации общения с человеком или для автоматического участия в аукционах и др. Боты в социальных сетях (*social bots*) представляют собой профили (аккаунты), автоматически созданные и управляемые компьютерными программами в интересах заказчика (как правило, коммерческой компании). Симулируя профили интернет-пользователей, они создают впечатление, что управляются реальными людьми. Боты с легкостью вычисляют алгоритмы информационных запросов других пользователей (через поисковые слова, изображения, хэштеги). В доли секунды они способны распространить специально подобранный в соответствии с этими запросами контент, массово переадресовывая его пользователям, хотя бы раз проявившим интерес к подобному контенту. Главная их задача — наводнить социальные сети сообщениями, в том числе и фейковыми, подстроенными под интересы целевой аудитории. В докладе для Комиссии по ценным бумагам и биржам (*the Securities and Exchange Commission*) «Твиттер» обнародовал данные о количестве ботов за 2014 г.: ежемесячно более 23 млн (8,5 %) активных пользователей «Твиттера» были ботами. По данным «Фейсбука» за тот же период, ботами оказались от 5,5 до 11,2 % пользователей. Около 20 % твиттер-сообщений в период президентской кампании в Америке 2016 г. были также созданы автоматически.

Первый чат-робот *Eliza*, который моделировал речь человека, был создан около 40 лет назад. Исследователи полагают, что эта программа положила начало целому семейству программ *Chatbot*. Первый тип основан на введении частотных речевых высказываний и их соответствий. Второй тип называют «глагольным». «Программа строит речевые высказывания в соответствии со связью между глаголом, объектом и его признаками. Например, глагол “бежать” в прямом значении предполагает обязательное наличие одушевленного субъекта действия (кто?) и обстоятельства места (куда?)» [2, 80].

Отличить ботов от реальных пользователей сложно, но возможно. Боты как виртуальные собеседники способны только имитировать процесс коммуникации, а не участвовать в нем. Отличие реального пользователя от бота заключается в том, что у последнего основной речевой формой является обмен высказываниями-репликами.

Боты общаются со своими собеседниками в режиме диалога как первичной формы коммуникации, представляющей собой неподготовленный, спонтанный тип речи. Автор — творец сообщения в ходе коммуникации использует как диалог, так и монолог, и полилог. Для ботов участие в монологе затруднительно, потому

что монолог — это жанр, который образуется в результате речевой деятельности говорящего и который не рассчитан на активную одновременную реакцию слушателя. Это речь наедине с самим собой, которая не направлена непосредственному слушателю. Затруднителен для бота и полилог по причине того, что этот жанр разговорной речи предполагает смену ролей говорящих и слушающих без видимого доминирования одних над другими. Бот как автор-мистификатор в речевой коммуникации всегда стремится к коммуникативному лидерству.

Первые чат-роботы побуждали человека к коммуникации следующими фразами:

- «да, я вас понимаю»;
- «это очень интересно»;
- «пожалуйста, продолжайте».

Чуть позднее в технологию ведения разговора виртуального собеседника были заложены основы диалогической интеракции: «Расскажите больше о вашей семье». Главным недостатком речевого поведения машины долгое время оставалось отсутствие возможности инициации общения и смены темы разговора. Сошлемся на Н. Н. Зильбермана, который, анализируя особенности речевого поведения машины, пришел к выводам, что такая естественная речевая форма коммуникации, как полилог, не может быть использована виртуальными собеседниками, так как участие человека в полилоге предполагает большое количество вариаций и сложнее поддается имитации [2, 80].

Троллей также можно причислить к авторам-мистификаторам, исходя из того, что троллинг используется как персонифицированными участниками, которые заинтересованы в своей публичности, так и в ходе анонимного взаимодействия пользователей без идентификации с реальным субъектом виртуальной коммуникации. Тролли — это пользователи Сети, которые, как правило, нарушают этику сетевого взаимодействия, прибегая к различным формам агрессивного и оскорбительного поведения для нагнетаний конфликтов.

«Троллинг — это написание провокационных сообщений (реплик) с целью вызвать флейм, конфликты между участниками... оскорбления и т. п. Технологий и стилей троллинга существует огромное множество, но все они ведут к главной цели — дестабилизации сетевого общения» [1, 30–32]. Одной из главных причин появления троллей является «сетевая анонимность». В пространстве Интернета можно не придерживаться каких-либо социокультурных ограничений и чувствовать себя безнаказанно. Понятие «троллинг» (от англ. фразы *trolling for newbies*; *newbies* — новичок) появилось в начале 1990-х гг. в одной из групп сети *Usenet alt.folklore.urban*. «Употребление там несколько отличалось от современного значения — это была относительно мягкая шутка, понятная для “своих”, применяемая старыми пользователями к настолько утрированным вопросам или темам, что только новичок отреагировал бы на них искренне». Сегодня термин включает в себя ситуацию агрессивного поведения с целью вести адресата в заблуждение.

Троллинг представляет собой организованную систему, с помощью которой распространяются сообщения через профили, которые управляются

троллями — реальными людьми. Как правило, тролли — это люди, специально нанятые для создания контента в интересах заказчика. Троллинг сравнивают с ловлей рыбы на приманку, так как публикации троллей носят оскорбительный и провокационный характер с целью спровоцировать адресата на агрессию. В социальных сетях тролль создает профиль не существующего в реальности человека, добавляет к нему краткую биографию и круг друзей, с которыми он делится сообщениями в персональной ленте новостей, ссылками и комментариями. Один тролль может управлять несколькими профилями, создавая для каждого свою идентичность на основе гендерных, возрастных, профессиональных характеристик (например, 30-летняя домохозяйка, военный в отставке, студент-медик).

Выявить тролля можно по его манере общения в Сети. Он старается вызвать реакцию пользователей в виде комментариев, репостов, лайков, искусственно навязывает другим темы общения, создавая провокационные сообщения и комментарии. «Все эти комментарии с устойчиво повторяющимися стилистическими оборотами и смысловыми клише (скатертью дорожка, станет легче дышать, дерьмо к дерьму не липнет и др.) восходят к некоему образцу» [6]. Тролли часто переходят на личности, занимаются подтасовкой фактов, они могут убеждать других с помощью неаргументированного спора, перехода на личности, зачастую используя некоторый набор правил общения, но могут использовать и вполне аргументированные доводы [15].

Пранкеры — еще одна разновидность авторов-мистификаторов, совершающих телефонные звонки, как правило, анонимные, или создающих фальшивые аккаунты в Интернете. Первым проявлением пранкерства были розыгрыши по телефону. Телефон с этой целью был выбран не случайно, так как собеседник находится на достаточном расстоянии, сохраняется анонимность обоих собеседников: того, кто разыгрывает, и кого разыгрывают. С развитием Интернета общение в рамках розыгрыша стало записываться и в дальнейшем распространяться в Сети. Пранкерство связано с провокацией, подшучиванием над человеком с целью манипулирования его поведением и желанием вызвать у него яркую ответную реакцию. Пранкеры имеют свой набор технических приспособлений для записи пранка: микрофоны и программы для записи телефонного разговора через модем, специальные программы, изменяющие голос. Само слово «пранк» на рубеже 1990–2000-х гг. было заимствовано из английского языка, где существительное «*prank*» имеет значение ‘проказа, шалость, проделка’; ‘розыгрыш’. В Англии и Америке «*prank*» — розыгрыш в широком смысле слова.

На американском сайте «*The Prank Institute*» приводится классификация розыгрышей (*pranks*). В русском языке пранками стали называть то, что в английском языке называется «*phone pranks*» или «*prank calls*» (телефонные розыгрыши). До середины XX в. это же явление часто называли «телефонными приколами», однако затем слово «пранк» окончательно закрепилось в языке [15].

Пранкеры Вован (Владимир Кузнецов) и Лексус (Алексей Столяров) — самые успешные в России телефонные шутники. Популярность им принесли телефонные розыгрыши знаменитостей из мира шоу-бизнеса, спорта и политики: Элтона Джона, Джона Маккейна, Александра Лукашенко, Михаила Саакашвили, Владимира

Чурова и др. В конце 2011 г. Вован позвонил председателю Центризбиркома Владимиру Чурову и, представившись вице-премьером Аркадием Дворковичем, едва не «отправил» Чурова в отставку.

На счету у пранкеров есть случаи, которые привели к роковому исходу. Речь идет об австралийских диджеях, которые позвонили в больницу, где в это время проходила курс лечения герцогиня Кейт. Представившись королевой Великобритании Елизаветой и принцем Чарльзом, они попросили соединить их с герцогиней. Звонок приняла медсестра Жасинта Салдана (Jacintha Saldanha) и, поверив пранкерам, соединила их с персональной медсестрой герцогини, которая достаточно подробно рассказала о состоянии будущей мамочки и курсе проводимого лечения. Разразился громкий скандал. Представители королевского двора отметили, что подобный инцидент — «вопиющее нарушение всех правил безопасности и конфиденциальности». Руководство госпиталя принесло извинения и пообещало тщательно пересмотреть внутренние правила ведения телефонных разговоров. На другой день после скандала произошла трагедия — медсестра Жасинта Салдана совершила суицид. В результате шоу радиоведущих закрыли, а ведущих уволили. Власти Великобритании хотели их привлечь к уголовной ответственности, но дело до суда не дошло. Пранкеры используют для розыгрышей темы без всяких этических ограничений. Итальянский пранкер Томмазо Дебенедетти от имени министра культуры Франции сообщил о смерти белорусской писательницы Светланы Алексиевич. Издание о культуре «Кольта» опубликовало интервью Томмазо Дебенедетти с объявлением о кончине Алексиевич, в котором он рассказывал о том, **что** вживается в роль личности, от имени которой звонит или ведет твиттер-аккаунт, используя в речи определенные маркеры-клише, связанные с конкретной личностью. Его девиз: «Не делать некоторое время никаких громких, резонансных заявлений. Надо создать безоблачное небо, усыпить бдительность, чтобы потом разразиться грозой». Через несколько дней «Кольта» опубликовала материал под названием «Нам очень стыдно (на самом деле нет)», в котором рассказала, что это интервью было фейковым.

В свое оправдание издание сообщило, что в тексте была спрятана ссылка на аккаунт в «Твиттере», где было сказано, что интервью фальшивое. Но читатели этой ссылки не заметили.

«...Да, дорогие читатели, интервью с Томмазо Дебенедетти выдуманно от начала до конца, от первой до последней буквы журналистом Денисом Куреновым. Вы, конечно, помните люмьеровского “политого поливальщика”. Этот поливальщик должен был быть полит! Если бы кто-то из вас одним кликом перешел в корень аккаунта, мы взлетели бы с нашим обманом еще быстрее, чем Дебенедетти. Там лежит единственное сообщение: “Интервью с Томмазо Дебенедетти на COLTA.RU — это мистификация”. Но этот квест в один ход никто не преодолел. Мы, конечно, слегка разочарованы. Журналисты решились на подлог, так как Дебенедетти игнорировал их запросы в твиттере» [16].

На этом попытки взаимодействия «Кольты» с итальянским пранкером не закончились. Журналисты повторно написали ему и указали ссылку на интервью, которого тот не давал. На этот раз Томмазо Дебенедетти ответил письмом,

в котором положительно отозвался о работе журналиста Дениса Куренова. «Интервью со мной, опубликованное на COLTA.RU, было блестящим. Да, это фейк, но этот фейк более реальный, интересный и находчивый, чем любое настоящее интервью. Великолепная работа Дениса Куренова доказывает, что иногда при помощи мистификации можно создать куда более убедительный портрет собеседника, чем при реальном разговоре. Это не только образец журналистики, но также и образец литературы в нашу эпоху постправды» [4].

История с фейковым интервью вызывает вопрос: верить ли тому, что именно Томмазо Дебенедетти написал ответ редакции? Оснований для этого немного, так как «Кольга», обращаясь к своим читателям, писала: «На этом мы, пристыженные, раскланиваемся. Обещаем впредь вести себя с вами честно. (Ну, или посмотрим)». Фальсификация, в которой созналась редакция «Кольга», вызвала неодобрительные комментарии читательской аудитории: «Читатели не обязаны разоблачать ваши материалы, читатели вас читают, надеясь получить нормальные тексты. При этом вы увлекаетесь дурацким постмодернизмом, потом обвиняете читателей, гордо прикладываете скриншоты переписки с мужиком, до которого никому нет дела, словно это манна небесная...» [Там же]. Цель пранкера — отклик на события, происходящие в обществе, самопрезентация и самореализация в рамках социума. Зачастую пранкеры ощущают себя в роли спасителей человечества. То, что пранкеры берут на себя функции общественного контролера, воспринимается в обществе неоднозначно. Так, например, главный редактор «Эха Москвы» А. Венедиктов и журналист Э. Геворкян по-разному оценили деятельность австралийской радиостанции, журналисты которой разыграли медсестру и тем самым довели ее до самоубийства. По мнению А. Венедиктова, журналисты не совершили никакого преступления, так как они обязаны узнавать общественно важную информацию. Э. Геворкян, рассматривая эту ситуацию, напротив, высказала мнение о том, что с этической точки зрения нарушение было, так как журналисты представились чужими именами и обманули [7].

Сказанное выше позволяет говорить о том, что с развитием информационных технологий произошел перевод мистификации в сферу коммуникации. Все активнее о себе заявляют мнимые авторы, которые овладели разными тактиками речевого поведения в основном манипулятивного характера: сокрытие, искажение и подмена информации.

Мистификация в медиа рассматривается сегодня как эффективный прием привлечения аудитории. Это обстоятельство ставит на повестку дня вопрос о медиаобразовании для всех пользователей медиа.

1. Акулич М. М. Троллинг в социальных сетях: возникновение и развитие // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. 2012. № 3. С. 30–37.

2. Зильберман Н. Н. Технологии виртуальных собеседников и формы речевого взаимодействия // Гуманитарная информатика. 2009. № 5. С. 80.

3. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М., 2013.

4. Куренов Д. Томмазо Дебенедетти: На моей странице Шойгу писал, что «Путин красив, как орел и как медведь» // Colta. 2017. 1 июня.

5. *Лыфенко Н. Д.* Виртуальные пользователи в социальных сетях: мифы и реальность // *Вопр. кибербезопасности*. 2014. № 5. С. 17–20.
6. Объяснительная записка Аллы Латыниной читателям «Новой газеты» // *Новая газета*. № 3, 13 сент.
7. «Особое мнение». Эвелина Геворкян // *Эхо Москвы*: [электрон. период. изд.]. 2012. 10 дек. URL: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/965100-echo/>.
8. *Первухин А. А.* Теоретические аспекты понятия «медиамистификация» // *Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. : Филология. Искусствоведение*; вып. 71. 2012. № 32 (286). С. 82–85.
9. *Пронина Е. Е.* Психология журналистского творчества. М., 2002. С. 43–44.
10. *Сурганова Е.* Мы живем в городе Глупове // *Лента.Ру*: [электрон. период. изд.]. 2012. 3 сент. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/02/28/loshak/>.
11. Толстой в воспоминаниях современников : в 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 231–232.
12. *Фоменко А. Т.* «Меняем даты — меняется все». М., 2011.
13. *Хализев В. Е.* Теория литературы. М., 1999. С. 93–94.
14. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-virtualnyh-sobesednikov-i-formy-rechevogo-vzaimodeystviya>
15. [Электронный ресурс]. URL: <http://mdalekseevsky.narod.ru/alekseevsky-prank.PDF>
16. [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/shapito/2017/06/16/kolta-vylozhila-feykovoe-intervyu-prankera-za-dve-nedeli-ni-odin-chitatel-etogo-ne-zаметil>.

Статья поступила в редакцию 22.10.2017 г.

ПОСТПРАВДА НА ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ЭКРАНАХ: НОВОСТИ ПРОТИВ ДОСТОВЕРНОСТИ

В статье рассмотрен феномен постправды на телевидении. Показана связь постправды с фейковыми новостями, пранком и троллингом. Со ссылкой на современных отечественных исследователей отмечено формирование особой телевизионной реальности, связанной с игровой природой телевидения. Констатируется разрушение профессиональных ценностей тележурналистики. В качестве направления борьбы с постправдой на телевидении представлена система подготовки будущих тележурналистов на кафедре телевидения, радиовещания и технических средств журналистики Уральского федерального университета.

К л ю ч е в ы е с л о в а: постправда на телевидении; фейковые новости; пранк; троллинг; телереальность; игровая природа телевидения; обучение тележурналистов.

Словом 2017 г., по версии авторитетного англоязычного издания Collins Dictionary, стало сочетание «фейковые новости» (fake news). Примечательно, что не просто слово «фейк», уже давно перекочевавшее в русскоязычные тексты, а именно «фейковые новости». Массовые новости создаются и распространяются журналистами в первую очередь на телевидении и в Интернете. Отсюда понятно наше внимание к данной теме, которую к тому же активно освещали русскоязычные СМИ [3, 10, 25, 26].

Словом 2016 г., по версии Oxford English Dictionary, стала «потсправда» (post-truth) [18]. Это слово и обозначаемый с его помощью феномен стали активно обсуждать после победы Дональда Трампа на президентских выборах в США и итогов голосования британцев по вопросу о выходе из Евросоюза. При этом слово используется довольно давно — более 20 лет. «Политика в режиме post-truth — это подмена фактов фейками, часто спекуляция на самых низменных эмоциях и отказ играть по правилам. Таким образом, “постправда” — это и про Трампа, и про “Брексит”, и про Путина, и про всех остальных, кто открыто бросает вызов политическому истеблишменту и экспертному знанию» [29].

Эти два популярных английских слова, заметим, довольно быстро вписавшиеся в русскоязычное информационное пространство, тесно связаны между собой. Они ярко и точно отражают современную медиареальность, в которой все более значимую роль играют социальные сети. Их влияние становится все более весомым, поскольку самая массовая, телевизионная, аудитория стареет и уменьшается. При этом наблюдается рост молодой и более социально активной интернет-аудитории. Хотя, конечно, резкую границу между ними проводить

ЗИНОВЬЕВ Илья Викторович — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой телевидения, радиовещания и технических средств журналистики Уральского федерального университета (e-mail: ziliv@mail.ru).

не стоит. Во-первых, потому что часто телезрители и пользователи Всемирной паутины — это одни и те же люди. Во-вторых, в силу схожего потребительского поведения в отношении визуальной информации.

Рассмотрим более подробно феномен постправды и его отражение в телевизионном эфире федеральных телеканалов. Итак, «постправда — обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям» [33]. Стало быть, занимательность, ориентированная на убеждения, и развлекательные элементы, находящие выражение в инфотейнменте, в подаче новости намного важнее проверки фактов, лежащих в ее основе. Нельзя также забывать о стремлении к высокой степени оперативности, без чего невозможно соревнование за место под «солнцем» зрительских симпатий. Если же принять во внимание мультимедийные и интерактивные возможности Интернета, то тележурналисты должны позаботиться еще и о ярких постановочных элементах, которыми, например, изобилуют телепередачи криминальной тематики [1, 18].

Что касается убеждений, которые в условиях фейкового медиаполя все более и более напоминают веру в изустно передаваемые мифы, то здесь журналисты вступают на зыбкую почву самых вольных интерпретаций фактов и явлений. Отсюда — разделение СМИ, в том числе телевизионных, на несколько условных лагерей, например, патриотический, прогосударственный, либеральный. Можно также говорить о симпатиях отдельных телеканалов, как вещательных, так и сетевых, к радикалам — правым и левым, различным религиозным объединениям, общественным движениям. Дробление некогда, в эпоху СССР, единой телеаудитории все набирает обороты. И всем этим сегментам зрительской массы необходимо предоставить привлекательный контент.

«Определяющей чертой политики постправды является то, что участники кампании продолжают повторять свои тезисы, даже если те получили опровержение в СМИ или через независимых экспертов. Это происходит из-за того, что раздробленность источников новостей создает ситуацию, в которой ложь, сплетни и слухи распространяются с необычайной скоростью. Ложь, которую распространяют политики или их сторонники в Интернете через сеть пользователей, может очень быстро подменять правду» [17].

На деятельность телевизионных профессионалов накладывается широкий массив информации, распространяемый видеоблогерами, а также троллями и пранкерами всех мастей и оттенков. Примечательно, что деятельность пранкеров в последнее время получает широкое освещение, в том числе на телеканалах. Их даже приглашают работать на телевидение. И преподносят в качестве «политических журналистов» [21, 24, 27]. Некоторое время назад на журфаке Уральского федерального университета распространялась информация о том, что «известные пранкеры Вован (Владимир Кузнецов) и Лексус (Алексей Столяров)» на факультете журналистики представят свою книгу «Вован и Лексус. По ком звонит телефон», расскажут о пранкерстве в России, поделятся секретом своего успеха в этом «новом виде политической журналистики». Примечательно, что об этом событии писали такие издания, как «ФедералПресс», Ura.ru, «Наша газета» [9, 20, 22].

Однако надо отдавать себе отчет в том, что деятельность пранкеров, во многом напоминающая троллинг, весьма далека от профессиональной журналистики. По своей глубинной сути пранк, как и троллинг, направлен на разрушение общества, а не на его объединение [19, 28]. Между тем одной из основных функций журналистики является интеграционная, реализуемая, в первую очередь, посредством распространения достоверной информации.

Зарубежные исследователи давно изучают феномен троллинга, психологию троллей, методы защиты от их деструктивной деятельности. Здесь можно назвать работы Джудит Донат, которая много лет посвятила изучению деятельности различных сетевых сообществ, в том числе связанной с распространению фейковых новостей [31, 32]. Ее работы могут быть полезны тем, кто занимается изучением современного телевидения, ведь новые информационные технологии заметно изменили его облик, о чем и свидетельствует внимание телеменеджеров к пранкерам.

Отечественный исследователь Р. А. Внебрачных отмечает, что «...явление троллинга можно рассматривать в большинстве случаев именно как агрессивную форму социального коммуникативного взаимодействия. Цель троллинга — дать определенные стимулы для того, чтобы вызвать негативные реакции участников форумов либо иных виртуальных сообществ. Очевидна и цель самого тролля — получение некоторой формы удовлетворения от того, что именно он в этот момент становится эпицентром разворачивающихся дискуссий и противостояний. Результат такого рода манипулятивных действий — это всегда конфликт с социальной окраской и последствиями. Наиболее успешные тролли способны взбудоражить целый ряд сообществ, умело сталкивая их между собой и используя проекции публичности в СМИ для привлечения внимания широкой общественности» [2, 51].

Если вернуться к постправде, то этот феномен, характерный не только для российской журналистики, далеко не нов. Ранее он был известен, правда, под другими именами, что не меняет суть процессов, происходящих с массовым сознанием под воздействием специально разработанных информационных технологий. Дженнифер Хосчилд связывает нынешнюю постправду с политическими методами прежних веков. «Памфлетные войны, появившиеся с распространением печати и грамотности в XVII веке, были описаны ею как ранняя форма политики постправды. Клеветнические и саркастичные памфлеты, напечатанные самым дешевым способом и распространяемые повсеместно, способствовали разжиганию войн и революций» [17].

В странах Евросоюза и в США не только углубленно исследуют феномен постправды, но и «пытаются донести результаты своих исследований до общества в целом, ведь проблема, скорее всего, усугубится, если общественность будет рада игнорировать факты» [30].

Несмотря на то, что российские исследователи телевидения приступили к изучению разных проявлений постправды и связанных с этим феноменом явлений позднее зарубежных коллег, им удалось достичь значимых результатов. Здесь следует указать на отечественную трактовку слова «правда». Если заглянуть

в «Толковый словарь», можно обнаружить три основных значения этого слова: 1. То, что соответствует действительности, истина. 2. Порядок, основанный на справедливости, честности. 3. То же, что правота [12, 498]. В связи с этим можно сказать, что справедливость, понимаемая всегда очень субъективно, ближе к фейковым новостям, чем истина, ориентированная на научное, достоверное знание. Правота, в свою очередь, связана с убеждениями человека. Возможно, поэтому постправда вошла не только в лексикон политиков, социологов, философов, но стала широкоупотребительным понятием в России. «В слове “постправда”, — отмечает член Медиалингвистической комиссии Международного комитета славистов Елена Кара-Мурза, — я вижу грустную идею, в которой констатируется, что одно из важнейших качеств человека является не востребуемым. Правда оказывается дискредитированной, работают некие другие механизмы, которые вряд ли можно считать конструктивными» [13].

Говоря об отечественных исследователях феномена постправды и связанных с ним явлений, представленных на федеральных телеканалах, стоит, на наш взгляд, назвать А. А. Новикову, С. Н. Ильченко, И. Е. Петровскую.

В монографии А. А. Новиковой «Телевизионная реальность: экранная интерпретация действительности» рассмотрена специфика экранного представления действительности. Автор демонстрирует свой взгляд на телевидение, отличающийся от традиционного представления о нем как о трансляции реальности. Автор монографии вводит собственное понятие телереальности, которым обозначается результат процесса интерпретации реальности на телевизионных экранах, что напрямую стыкуется с рассматриваемым нами феноменом постправды. Журналисты и продюсеры формируют для зрителей новую реальность, которая, конечно же, основана на реальных событиях и фактах, но по-своему интерпретирована продюсерами и журналистами. «Гламурное телевидение и треш-телевидение в своей интерпретации реальности сознательно искажает действительность в целях повышения рейтинга своих программ. Они не способствуют выходу общества из состояния кризиса и не предлагают стратегию социальных преобразований» [11, 184].

Внимание С. Н. Ильченко привлекает игровая природа современного телевидения и виртуализация мирового информационного пространства с помощью журналистов. Сегодня телекомпании с успехом используют современные технологические возможности, позволяющие расширить способы, виды передачи телевизионного контента потребителям и создавать новые формы эфирного продукта. Помимо положительных тенденций наблюдаются и негативные последствия информационно-технологической революции. Сегодняшняя трансформация телевидения в части уже сложившейся структуры форматов и жанров позволяет говорить о профессиональной деформации аудиовизуального продукта, поскольку «эмпирический опыт конкретного индивидуума входит в противоречие с тем, как отражается в эфирной повестке дня в генеральной информационной совокупности реальность» [8, 229].

Для объемного понимания сути происходящих на телеканалах процессов С. Н. Ильченко вводит понятие «шоу-цивилизации», связанное с игровой природой телевидения, с течением времени воздействующей на сущность и смысл его

функций. В то же время особенности самой «шоу-цивилизации» оказали заметное влияние на производство телевизионного контента и расширили спектр его воздействия на зрителей. С. Н. Ильченко считает, что «шоу-цивилизация — это современная система информационных связей в социуме, которые характеризуются противоречивыми отношениями между экранной реальностью и эмпирической действительностью вследствие того, что в электронных СМИ происходит однонаправленное формирование виртуальной реальности в масштабах общей человеческой цивилизации, независимо от географического фактора» [8, 227].

Известный медиаэксперт И. Е. Петровская давно и регулярно анализирует практику российского телевидения, подмечая в ней такие негативные черты, как чрезвычайно бурно выражаемые эмоции, оспаривание очевидных фактов, замалчивание альтернативных точек зрения на явления действительности, «засорение» информационного канала. Все эти факторы, с нашей точки зрения, тесно связаны с феноменом постправды. Так, доводя ситуацию погони за высоким рейтингом до абсурда, И. Е. Петровская в одной из своих статей описывает убийство ведущим одного из участников политического ток-шоу «Мы вам покажем» под громкие аплодисменты зрителей. Это всего лишь предположение, поясняет автор, но оно хорошо иллюстрирует сегодняшнюю тенденцию — все чаще демонстрируемое на федеральных телеканалах физическое насилие по отношению к оппонентам [14].

В другом материале телекритик разбирает ситуацию с использованием «детектора лжи» в эфире ток-шоу «На самом деле». И. Е. Петровская не может понять, почему одни версии исторических событий проверяются детектором, а другие нет. «Вообще-то место таким программам не на респектабельном (как он сам себя позиционирует) Первом канале, а на РЕН ТВ, где подобные “версии” исторических событий идут на ура. При этом куда более богатая фантазия авторов с РЕН ТВ не ограничивается злодеями-американцами, приплетая для пущей убедительности масонов, инопланетян, колдунов вуду и просто нечистую силу в качестве ответственных за те или иные катаклизмы в судьбе великой России» [16].

В колонке «Незнайки на ТВ» эксперт «Новой газеты» с большой долей сарказма высмеивает невежество создателей передачи «Самые шокирующие гипотезы» канала РЕН ТВ, в которой с помощью малоизвестных спикеров пытаются опровергнуть научно доказанный факт и убедить зрителей, что земля — плоская. «Люди, повышая самооценку, — замечает И. Е. Петровская, — с большим восторгом приобщаются к простым и доступным их разуму знаниям, которые несет им неутомимое ТВ, умножая отряд незнаек, получающих образование посредством “Шокирующих гипотез”» [15].

Выходит, что величественные «корабли» профессиональных стандартов и ценностей журналистики, долгое время остававшиеся «на плаву» в безбрежном информационном пространстве, сегодня открыто «торпедируются» большим отрядом практиков — телеведущими, репортерами, редакторами, медиаменеджерами. На поверхности остаются рейтинги, развлекаловка, треш. И это объясняется в том числе манипулятивной природой телевидения, о чем мы писали в одном из наших исследований [6, 46]. Современное российское телевидение «...не мыслит категориями общественной пользы. Те, кто создают программы, новые проекты,

задают тренды, не думают об обществе. Они думают о рейтингах, долях, рекламном бюджете <...> Трендом сегодня является бездуховность, аморальность и алчность. И сегодня именно эти тренды продвигает телевидение» [23].

Однако далеко не все журналисты исповедуют вышеназванные принципы постправды, предпочитая не мифотворчество, сенсационность слухов и трешевую подачу новостей, а достоверную информацию и выверенную аналитику. Причем процент таких тележурналистов, несмотря на более скудные технические возможности, на региональном и местном уровне, на наш взгляд, заметно выше, чем на федеральных каналах. И это вселяет надежду на то, что нынешние тренды на телевидении — временные. А изменить их должны новые кадры.

При подготовке будущих журналистов невозможно, да и не нужно обходить стороной треш-передачи, фейковые новости, политический пранк. Задача современного преподавателя специальных дисциплин — умело препарировать всю эту смуту в некогда стройных журналистских рядах, широко представленную на экранах телевизоров и мониторов. Мы полностью солидарны с мнением С. Н. Ильченко, полагающим, что «бороться с подобными тенденциями необходимо хотя бы в целях профессионального самосохранения и из-за опасения потери репутации журналистской деятельности как социально значимого деяния» [7, 112].

По-прежнему принципов объективности и достоверности в сборе, обработке и распространении информации придерживаются и преподаватели кафедры телевидения, радиовещания и технических средств журналистики Уральского федерального университета. Через изучение современных информационных технологий, традиционных и новых жанров телепередач лекторы пытаются донести до студентов простой, но важный тезис — если ты хочешь быть профессионалом, не грехи против истины. Даже ради справедливости, которую можно трактовать по-разному.

В частности, в рамках дисциплины «Новостная тележурналистика» (ранее — «Программа новостей на ТВ: от замысла до воплощения») [4] студенты третьего курса разрабатывают и реализуют на практике концепцию собственной информационной программы. Творчество студентов в рамках данного предмета нацелено на закрепление знаний в виде устойчивых навыков и выработку профессиональных умений продюсеров, ведущих, редакторов, репортеров, видеомонтажеров, телеоператоров. Студенты самостоятельно формируют несколько редакционных коллективов, выбирают специализации, соответствующие индивидуальной подготовке и творческим предпочтениям. Проводя летучки, определяясь с форматом и названием, разрабатывая сценарий, снимая и монтируя программу под руководством преподавателя и сотрудников отдела технических средств обучения, ребята учатся работать в команде, устремленной к общей цели.

Особое внимание уделяется структуре программы и качеству составляющих ее сюжетов. Программы, как правило, соответствуют традиционным форматам новостей: общегородских или тематических — молодежных, культурных, спортивных. Иногда студенты изобретают что-нибудь новое. Креативное мышление, конечно, поощряется, но конечный продукт в итоге создается с учетом профессиональных стандартов. С ними студенты знакомятся на первом курсе в рамках

дисциплины «Информационные жанры на телевидении» [5]. Повторно преподаватель обращается к стандартам во вводных лекциях на третьем курсе перед началом создания студенческих новостных выпусков. Основными критериями, влияющими на окончательную оценку новостной программы, выступают грамотная и уверенная речь ведущего, создание сюжетов с учетом основных требований к информационным жанрам, стилового единообразия в оформлении. Завершающим этапом в освоении дисциплины является коллективное обсуждение подготовленных программ, а при необходимости — их корректировка с учетом заранее обозначенных преподавателем критериев.

1. *Бойчук А. Н., Зиновьев И. В.* Постановочные элементы в программах на криминальные темы федеральных российских телеканалов // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 2 (126). С. 13–19.

2. *Внебрачных Р. А.* Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. 3 : Философия. Социология, Психология. Педагогика. 2012. Вып. 1. С. 48–51.

3. Впервые в проекте «Слово недели» побеждает... слово, которого быть не должно! [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/blog/govorimporusski/2086736-echo> (дата обращения: 05.11.2017).

4. *Захаров М. Г.* Программа новостей на ТВ: от замысла до воплощения // Учебные программы кафедры телевидения, радиовещания и технических средств журналистики. Екатеринбург, 2012. Ч. 2. С. 10–17.

5. *Зиновьев И. В.* Основы творческой деятельности (информационные жанры на телевидении) // Учебные программы кафедры телевидения, радиовещания и технических средств журналистики. Екатеринбург, 2012. Ч. 2. С. 18–25.

6. *Зиновьев И. В.* Телевидение XXI века: от массовой информации к массовой коммуникации // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 1 (123). С. 41–50.

7. *Ильченко С. Н.* Фейковая журналистика как элемент современной шоу-цивилизации // Журналистика цифровой эпохи: как меняется профессия : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 14–15 апр. 2016 г.). Екатеринбург, 2016. С. 110–112.

8. *Ильченко С. Н.* Шоу-цивилизация: реальность современной медийной практики // Вестн. СПбГУ. Сер. 9 : Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. Вып. 1. С. 227–230.

9. «Кто мы и зачем нам это надо?»: Вован и Лексус презентовали в Екатеринбурге книгу [Электронный ресурс]. URL: <http://fedpress.ru/news/66/society/1879141> (дата обращения: 10.11.2017).

10. Названо слово года [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/mediawars/20171102/1508075796.html> (дата обращения: 05.11.2017).

11. *Новикова А. А.* Телевизионная реальность: экранная интерпретация действительности. М., 2013.

12. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1986.

13. Оксфордский словарь назвал слово года [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2016/11/16/truth> (дата обращения: 05.11.2017).

14. *Петровская И.* «...И помог выйти из студии ударом в глаз» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/11/25/70676-i-pomog-vyyti-iz-studii-udarom-v-glaz> (дата обращения: 10.11.2017).

15. *Петровская И.* Незнайки на ТВ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/09/29/74005-neznayki-na-tv> (дата обращения: 10.11.2017).

16. *Петровская И.* Новые ток-шоу в поисках дна [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/11/03/74432-novye-tok-shou-v-poiskah-dna> (дата обращения: 10.11.2017).
17. Политика постправды [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Политика_постправды (дата обращения: 05.11.2017).
18. «Постправда» стала словом года по версии Оксфордского словаря [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-37995176> (дата обращения: 05.11.2017).
19. Пранк [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Пранк> (дата обращения: 10.11.2017).
20. Пранкеры Вован и Лексус едут в Екатеринбург [Электронный ресурс]. URL: <https://ura.news/news/1052309093> (дата обращения: 10.11.2017).
21. Пранкеры в России открыли новую эпоху в журналистике [Электронный ресурс]. URL: <http://politruussia.com/society/prankery-v-gossii-945>. (дата обращения: 10.11.2017).
22. Пранкеры Лексус и Вован привезут в Екатеринбург свою книгу «По ком звонит телефон» [Электронный ресурс]. URL: <http://ngzt.ru/news/view/17-10-2017-prankery-leksus-i-vovan-privезut-v-ekaterinburg-svoyu-knigu-po-kom-zvonit-telefon> (дата обращения: 10.11.2017).
23. *Пташкин О.* Треш-ТВ [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2009/06/02_a_3183253.shtml (дата обращения: 05.11.2017).
24. Российские пранкеры запустят телепередачу «Звонок» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/society/20160415/1411597130.html> (дата обращения: 10.11.2017).
25. Словарь Collins выбрал словом года «фейковые новости» [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/news/2017/11/02/slovar-collins-vybral-slovom-goda-feykovye-novosti> (дата обращения: 05.11.2017).
26. Словарь Collins признал словом года «фейковые новости» [Электронный ресурс]. URL: <http://spektr.press/news/2017/11/03/slovar-collins-priznal-slovom-goda-fejkovye-novosti> (дата обращения: 05.11.2017).
27. *Сычев С.* Пранкера Вована позвали работать на Первый канал [Электронный ресурс]. URL: <http://tabloid.net.ru/prankera-vovana-pozvali-rabotat-na-pervyj-kanal> (дата обращения: 10.11.2017).
28. Троллинг [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Троллинг> (дата обращения: 10.11.2017).
29. Тролли против клик-ферм: как соцсети искажают реальность в эпоху «постправды» [Электронный ресурс]. URL: <https://daily.afisha.ru/technology/3711-trolli-protiv-klik-ferm-kak-socseti-iskazhayut-realnost-v-epohu-postpravdy> (дата обращения: 10.11.2017).
30. Communication: Post-truth predicaments [Electronic resource]. URL: <https://www.nature.com/naturejobs/science/articles/10.1038/nj7637-425a> (accessed: 10.11.2017).
31. *Donath J. S.* Identity and deception in the virtual community [Electronic resource]. URL: <http://smg.media.mit.edu/papers/Donath/IdentityDeception/IdentityDeception.html> (accessed: 10.11.2017).
32. *Donath J. S.* Why fake news stories thrive online [Electronic resource]. URL: <http://edition.cnn.com/2016/11/20/opinions/fake-news-stories-thrive-donath/index.htm> (accessed: 10.11.2017).
33. Word of the Year 2016 is... [Electronic resource]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (accessed: 05.11.2017).

Статья поступила в редакцию 14.11.2017 г.

ОБ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ИГРОВОГО МЕДИАТЕКСТА (на примере материалов сайта «Игромания»)

Потенциал аналитических текстов игровой тематики рассматривается в контексте медиаобразования. Большинство материалов погружает читателя во вселенную игр и игровых механик, однако в некоторых текстах актуализируется проблематика литературных прецедентов. Исследуется процесс использования литературных образов, идей, сюжетов, а также культурных кодов в создании игровых аналитических материалов. Определяются возможности эмоционального взаимодействия с читателем в игровых материалах, влияние литературных текстов на формирование эмоционального фона материала.

К л ю ч е в ы е с л о в а: медиаобразование; аналитический текст; игра; литературный текст; образ; идея; читатель; эмоциональное взаимодействие.

В итоговом документе Всероссийской научно-практической конференции «Медиа- и информационная грамотность в информационном обществе» (Москва, 24–27 апреля 2013 г.) сказано, что «современные медиа являются не только средствами коммуникации, но и мощными инструментами образования, социализации и участия в общественной жизни» [12]. А. Федоров, в свою очередь, отмечает, что «медиаобразование (media education) связано одновременно с познанием того, как создаются и распространяются медиатексты, так и с развитием аналитических способностей для интерпретации и оценки их содержания» [19].

Практической реализацией последнего определения представляется весь спектр исследований, посвященных образовательному (развивающему) потенциалу видеоигр. В перечне исследовательских интересов можно выделить историю развития и классификацию игр [18], междисциплинарные подходы к сущности электронных игр, особенности их эстетики и драматургии [5], социальные функции и характерные особенности выразительных средств [20], принципы игровой коммуникации (в аспекте развития коммуникативных навыков) [18], разработку учебных курсов, посвященных видеоиграм [Там же], круг психологических проблем (в первую очередь подростковых) [13], сопровождающий виртуальную активность. В работах несколько иного плана акцент делается на художественном потенциале игр, на их встраивании в парадигму произведений искусства [16]. Очевидным продолжением разговора о художественных возможностях и достоинствах игр вновь становится образовательная проблематика, традиционная для художественных произведений. В этом контексте отдельный интерес вызывает

ТРЕТЬЯКОВА Любовь Анатольевна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой журналистики Югорского государственного университета (e-mail: repina80109@yandex.ru).

ГЛЕБОВИЧ Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Югорского государственного университета (e-mail: tatanova11@gmail.com).

образовательный потенциал ресурсов игровой рефлексии (рецензий и обзоров), в частности «Игромании».

Материалы Артемия Котова, ставшие объектом нашего интереса, демонстрируют разнообразие путей развития личности и раскрытия ее творческого потенциала «с помощью и на материале медиа» [11]. Разумеется, абсолютное большинство материалов погружает читателя во вселенную игр и игровых механик, концентрирует его внимание на пафосе эпизодов, на наиболее «атмосферных» деталях и элементах игрового пространства, в целом на эмоциональной ситуации той или иной игры. В материалах дается оценка качеств *gameplay*'я, способов прохождения игры, ожидающих игрока трудностей и переживаний. Все это сопровождается легкой иронией искушенного автора, вносящей элемент поучительности.

В качестве примера можно привести материал «Не водица. Три часа с “Ведьмак 3: Кровь и вино”» [10]. Автор разбирает структуру игровых заданий, характеризует сюжет, сцены и приключения, показывает динамику игровых событий и констатирует «пресную развязку», «несмотря на бешеный темп, обилие кат-сцен и общий размах» [Там же]. Если обратиться к теоретическим работам, то вслед за Галкиным [5] можно сказать, что журналист берет на себя труд просветить читателя в области игровой драматургии и показать последнему, как работают механизмы сценария игрового мира. Подобная учеба привлекательна и полезна и для игрока, и для стороннего читателя, но все же собственно рецензия на игру с выраженным просветительским, образовательным пафосом остается традиционным образцом для ресурса игрового материала.

Другой материал А. Котова, посвященный «Divinity: original sin» [11], не только содержит подробный разбор ролевой игры с комментариями и значимыми для игроков замечаниями, но и помогает изучить ее коммуникативные возможности. Рассуждения автора о роли разговора (дискуссии) в структуре игры и познавательны (дискуссия рассматривается в разных видах современной игровой деятельности), и диалогичны в плане исследования вопроса. Безусловно, данный текст продуктивен с точки зрения познания игрового мира, привлекателен по форме и по разнообразию информации, но он не разрушает определенный шаблон представлений о материале игрового ресурса.

Вместе с тем среди нескольких десятков текстов Артемия Котова особо выделяется материал «Анализируя Death Stranding. Что хотел сказать Кодзима?» [9]. На примере этого материала имеет смысл рассмотреть небанальный образовательный потенциал и обусловленные этим потенциалом способы эмоционального взаимодействия с читателем.

Игровой текст Котова привлекает сильной литературной ориентированностью. Казалось бы, история литературы — музейный экспонат в мире клиповой информации, но именно на ней строит свою стратегию общения с читателем автор. Справедливости ради надо отметить, что рецензия А. Котова не является исключением. В материале Дмитрия Ежова «Не только в Dark Souls» [6] разговор о «неклассической структуре» игрового сюжета дополняется сравнением с романом Д. Джойса (и фильмами К. Нолана), а «Могучая кучка» [1] — результат творческих усилий группы рецензентов — и вовсе строится по принципу подбора

историко-литературных реалий под условия определенной игры. Также весьма «литературно» преподносится в сетевых источниках и сама история «Игромании» [8]. Она уподобляется истории литературы (в ней есть древнейший период, свои средние века и новейшее время). Тем не менее текст А. Котова выделяется из названного ряда и привлекает внимание изобилием неигрового материала.

Итак, экзотические литературные явления, отсылки к прецедентам, традиционно считающимся уделом «кабинетных» филологов, включены в структуру игры и в игровой журналистский материал. Тизер игры *Death Stranding* Хидео Кодзимы начинается с четверостишия из «Прорицаний невинного» У. Блейка [4]. Артемий Котов заостряет внимание читателя на отрывке и комментирует обращение автора игры и тизера к стихотворению в русле поиска глубинного смысла и определенного культурного контекста. Наибольшую познавательную интригу вносит заявление автора о том, что Кодзима использует блейковскую идею всеобщей связи, но оставляет без внимания другие идеи, которые, возможно, будет реализовывать в том или ином качестве в процессе игры.

Если замысел автора игры остается все же определенной тайной, то исследовательский сюжет аналитического материала заставляет задуматься об идеях У. Блейка. В частности, Котов предлагает увидеть в структуре игры принцип построения «противоестественного» мира с людьми-полубогами, вероятно, взяв за основу «повествовательные возможности» [15] блейковского стихотворения.

Возможно, речь идет об особенностях игры и не более того, но продолжающийся разговор об английском поэте заставляет вспомнить индивидуальную мифологию романтика с его богами познания и воображения. Вероятно, автор как раз и делает ставку на запуск ассоциаций читателя и его индивидуальный опыт.

Сама по себе романтическая подоплека игровых событий (детально разобранная в материале) — достаточно убедительный пример принесения просветительского (общеобразовательного) момента в сознание читателя. Но это все же специфика содержания игры и способа ее первой презентации. Внимание привлекает та часть материала, в которой уже сам Артемий Котов обращается к стихотворению Блейка. Заключительное четверостишие (цитируемое на языке оригинала) дает возможность автору в последующем комментарии выразить собственные эмоции, сформулировать свою идею игры и связать эту идею с мифотворчеством еще одного писателя-романтика (Мелвилла), а заодно и предоставить читателю шанс найти в оригинальном тексте Блейка те смыслы, которые неактуальны в традиционных переводах.

Подобный подход создает «кольцевую композицию» разговора о Блейке внутри аналитического текста, превращает журналиста в соавтора загадки (тизера) и, разумеется, мотивирует читателя к прочтению стихотворения целиком. Если любознательность заставит последнего сделать определенные усилия, то картина мира станет еще более разнообразной.

Универсальные этические афоризмы Блейка [4] формулируют законы построения мира. Возможно, автор материала хочет намекнуть своему читателю, что подобные законы станут фундаментом и ключом к вселенной новой игры. Возможно, приглашает читателя к совместному творчеству. В любом случае

на последнего (читателя) возлагается большая ответственность и трудная задача: найти и осмыслить события стихотворения.

Отдельно следует сказать об эмоциональном фоне материала. Сама ситуация интриги (знакомства с новой игрой) создает сильное эмоциональное напряжение. К этому добавляется обилие достаточно сложной историко-литературной информации, возможно, не полностью знакомой читателю. Уже эти два фактора вызывают у него определенные эмоции и (как отмечалось) эмоциональное напряжение. Но автор предпочитает сделать эмоциональное взаимодействие с читателем многоуровневым и включает в собственные аналитические комментарии цитаты автора игры (скрин-шоты твиттера Кодзимы), фото- и видеоматериалы.

Подобная структура текста уменьшает силу эмоционального заряда интриги, позволяет читателю чего-то не знать и искать ответы вместе с журналистом в видеочитатах (у самого Кодзимы) и в совместных размышлениях над литературной предысторией. При этом любое обращение к дополнительным структурам текста (например, видеоматериалам) порождает новые эмоциональные ситуации и становится серией эмоциональных вызовов, которые должен принять читатель. Складывается впечатление, что множество эмоционально насыщенных ситуаций в нужной степени «разогревает» сознание читателя и подводит его к дальнейшему, совместному с автором поиску игровых смыслов.

Рассматривая возможные отсылки игры к антиутопии и в какой-то мере отвергая их, автор аналитики еще раз актуализирует образ Уильяма Блейка и его идеи. Во-первых, идею всеобщего диалектического синтеза [17], которая присутствует в классических работах, посвященных творчеству романтика. (В тизере игры и в аналитическом материале именно такой принцип становится интеллектуальным «движком».) Во-вторых, связь Блейка с художественными поисками зарубежных писателей середины XX в., в частности, с творчеством Олдоса Хаксли и психоделической культурой [14]. (В этом смысле невинное «нефункциональное» сознание, берущее свои истоки в «Прорицаниях невинного», становится инструментом построения игрового мира и аналитического разбора тизера.)

На развитие антиутопических идей работают и физические детали игрового сюжета, казалось бы, далекие от идей поэта-романтика. Котов не случайно заостряет внимание читателя на жетонах смерти на шее главного героя. Они связывают мир тизера с классикой антиутопического мира, в котором люди различаются по номерам, с научными открытиями Хокинга и теорией черных дыр и, как кажется, с еще одной темой в современной культуре — когнитивистикой.

А. Котов заботливо упрощает физику и объясняет читателю смысл формул и их символическое значение в тексте игры, таким образом выстраивая связь с когнитивистскими поисками в духе Э. Юдковского, реализующего законы рационального мышления в своем знаменитом фанфике [21]. Формула гравитационного радиуса, по всей видимости, не случайный гость в тизере и аналитическом материале, так же как и математические законы, теоремы и т. д. в грандиозном труде, посвященном рациональному мышлению [Там же].

В данном случае аналогия между игровым материалом и фанфиком является следствием провокационного разговора об антиутопии, формулах и английском

романтике в одном ряду. Такой разговор и такую его структуру предлагает автор материала, и это предложение «работает» на культпросвет: порождает желание поддержать размышления и вступить в диалог, освежить воспоминания о романе Э. Юдковского, вспомнить, что писалось и говорилось о когнитивистике и связать это с проблематикой игрового текста. Представляется, что на подобных эмоциях, эмоциях интеллектуальной, иронической провокации, строится весь материал игрового журналиста, обрастая, разумеется, и дополнительными эмоционально значимыми, эмоционально нагруженными ситуациями.

Анализируя сюжет игры и ее ассоциативные ряды, автор материала не останавливается на творчестве Блейка. Предмет интереса игрового журналиста вынуждает его и дальше сотрудничать с историей литературы. Взятый из другого романтического ряда образ кита (Моби Дик) представлен как возможный стержень сюжета игры и один из ее символических ключей. Взаимодействие с достаточно сложным произведением американской литературы реализуется на двух уровнях.

Во-первых, на уровне общих для культовых игр Хидео Кодзимы идей и посвященных этим играм рецензий. Помимо Артемия Котова об отсылках к роману Мелвилла (в другой игре разработчика — MGS 5) говорит А. Загудаев, вернее, сравнивает игру с романом, «который так изящно Кодзима цитирует в прологе» [7]. Соответственно, обращение к тому же литературному источнику в рецензии на «Death stranding» обуславливается логикой игрового мира разработчика и подходами к рецензированию его произведений.

Во-вторых, на уровне содержательного потенциала. Связь романа Мелвилла с различными мифами и мифологическими системами заставляет вспомнить о временах сотворения мира, об «архетипических мотивах» [3] поступков героев и книги, и игры. Образ кита и этические проблемы, традиционно ассоциирующиеся с романом, достраивают картину предыгрового (доисторического) мира, на базе которого пишется история настоящей (т. е. виртуальной, игровой) жизни. Этого предшествующего мира, вероятно, нет в самой игре, но текст журналистского материала намекает на его существование и открывает к нему определенные пути. В этом смысле текст аналитики снова берет на себя дополнительную просветительскую нагрузку.

К сказанному следует добавить и отсылки в тизере к художественному миру Кобо Абэ, и рецензии в твиттере Кодзимы [2]. Разговор о любимом писателе разработчика включает в общий контекст идею поиска человеком своей идентичности, своего взгляда на игру. Тема «палок и веревок», которой и разработчик, и рецензент уделяют особое внимание, может также служить основой для развития интеллектуального багажа читателя, а может быть просто увлекательной частью интеллектуальной игры, где каждая отсылка требует отдельных навыков прохождения.

С точки зрения эмоционального взаимодействия автор материала продолжает создавать множество контрастных ситуаций. Переключает читателя с определенно окрашенных эмоций, связанных с концепцией смерти в игре и усиленных клипом песни «I'll keep coming» («Я продолжу приходить») группы Low Roar, на разговор о взаимоотношениях производителей игр. Эмоциональный

контраст держит читателя в тонусе до последних строк материала и, возможно, по завершении прочтения становится отправной точкой поиска дополнительной информации.

Собственно текст аналитического материала может быть прочитан как отдельное от игры художественно-публицистическое произведение. Элементы аналитического материала, истории жизни героя, рецензии и литературоведческий комментарий превращают его в самодостаточный текст с множеством отсылок, образующих развернутую постмодернистскую структуру. Рассмотрение тизера дает исчерпывающую информацию по еще дозревающим законам игры и игровой вселенной *Death Stranding* и по культурным (литературным) пластам, ставшим основой сюжета игры и медийного текста. В этом смысле материал решает целый ряд образовательных задач. Становится информационным поводом для пристального внимания читателя к прецедентным текстам мировой литературы, актуализирует эти тексты в постмодернистском пространстве игрового медиаматериала. Наглядно демонстрирует возможности классических, прецедентных для культуры текстов в отдельной сфере виртуальной деятельности (в игровых вселенных) и в медиатекстах соответствующей тематики. Вынуждает читателя не только к поверхностному знакомству с первоисточником, но и к аналитическому восприятию далекого текста, к собственному разбору структуры, образов, семантических возможностей первоисточника, рождает желание глубоко погрузиться в модную тему. В конечном итоге данный материал становится отличным поводом для самообразования.

Дополненный видео-, аудио- и фотоматериалами (креолизованный) текст предлагает читателю самые разные типы эмоциональных ситуаций и тем самым развивает представления о формах передачи эмоций и способах их восприятия.

Критический комментарий автора к использованному в тизере литературному тексту становится для одного читателя открытием, для другого — точкой зрения, для третьего — основой для диалога и полемического восприятия.

Буквально во втором абзаце автор предлагает читателю: «Давайте же сыграем». Игра, цель которой — в продолжении прецедентных историко-литературных кодов средствами *gameplay*'я и медиатекста, становится продуктивным процессом. Она заставляет читателя обратиться к мировой литературе, обновить старые литературные запасы, чтобы прилично ответить на завершающий материал вопрос Артемия Котова: «А что думаете о тизере вы?»

1. Баранов Е., Свечков Д., Котов А., Степанченко С. «Могучая кучка»: *Assassin's Creed*, что дальше? // Игромания: [сайт]. URL: https://www.igromania.ru/article/25830/Moguchaya_kuchka_Assassins_Creed_chto_dalshe.html (дата обращения: 04.09.2017).

2. Башкиров А. Хидео Кодзима написал в Twitter целый роман о *Death Stranding* [Электронный ресурс]. URL: <https://kanobu.ru/news/hideo-kodzima-napisal-tselyiy-roman-v-twitter-o-death-stranding-383609/> (дата обращения: 08.09.2017).

3. Беликова Е. В. Мифопоэтика романа Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит»: автореф. дис. ... канд. филол. наук // Человек и наука: [сайт]. URL: <http://cheloveknauka.com/mifopoetika-romana-g-melvilla-mobi-dik-ili-belyy-kit#ixzz4jgavjeOg> (дата обращения: 12.05.2017).

4. Блейк У. Прорицания невинного. Из цикла песен Невинности и Опыта [Электронный ресурс]. URL: http://blake.sacrum.ru/роем_proph.htm (дата обращения: 14.05.2017).

5. Галкин Д. В. Компьютерные игры как феномен современной культуры: опыт междисциплинарного исследования [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kompyuternye-igry-kak-fenomen-sovremennoy-kultury-opyt-mezhdistsiplinarnogo-issledovaniya> (дата обращения: 08.09.2017).

6. Ежов Д. Не только в Dark Souls: как устроено не прямое повествование [Электронный ресурс]. URL: https://www.igromania.ru/article/27705/Ne_tolko_v_Dark_Souls_kak_ustroeno_nerpyuamoe_povestvovanie.html (дата обращения: 04.09.2017).

7. Загудаев А. Metal Gear Solid 5: The Phantom Pain. Грандиозное прощание Хидео Кодзимы со своим сериалом, один из лучших шпионских боевиков в истории и просто великая игра [Электронный ресурс]. URL: https://games.mail.ru/pc/articles/review/metal_gear_solid_5_phantom_pain/ (дата обращения: 04.09.2017).

8. Игромания : [сайт]. URL: <https://www.igromania.ru/> (дата обращения: 05.05.2017).

9. Котов А. Анализируя Death Stranding. Что хотел сказать Кодзима? [Электронный ресурс]. URL: https://www.igromania.ru/article/27951/Analiziruya_Death_Stranding_CHto_hotel_skazat_Kodzima.html (дата обращения: 10.05.2017).

10. Котов А. Не водица. Три часа с «Ведьмак 3: Кровь и вино» [Электронный ресурс]. URL: https://www.igromania.ru/article/27781/Ne_vodica_Tri_chasa_s_Vedmak_3_Krov_i_vino.html (дата обращения: 07.09.2017).

11. Котов А. «Divinity: original sin» [Электронный ресурс]. URL: https://www.igromania.ru/article/25124/Divinity_Original_Sin.html (дата обращения: 07.09.2017).

12. Медийно-информационная грамотность в России: дорога в будущее : итоговый док. Всерос. науч.-практ. конф. «Медиа- и информационная грамотность в информационном обществе», Москва, 24–27 апр. 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ifacom.ru/files/2015/mil_rus/mil_rus_2013.pdf (дата обращения: 14.05.2017).

13. Новикова О. Н. Виртуальная игра как средство формирования личностной идентичности детей и подростков [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/virtualnaya-igra-kak-sredstvo-formirovaniya-lichnostnoy-identichnosti-detey-i-podrostkov> (дата обращения: 04.09.2017).

14. Сердечная В. В. Уроки Блейка: опыт прочтения XX века [Электронный ресурс] // Дидактика художественного текста : сб. ст. Вып. 2. URL: <http://textarchive.ru/c-2103035-p2.html> (дата обращения: 14.05.2017).

15. Сердечная В. В. Жанр малой поэмы в творчестве У. Блейка и романтиков Англии: нарративные стратегии [Электронный ресурс]. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-philology-2011-2/7-serdechnaya.pdf> (дата обращения: 01.06.2017).

16. Тармаева В. И. Компьютерные игры и игровая журналистика [Электронный ресурс] // Вестн. Челяб. ун-та. 2015. № 5 (360). Филология. Искусствоведение. Вып. 94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kompyuternye-igry-i-igrovaya-zhurnalistika> (дата обращения: 04.09.2017).

17. Урнов Д. М. Романтизм : [Английская литература первой половины XIX в.]. Блейк. «Озерная школа». Вальтер Скотт. Байрон. Шелли. Китс. Эссейсты и другие прозаики [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/ivl/vl6/vl6-0873.htm> (дата обращения: 05.05.2017).

18. Федоров А. В. Краткая история компьютерных игр в России [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kratkaya-istoriya-kompyuternyh-igr-v-rossii> (дата обращения: 04.09.2017).

19. Федоров А. В. Медиаобразование: история и теория [Электронный ресурс]. URL: http://psyfactor.org/t/Fedorov_ME_HistoryTheory_2015.pdf (дата обращения: 04.09.2017).

20. Югай И. И. Компьютерная игра как вид художественной практики [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kompyuternaya-igra-kak-vid-hudozhestvennoy-praktiki> (дата обращения: 04.09.2017).

21. Юджовский Э. Гарри Поттер и методы рационального мышления [Электронный ресурс]. URL: <http://hpmor.ru> (дата обращения: 04.09.2017).

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ДЕЛОВОГО КОРПОРАТИВНОГО СМИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

В статье выявляются исторические особенности формирования содержательной модели деловых корпоративных СМИ рубежа XIX–XX вв. под воздействием двух факторов — интересов издателя-учредителя и специализированного характера этого типа изданий. Поднимается вопрос о своеобразии содержания тематических отделов в зависимости от профессиональной ориентации органов печати, представляющих разные отрасли деятельности, и их целевого назначения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: корпоративная пресса; содержательная модель изданий; специализированная печать; издатель-учредитель; тип СМИ; тематические отделы; коммерческая информация.

Модель издания, с точки зрения исследователей И. М. Дзялошинского и М. И. Дзялошинской, — это некий «шаблон для оптимального выстраивания процесса изготовления информационного продукта, опирающийся на технологическую основу» [1, 26]. Применительно же к определенному типу СМИ (а в данном случае имеется в виду корпоративное деловое издание), которое к тому же рассматривается в контексте определенной исторической эпохи, понятие «модель» означает некую общность структуры, обусловленную целями, характером информации, общим проблемным контентом и исторической спецификой данного средства массовой информации.

На формирование содержательной модели корпоративного делового СМИ на рубеже XIX–XX вв. оказали воздействие два важнейших фактора: 1) тип издателя-учредителя подобных изданий, а следовательно, их явная подчиненность тем целям и задачам, которые диктовались той структурой, которая, собственно, и инициировала выпуск газеты или журнала; 2) узкоспециализированный характер изданий данного типа и, соответственно, жестко выверенная тематическая направленность информации и ее деловой стиль.

В качестве издателей корпоративной прессы рубежа XIX–XX вв. выступали экономические и финансовые сообщества — союзы, общества, советы съездов предпринимателей и др., представляющие либо одну отрасль (Всероссийское общество сахарозаводчиков, Союз рыбопромышленников России и др.), либо несколько (например, Совет съезда Уральских горнопромышленников, представляющий также интересы золотопромышленников и уральских химиков). Главное, что преследовали и те, и другие, был явный коммерческий интерес. Чтобы его удовлетворить, необходимо было использовать различные средства

ИВАНОВА Любовь Дмитриевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета (e-mail: ivanovald@mail.ru).

воздействия — и на власть, и на потребителей, и на собратьев по профессиональной деятельности, чтобы добиться более скоординированных совместных действий.

Одним из самых действенных средств такого воздействия была печать. Нужен был новый тип изданий, которые были бы полностью подконтрольны коммерческим сообществам и служили бы вполне определенным целям: способствовали усилению влияния на рынке, воздействовали на правительство и общественное мнение с целью повышения престижа организаций и предприятий, увеличения доходов, получения гарантированных ссуд, льгот, концессий и т. д. Немаловажным фактором было и желание коммерсантов значительно повысить свой общественный авторитет для получения выгодных мест в органах местного самоуправления, а затем, в 1905–1907 гг., когда в России сформируются легальные партии, — для успешного участия в выборах в Государственную думу и Учредительное собрание [4, 19–20].

Именно этим целям и начинают служить создаваемые корпоративными сообществами *деловые корпоративные газеты и журналы*. Примерами таких изданий могут считаться «Нефтяное дело» — газета Совета съезда нефтепромышленников, издаваемая в Баку, «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», «Писчебумажное дело» — журнал Союза писчебумажных фабрикантов России, «Горнозаводское дело» (позже — «Южнорусский горный листок») — периодический орган Совета съезда горнопромышленников Юга России, «Известия Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности» (Москва), «Вестник сахарной промышленности», издававшийся Всероссийским обществом сахарозаводчиков в Киеве, и многие другие.

Такая печать содержала очень нужную для предпринимателей коммерческую информацию и вела успешную протекционистскую политику в интересах общества-издателя [5].

Поскольку одним из важных типоформирующих признаков этих изданий был узкоспециальный характер информации (ведь все они представляли один тип СМИ — *специализированное деловое издание*), именно это качество во многом и сказалось на формировании содержательной модели корпоративных средств информирования. Несмотря на разное профессиональное предназначение этих органов печати, их структура имела несомненное сходство.

Практически не было изданий, в которых в той или иной степени не присутствовал *официальный отдел*, где печатались выдержки из указов, имевшие отношение к той или иной сфере деятельности либо в целом к предпринимательству (законы о фабрично-заводском труде, о налогообложении, о защите интересов работников предприятий и др.). Наиболее серьезные, авторитетные издания (такие, например, как «Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района») комментировали действия правительства, разъясняли суть его решений, рассуждали о том, как они скажутся на состоянии отрасли и коммерческой деятельности.

В структуре корпоративных СМИ обязательно присутствовал *финансово-экономический* отдел. Конечно, в зависимости от того, насколько серьезную

корпорацию представляло СМИ, содержание этой тематической структуры варьировалось: оно либо носило исключительно прагматический характер, как, например, в «Народной газете», представляющей интересы Союза курганских маслоделов, либо выходило далеко за пределы интересов небольшой коммерческой группы, как это было в уже упомянутых «Известиях Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района». Экономические публикации «Народной газеты» посвящались исключительно артельному маслоделению, лишь отчасти затрагивались вопросы, касающиеся той области сельского хозяйства, которая этому способствовала. Газета же предпринимателей Московского промышленного района подавала финансовую и экономическую информацию масштабно, касаясь даже тенденций в экономике других стран.

Но все же, несмотря на разницу в объеме и качестве поставляемой информации, цели публикаций финансово-экономических отделов корпоративных изданий были одинаковыми — они должны были повышать уровень финансовой и экономической осведомленности предпринимателей, входящих в корпоративный союз, без чего невозможна продуктивная коммерческая деятельность. При этом, как верно заметила исследователь корпоративной прессы начала XX в. А. Ю. Горчева, эти издания не ограничивались анализом отдельных предприятий — «их волновала вся отрасль и ее техническое положение» [2, 108].

Непременной составной частью корпоративных СМИ начала XX в. был *технический отдел*, цель которого состояла в обмене производственным опытом. К чести корпоративных СМИ рубежа XIX–XX вв. это была одна из самых значимых структурных частей — и по объему, и по проблематике затронутых вопросов. Материалы, печатаемые здесь, не могли не способствовать росту производительности труда, поскольку касались самых животрепещущих тем: какими способами можно увеличить выход продукции; как правильно использовать новейшее оборудование или модернизировать морально устаревшее с помощью особых приспособлений; как благодаря техническим новациям добиться повышения безопасности производства и др.

Упомянутая выше «Народная газета», пропагандирующая опыт организации маслодельных артелей, например, из номера в номер давала профессиональные советы по созданию на местах артельных лавок, которые позволили бы увеличить прибыль в несколько раз, не «отдавая ее на сторону» (подробно описывались все этапы, начиная с аренды и обустройства помещений и кончая заключением договоров с возможными поставщиками и потребителями). А в «Техническом отделе» ежемесячного журнала «Вестник взаимного страхования», издаваемого Бюро городских обществ взаимного от огня страхования (г. Санкт-Петербург) и предназначенного для более широкой аудитории, печатались обзоры противопожарных средств, машин, аппаратов и т. д., рассматривались все возможные случаи пожаров от электричества, обсуждались способы наиболее безопасного размещения электрических проводов внутри здания и др.

Как видим, содержание этого отдела зависело не только от профессиональной специализации того или иного издания, но и от тех целей, которые преследовал издатель, и от аудитории, на которую оказывалось воздействие.

То же можно сказать и о предназначении других структурных отделов, составляющих содержательную модель корпоративных СМИ.

Поскольку корпоративные СМИ использовались не только как канал распространения экономической информации, способствующей развитию той или иной отрасли, но и как средство коммерческого продвижения продукции, выпускаемой на предприятиях, входящих в состав союза предпринимателей, в этих изданиях большое место занимала коммерческая информация.

Так, основной целью *справочно-рекламного* отдела было стимулирование сбыта товаров, которые производились на корпоративных фабриках и заводах. Здесь помещалась и информация о той продукции, в которой нуждалось сообщество. Котировки валют, разнообразная биржевая информация могли включаться в состав справочного раздела. Что характерно, немалую часть отдела могла составлять реклама изданий, предназначенных для профессионалов, задействованных в той отрасли, которую представляли организации-издатели.

В *статистическом* отделе публиковались материалы, целью которых было информирование либо об основных достижениях, свидетельствующих о несомненном поступательном экономическом развитии той или иной сферы деятельности, либо, напротив, о проблемах в отрасли, приводящих к снижению производственных показателей, что заставляло делать серьезные выводы и предпринимать действия по исправлению существующего положения.

Как видим, материалы всех этих разделов имели главную цель — всемерно удовлетворять профессиональный интерес читателей (а ими были и работники предприятий, входящих в союз, и предприниматели, занимающиеся продвижением той или иной продукции), способствовать производственной деятельности и в конечном счете — коммерческому успеху.

Немаловажное влияние на формирование содержательной модели газет и журналов, издаваемых коммерческими сообществами на рубеже XIX–XX вв., оказал корпоративный характер подобных изданий.

Значительное (и часто очень выгодное по своему местоположению в издании) место в них отводилось под раздел, в котором освещалась деятельность той организации, которая выпускала СМИ. Этот раздел назывался по-разному (в зависимости от формы, в которую облекался союз предпринимателей) — «*Дневник Совета и Президиума общества*» (если организация была единичной), «*Деятельность съездов*» (в этом случае в качестве издателя выступал совет того или иного съезда предпринимателей) и т. д. Упомянутая выше «Народная газета», являющаяся органом Союза сибирских маслодельных артелей (г. Курган), маленькая по объему, просто печатала «*Протоколы общего собрания уполномоченных*» от того или иного числа.

Содержание этого раздела свидетельствует о той огромной роли, которую играли в экономической жизни России корпоративные организации. Они оказывали воздействие на власть, добиваясь поддержки отечественного производителя, заставляя менять устаревшие законы, тормозящие экономический прогресс, принимать важнейшие решения, касающиеся не только отдельных корпораций и конкретной отрасли, но и экономики России в целом. Часто именно печать

стимулировала поиск возможных способов решения серьезных социальных вопросов о взаимоотношениях владельцев предприятий и работников, что станет особо важным в период первой русской революции 1905–1907 гг. [3, 6, 7].

Как верно отмечает исследователь Ю. В. Чемякин, в корпоративных изданиях рубежа XIX в. «...не было безудержных “хвалебных од” в адрес компаний-учредителей и их руководства. Вместо этого — спокойное, взвешенное обсуждение тех явлений и проблем, которые волнуют читателя» [9, 80].

Анализируя публикации деловых СМИ начала XX в., посвященные широкой благотворительной деятельности коммерческих союзов, исследователь А. Ю. Горчева справедливо отметила роль предпринимателей, занятых в становлении фабрично-заводского сектора страны, в решении очень тяжелых социальных проблем, с которыми столкнулась Россия в данный период, и несомненную помощь в этом самих СМИ. «Главным принципом этого типа изданий было, — пишет она, — не только помочь предпринимателям добиться прибыльности предприятий, но и учесть государственные социальные интересы» [2, 114].

Корпоративные издания этого исторического периода обладали еще одним немаловажным достоинством — они были своеобразным «почтовым ящиком» для своих читателей, что способствовало обмену производственным опытом, повышению профессионального уровня читателей и поиску наиболее эффективного решения назревших производственных вопросов. А иногда и помогало разрешению межличностных конфликтов между членами сообщества.

Мастера, рабочие-рационализаторы делились своими наблюдениями за рабочим процессом, рассказывали о преимуществах и недочетах нового оборудования, давали советы по ремонту техники или возможной замене одних деталей другими, рекомендовали способы усовершенствования старого оборудования [8, 37].

Подобный опыт осуществления обратной связи с читателем может быть поучительным для современных корпоративных СМИ, которые, к сожалению, часто пренебрегают подобной практикой, что, по мнению автора данной статьи, существенно снижает эффективность подобных СМИ и отнюдь не способствует повышению результативности в работе предприятий.

В целом содержательная модель корпоративных изданий анализируемого периода как нельзя лучше отвечала целям подобных СМИ. Она удовлетворяла профессиональные и коммерческие интересы своих читателей, позволяла им быть в курсе экономической политики правительства, отслеживала изменения потребительского спроса не только на внутреннем, но и на внешнем рынке России, сообщала о новых тенденциях в ценообразовании и кредитовании, давала так необходимую предпринимателям коммерческую информацию (о котировке валют, акций, о новой промышленной продукции, необходимой для предприятий, и т. д.), а также поставляла сведения, без которых невозможна высокоэффективная производственная деятельность.

Важно было и то, что эта пресса пропагандировала передовой опыт, сообщала о новых научных открытиях, которые можно было с успехом использовать для повышения производительности труда, обеспечения безопасности производства, и тем самым способствовала экономическому прогрессу. В системе российских

СМИ того периода она представляла по-настоящему качественную, в основной своей массе высокопрофессиональную прессу (за исключением СМИ небольших артельных союзов), у которой есть чему поучиться.

-
1. *Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И.* Концепция современного периодического издания : учеб.-метод. пособие. М., 2012.
 2. *Горчева А. Ю.* Корпоративная журналистика. М., 2008.
 3. *Горчева А. Ю.* Корпоративные издания: исторический опыт // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2008. № 1. С. 130–136.
 4. *Иванова Л. Д.* Частная журналистика и капитал. Деловая пресса России конца XIX — начала XX века // Русская дореволюционная печать (1890-е гг. — 1917): основные тенденции развития : конспект лекций. Екатеринбург, 2008. С. 16–27.
 5. *Иванова Л. Д.* Типологические особенности деловых корпоративных СМИ рубежа XIX–XX вв. // Вопросы истории и теории журналистики : межвуз. сб. / ред.-сост. Л. Д. Иванова. Екатеринбург, 2013. С. 62–70.
 6. *Иванова Л. Д.* Проблематика журнала «Уральское горное обозрение». 1905–1906 // Межкультурные коммуникации в современном мире: роль СМИ : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17–18 апр. 2014 г.) / сост. и науч. ред. Д. Л. Стровский, О. В. Ильина. Екатеринбург, 2014. С. 98–100.
 7. *Иванова Л. Д.* Позиция журнала «Уральское горное обозрение» в годы первой русской революции // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 3 (129). С. 79–87.
 8. *Иванова Л. Д.* Особенности работы с аудиторией в СМИ на рубеже XIX–XX вв. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23, № 3 (165). С. 36–43.
 9. *Чемякин Ю. В.* Истоки и основные периоды развития российских корпоративных медиа // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1 (110). С. 78–86.

Статья поступила в редакцию 08.12.2017 г.

АЛГОРИТМИЗАЦИЯ И ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ КОНТЕНТА ДЛЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ МИЛЛЕНИАЛОВ

В статье предпринимается попытка осмысления алгоритмической журналистики как перспективного направления работы российского «сетевизированного журналиста». Предложен обзор теоретических и эмпирических работ по проблеме. Результатом собственного исследования стало выявление поведенческих тактик и востребованных сетевых текстов русскоязычных миллениалов. Разработан образ Персоны как портрет целевой аудитории и основа для создания соответствующих алгоритмических историй.

Ключевые слова: персонализация контента; алгоритмическое создание и отбор историй; «символично-ориентированный» национальный менталитет; продюсирование историй в сети для русскоязычных миллениалов.

Автоматизированный подход становится востребованным в условиях мощного развития информационных технологий. Дискуссии в профессиональном сообществе разворачиваются вокруг потенциальных достоинств и угроз роботизированной журналистики.

Молодой перспективный российский исследователь алгоритмизированной журналистики А. Д. Иванов формулирует особенности роботов-журналистов: сверхоперативность, долгая обучаемость, отсутствие стиля и юмора, высокая стоимость работ [4].

Зарубежные исследователи — С. Anderson, М. Carlson, К. Doerr, R. Fletcher, J. Kunert, N. Newman, S. Schifferes, N. Thurman, а также А. Замков, К. Зорин, М. Крашенинникова, М. Лукина признают, что фактологичность и оперативность в создании контента, безусловно, полезны. Однако недостаточная способность к художественному изложению, «пробуждению» чувств и эмоций роботов-журналистов оценивается специалистами критично. Они подчеркивают, что эмоциональное вовлечение, будучи результатом качественной драматургии, является важным фактором для выстраивания диалога СМИ с аудиторией, «серфингующей» по платформам.

Оперативность, впрочем, как и другие качества «роботизированного журналиста», чрезвычайно актуальна. Описывая «сетевое настоящее», российский исследователь В. Гатов констатирует, что «сетевая журналистика» в первую очередь существует для удовлетворения интересов аудитории. «Возможности сетевой журналистики — при способности анализировать эффективность коммуникации практически в реальном времени — заключаются в том, что, обнаружив соответствующий “фокус” аудитории, сетевой журналист может развивать и углублять

СУМСКАЯ Анна Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры телевидения, радиовещания и технических средств журналистики Уральского федерального университета (e-mail: anna.sumskaia@urfu.ru).

свой продукт, находить новые, в том числе и поначалу скрытые аспекты информации...» [1, 237].

Между тем В. Ф. Олешко и О. В. Малик, анализируя влияние цифровых СМИ на социальные коммуникации, приходят к двойственному выводу. Несмотря на то, что «...аудитория отныне чаще всего имеет возможность общаться не только с официальными лицами редакции посредством различного вида запросов и писем, но и напрямую с авторами», все-таки «...даже при развитии технологических возможностей СМИ не расширяются традиционные диалогические пространства...» [7, 9].

Почему складывается такое впечатление? Получается, что «осовременивание» медиа в контексте моды на «техно» не всегда приводит российского продюсера цифровых СМИ к желаемым результатам — улучшению качества диалога и повышению лояльности аудитории, в то время как алгоритмы создания и распространения контента, способного вовлекать в коммуникацию, являются насущной проблемой.

Итак, актуальность приобретает понимание механизмов создания таких текстов, произведенных или отобранных искусственным интеллектом, которые способны удовлетворять интересы и развивать диалоговые взаимоотношения с пользователями. Кроме того, в настоящее время не теряет значимость конкретизация характеристик аудитории, определение ее корпусности.

Цели исследования: выявление поведенческих тактик и наиболее востребованных текстов русскоязычных миллениалов в Сети, конструирование образа Персоны как востребованного портрета «ядерной» целевой аудитории, разработка сути алгоритма создания историй для соответствующей аудитории.

Теоретическая основа исследования: теория сетевого общества (М. Castells); положения автоматизированной журналистики (С. Anderson, М. Carlson, К. Doerr, R. Fletcher, J. Kunert, N. Newman, S. Schifferes, N. Thurman), теория «agenda-setting» (I. B. Cohen, W. Lippmann, M. McCombs, D. Shaw и др.), модель российской журналистики, основу которой составляет коллективистски ориентированный менталитет (М. В. Загидуллина), метод персон (А. Соопер).

Эмпирическая часть исследования основана на контент-анализе текстов публичных страниц еще популярной в российской среде социальной сети «ВКонтакте», работы молодежной фокус-группы, анкетирования респондентов.

В исследовании приняли участие 207 человек, будущие медиапрофессионалы — журналисты и PR-специалисты, проживающие в Уральском федеральном округе. Проанализировано 5712 постов в сети «ВКонтакте», созданных за 2017 г.

В концепции сетевого общества испанский ученый М. Castells выделяет тип социальных отношений, которые, по его убеждению, заимствованы из компьютерных технологий, потому «социальное становится продолжением технологического» [6, 228].

Castells, описывая сетевые принципы управления социальной организацией, говорит о «способе развития» информационного общества на основе инноваций управления знаниями и новых организационных форм, конкретизирует проявление идентичности в сетевом сообществе [12–14].

Поясняя теорию сетевого общества для русскоязычных исследователей, А. Н. Новикова пишет: «...Сетевая власть будет проявляться в способности социальных акторов создавать такие сетевые идентичности и сообщества, которые будут стабильны. Внутрисетевая власть будет реализовываться через механизм навязывания повестки дня. А сетеобразующая власть воплощается в праве крупных технологических корпораций и производителей медиаконтента технически структурировать алгоритмы, то есть возможности пользователей в социальных сетях» [6, 230].

Идентичность журналиста цифровой эпохи достаточно подробно проанализирована в работе М. Castells, М. Parks, В. Van der Haak «Будущее журналистики: сетевая журналистика» (The Future of Journalism: Networked Journalism). В частности, указывается, что «результатом сетевой журналистики является множество авторских историй», созданных в том числе при помощи пользовательского контента, причем «умение рассказывать значимые истории и аналитические способности — это корень профессии» [18].

Американский исследователь М. Carlson в работе «Робот-репортер» признает, что технологии являются основой журналистского авторитета.

Ученый отмечает важность «оттачивания алгоритмов, способных производить автоматизированные рассказы», предлагает ввести в редакциях должность «metajournalist» для написания автоматизированных историй, создания шаблонов композиционных форм текстов, причем различных версий для разных аудиторных групп, что задает требования к их масштабируемости и кластеризации. По мнению исследователя, «соединение ориентированной на аудиторию концепции автоматизированной журналистики с возможностями сбора данных интернет-СМИ может привести к массовой персонализации на уровне читателя» [15]. Наконец, исследователь, поддерживая дискуссию о качестве подобных материалов, приводит точки зрения критиков: «воображение, чувство юмора трудно свести к математическим формулам», алгоритмы обостряют конфликт между «формой и индивидуальным стилем изложения», автоматические тексты слабо влияют на чувства и эмоции человека [15].

Таким образом, М. Carlson признает ограниченные в настоящее время возможности алгоритмической журналистики.

Критически относится к подобной журналистике и швейцарский ученый К. Дöрг. Анализируя в своих работах этические вопросы журналистского труда, он пишет: «Объективность, авторитет, прозрачность, а не неявные или явные значения должны стать мерилем качества журналистского материала» [17].

Тем не менее К. Dörr, продолжая исследовать перспективы алгоритмической журналистики, вводит понятие «структурированная журналистика» и предлагает решения для кодирования журналистских знаний, необходимых для создания сложных событийных рассказов [16].

В работе группы немецких и английских исследователей «Компьютерные новости: исследование возможностей проверки историй» акцентируется внимание на явном преимуществе алгоритмизации — создании и апробации специальных программных алгоритмов, предназначенных для работы с социальными сетями.

Например, Social Sensor способны выявлять новостные тренды в сетях, причем они предназначены для работы не только с печатной, но и с визуальной информацией [25, 3].

Сетевые медиа, по мнению авторитетного уральского культуролога Л. Б. Зубановой, «стали для современной аудитории новыми агентами влияния, обладающими существенным потенциалом, явно выраженными преимуществами перед традиционно-официальными СМИ» [3, 143].

Российские исследователи, разрабатывая стандарты профессиональной подготовки специалистов для подобных работ, так формулируют ключевую компетенцию журналиста: «...концентрация на определенном типе текстов, особенностях их создания и функционирования, а также управление автоматизированным процессом генерирования типизированных продуктов...» [2]. Однако московские специалисты сетуют, что «в рамках данной модели большинству журналистов отведена роль бесстрастных “регистраторов фактов реальности”» [2].

Мысль о популяризации в разных странах западно-ориентированной модели журналистики — «журналистики фактов», претендующей по примеру Голливуда на универсальность, и особом пути российских журналистов развивается в работах уральских филологов. Исследователь М. В. Загидуллина, опираясь на семиотическую теорию Ч. Пирса, предлагает рассматривать отличия между присвоенными в России западными принципами журналистики и собственно национальным менталитетом как конфликт между «знаками-индексами» и «знаками-символами»: «Если рассматривать западную ментальность как “индекс” (реализм, позитивизм, факт), восточную — как “иконический знак” (метафизика, традиция, идея), а русскую — как символ (тайна, мечта, идеал), то неизбежен конфликт между “индекс-ориентированной” журналистикой и “символично-ориентированным” национальным менталитетом» [27, 493].

Особая национальная российская идентичность, цивилизационная уникальность, обусловленная культурно-историческим опытом, раскрывается в работах авторитетного ученого Э. В. Чепкиной [8, 18].

Безусловно, это создает препятствия для внедрения алгоритмизированной журналистики в российскую практику, не совсем технологичную и приветствующую не только факты, но и символы. Возможно, поэтому, имея сопротивление не к диалогу, а к технологиям, так непросто иногда выстраивается коммуникация журналистов с аудиторией [7].

Вместе с тем аудитория медиа — это достаточно емкое понятие, ее принято сегментировать, кластеризировать. Английский ученый С. W. Anderson в своих работах пишет о произошедшей фундаментальной трансформации понимания журналистами своей аудитории, знание которой «становится встроенным в ДНК современной новостной работы». По его мнению, СМИ могут использовать алгоритмический подход в создании образа публики на основе «базы данных человеческих потребностей» и уйти наконец от агрегированной журналистики.

Основное утверждение ученого заключается в том, что алгоритм играет важную социотехническую роль в посредничестве между журналистами и аудиторией. Он противопоставляет профессиональную и непрофессиональную традиционную

вещательную модель журналистики, функционирующую в рамках классической теории «agenda-setting», и модель, ориентированную на аудиторию. Причем суждения ученого подчас категоричны и ироничны. Он пишет: «...напряженность периодически проявляется в битве между профессионалами, которые утверждают, что журналистика должна предоставлять информацию, необходимую гражданам (“граждане должны есть свой шпинат”), и новостями популистов, которые утверждают, что журналистика должна дать аудитории то, что она хочет (и что любая журналистика в общественных интересах должна покрыть себя оберткой дружелюбия для аудитории)» [11, 540].

Anderson выявляет, что повестка дня аудитории алгоритмизированной журналистики является рассредоточенной. Он выводит 5 обязательных методологических практик реализации алгоритмов: анализ массива данных, учет человеческого и программного суждения при подготовке материалов, учет индивидуального выбора потребителя, ориентация на повышение уровня индивидуальных знаний аудитории и освещение событий в их развитии [11].

Эмпирические исследования ученых из Нидерландов G. Kormelink и С. Meijer также указывают на явные недостатки агрегированной журналистики. Они доказывают, что «отсутствие или наличие “щелчка” не измеряют у людей интерес к новости», а клики и просмотры нельзя принимать за абсолютную истину [23, 158]. S. Meyer приходит к выводу, что качественная журналистика по-прежнему продолжает радовать аудиторию [24, 754].

Австрийский ученый F. Hanusch, автор всемирно известного проекта «The Worlds of Journalism Study», эмпирически доказал, что аудиторией в настоящее время востребован прежде всего потребительский контент, а не гражданская тематика, что традиционно объясняется ориентацией на рынок. Безусловно, это влияет на культуру работы журналистов [18, 19].

С. Паранько, российский медиаисследователь и медиаменеджер, один из пионеров внедрения стандартов редакционной аналитики, в эссе «Полевое исследование медиасферы: будущее» прогнозирует, что новое пространство для эфира — это социальные сети и мессенджеры. В частности, он утверждает: «Соцсеть становится платформой, которая таргетированно связывает аудиторию и автора или авторские коллективы. ...Эпоха охватов закончилась, задача алгоритмов в лентах социальных сетей не показать запись максимально широко, а показать ее максимальному количеству заинтересованной аудитории» [9].

В аналогичном аналитическом проекте «Что происходит с цифровыми медиа и что делать, чтобы оставаться успешным» российский журналист и исследователь В. Пуля практически определяет ход эмпирической части нашего исследования: «Сначала надо понять, какая у тебя аудитория, оценить соцдем и найти своих персонажей. То есть четко понимать, что тебя читает Мария Ивановна, она бухгалтер, или тебя читает Максим, он студент. Потом надо понять — какой контент нужен для этой аудитории...» [10].

Принимая во внимание, что объектом нашего исследования являются миллениалы, «цифровые аборигены» (А. Н. Качкаева), интерес представляет типология американских миллениалов, разработанная проектной группой The American

Press Institute and the Associated Press-NORC Center for Public Affairs Research. В зависимости от поведенческих тактик в Сети и возраста исследователи выделили типы пользователей (неприсоединенные, исследователи, рассеянные и деятели), а также определили наиболее востребованный ими контент (новости общества, новости образа жизни, практические новости и др.) [21].

Требования к моделированию Персонажей достаточно полно изложены в работах А. Купера. Персона включает набор конкретных характеристик, позволяющих понимать картину ожиданий потребителей от медиа [5].

Эмпирическая часть работы включала анализ поведенческих тактик миллениалов в Сети, анкетирование респондентов, конструирование на основе этих результатов Персонажа как образа соответствующей целевой аудитории, а также выработку сути алгоритма создания для них историй.

Итак, диагностика «самодеятельной активности» (Л. Б. Зубанова) пользователей Сети приобретает для «сетевизированного журналиста» (М. Castells) особую значимость в понимании их лично значимого контента. Эта диагностика реализована в ходе тематического и контент-анализа текстов, размещенных на публичных страницах «ВКонтакте». Мы исходим из понимания, что размещая информацию в аккаунтах, пользователи признают ее ценность, это позволяет высказать суждения об актуальной повестке дня. На основе работы фокус-группы были выделены основные критерии для кластеризации пользовательского контента с целью дальнейшего анализа. В некотором смысле мы вынуждены использовать традиционные социологические методы, так как в российской практике отсутствуют веб-инструменты для анализа собирательного пользовательского контента. Пожалуй, существует чуть ли не единственный инструмент Publer, с помощью которого можно анализировать сообщества «ВКонтакте» на основе активности пользователей (лайков, комментариев, репостов). Но в данном случае, во-первых, речь идет о той самой агрегированной журналистике, которая подвергается критике, во-вторых, этот инструмент не позволяет анализировать контент пользователей из разных групп, еще не объединенных в сообщество.

Результаты эмпирического исследования следующие. Общий массив собственных текстов респондентов составляет всего 31 %, в то время как объем репостов — 69 %. Это важный показатель, ведь в исследовании принимали участие особые респонденты, которые по роду своей будущей профессиональной деятельности максимально интегрированы в информационное пространство и не только способны, но и обязаны писать, снимать и пр. Причем разброс значений таков: в год респонденты размещали в среднем на своих страницах всего 10–15 постов, если только работа в сетях уже не являлась для них профессиональной обязанностью, тогда количество текстов увеличивалось в отдельных случаях до 300–500. Есть и такие респонденты (2 %), которые за год вообще не разместили ни одной записи на своих публичных страницах. Большинство авторских постов мы можем идентифицировать как короткие рассказы (story).

Для определения типа пользователей с целью большего понимания их поведенческих тактик в Сети были использованы наработки американских коллег. Мы исходили из убеждения, что все респонденты относятся к одному поколению Y,

являются представителями цифровой эпохи, когда практически отсутствуют границы поиска и обмена информацией, если не принимать во внимание языковой барьер. Анкетирование выявило следующую картину. Больше количество респондентов идентифицировали себя как «исследователи» (40 %), в то время как, согласно данным зарубежных коллег, количество таких пользователей составило всего 16 %. «Исследователи» — это «игреки», которые активно ищут новости в Интернете, следят за различными текущими событиями, используют социальные медиа, чтобы собирать информацию и общаться с другими. Тип «неприсоединенных» пользователей лидирует в американском исследовании и занимает вторую позицию в российском. Это тип пользователей, которые мало следят за текущими событиями, пользуются сетями в основном для развлекательных целей и верят той информации, которую увидели первой. Любопытно, что тип пользователей «деятели» имеет равные позиции как в нашем исследовании, так и у зарубежных коллег. «Деятели» — группа миллениалов, которые избирательно относятся к воспринимаемой информации, имеют устойчивые тематические и вкусовые предпочтения, следят за событиями в обществе, в меньшей степени используют социальные сети для общения и развлекательных целей. Таким образом, принимая во внимание, что группа российских респондентов имеет прямое отношение к медиа, чем и обусловлена, скорее всего, приоритетная исследовательская позиция, мы можем, хотя и с некоторыми оговорками, использовать данную типологию для понимания поведенческих тактик российских миллениалов в Сети. Что касается ментальности, то позволим высказать предположение, что именно в цифровую эпоху различия, обусловленные культурой народа, имеют тенденцию к смягчению, нивелированию. Если принимать во внимание, что на российских журфаках миллениалов обучают все-таки западно-ориентированной журналистике и российские респонденты имеют отношение к медиа, то и конфликт ментальностей в среде «цифровых аборигенов» не такой явный, сохраняется, скорее всего, в поколенческих коммуникациях. В любом случае это пока предположение, которое нужно доказать и которое, в некотором смысле, может служить заявкой для будущих исследований в данном направлении.

Тематический анализ дает следующий разброс значений: лидирует развлекательный контент (44 %), на второй позиции материалы, связанные с профессией и профессиональным становлением, а на третьей — тексты, связанные с семьей. Интерес к семейной тематике не является чем-то особенным для российских респондентов, ведь большинство из них (83 %) — это девушки, для которых вопросы семьи и личного счастья до сих пор остаются в приоритете по сравнению с карьерой и профессиональной самореализацией. Вместе с тем эти результаты коррелируют с выводами австрийского ученого о востребованности «мягких новостей» и потребительского контента. Значит, и в этом есть некоторые сходства.

Однако повестка дня российских пользователей все-таки имеет отличия. Хотя приоритет новостей «образ жизни» лидирует, но и тексты «социальной поддержки» (помочь пристроить животных, поддержать больных детей и пр.) востребованы. Наиболее популярны материалы, претендующие на эмоциональный отклик, отличающиеся коллективистской направленностью.

Анкетирование показало, что тематика, которая демонстрируется в сетях, не всегда соответствует той, которую российские респонденты ищут. Так, в поисках лидирует по-прежнему тема развлечений (34 %), а вот «новости города, страны, мира» занимают вторую позицию (24 %) у российских респондентов. Далее, испытуемых интересует тема саморазвития и самосовершенствования, тексты с юмором/сарказмом. Завершает пятерку приоритетных тема профессиональной деятельности журналиста. Делаем вывод, что не все, что респонденты ищут, они постят на своих страницах. В принципе, это вполне очевидно. Эта позиция соответствует результатам исследования нидерландских ученых, которое определило, что пользователи не всегда готовы «скролить» то, что им предлагают, и в Сети делают то, что считают нужным, читают, что хотят, и ищут, что хотят [22, 632].

Если говорить о форматах информации, то «картинка» лидирует по сравнению с напечатанным текстом, что вполне соответствует общемировым трендам визуализации информации.

В нашем исследовании производилась оценка доминирующих эмоций, транслируемых в материалах сетевых пользователей. Была использована типология эмоций Л. В Куликова, в которой выделяются активационные эмоции (радость, бодрость, азарт), эмоции напряжения (гнев, страх, тревога) и самооценочные эмоции (печаль, вина, стыд, растерянность).

Данные исследования позволяют констатировать, что эмоции активации отмечены в 69 % постах, напряжения — в 13 %, самооценочные — в 18 %. Таким образом, российская группа респондентов предпочитает демонстрировать в Сети бодрое приподнятое настроение.

Результаты данного эмпирического исследования использованы при конструировании на основе модели Купера Персоны как ориентира для работы «автоматизированного журналиста».

Таким персонажем стал Александр/Александра.

Его/ее обобщенные характеристики: участник студенческой группы/молодой специалист редакции; учится не всегда хорошо, но все-таки много времени отдает освоению профессии, стремится знать как минимум 2 языка, пробует узнать и продемонстрировать новое. Следит за трендами категории «образ жизни» и «профессиональные новинки». «Исследователь» или «деятель». Доверяет не всей информации, с которой сталкивается, хотя считает Интернет неотъемлемой частью повседневности. Воспринимает новости как часть жизни общества, в котором живет, интересуется, но не в полной мере национальной политикой, обсуждает с друзьями происходящее, имеет тематические предпочтения.

20 лет, живет с родителями, но стремится быть самостоятельным(ой). Имеет телефон предпоследней модели, не менее 3 источников доступа к Сети, представлен(а) не менее, чем в трех. Пользуется многими техническими новинками. Верит, надеется, чувствует и понимает, готов(а) прийти на помощь, открыт(а) для диалога.

Такая характеристика Персоны, казалось бы, осложняет разработку алгоритмов, в то же время предполагает более «тонкие настройки» для работы с русскоязычными «цифровыми аборигенами».

Алгоритм разработки или отбора цифровых историй для такого пользователя в самом общем смысле подразумевает шаги: принадлежность/непринадлежность к студенчеству; активная/неактивная деятельностная позиция; высокая/низкая заинтересованность в профессии; стремление/нежелание самостоятельности; приоритет тематического интереса «образ жизни» или «профессиональные новинки», «помощь в учебе».

Медиатекст должен обязательно включать элементы визуализации, быть адаптированным для мобильного потребления, легким для восприятия и иметь оптимизирующий настрой.

Таким образом, на наш взгляд, результаты данного исследования могут быть определены как один из частных способов развития «информационального общества». Алгоритмизированная/«структурированная» журналистика может быть востребована российскими миллениалами больше, чем представителями других поколений нашей страны. Поведенческие тактики российских игроков в социальных сетях имеют сходства с данными испытуемых других европейских стран. Респонденты, являясь представителями «внутрисетевой власти», задают требования к контенту. Разработанный Персонаж может применяться при создании различных типовых текстов в соответствии с заявленными тематическими приоритетами. Повествовательные тексты story (в русскоязычной практике пока нет адекватного названия этого жанра) имеют приоритет для представителей поколения Y, это важно учитывать «сетевизированным журналистам». Повествовательные тексты, адресованные российским миллениалам, должны влиять на их чувства и эмоции, быть ориентированы на общность, группу, коллектив.

1. *Гатов В.* Будущее журналистики // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 / А. Амзин, А. Галустян, В. Гатов и др. ; под науч. ред. С. Балмаевой и М. Лукиной. Екатеринбург, 2016. С. 206–267.

2. *Замков А. В., Крашенинникова М. А., Лукина М. М., Цынарёва Н. А.* Роботизированная журналистика: от научного дискурса к журналистскому образованию [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2017. Вып. 2. URL:<http://www.mediascope.ru/2295> (дата обращения: 02.11.2017).

3. *Зубанова Л. Б.* Потенциал социальных медиа в формировании экологической повестки региона // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 3 (25). С. 143–149.

4. *Иванов А. Д.* Роботизированная журналистика и первые алгоритмы на службе редакций международных СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. № 2 (16). С. 32–40.

5. *Купер А.* Психбольница в руках «пациентов» [Электронный ресурс]. Символ-Плюс. 2005. URL:http://royallib.com/book/kuper_alan/psihbolnitsa_v_rukah_patsientov.html (дата обращения: 03.11.2017).

6. *Новикова А. А.* История и теория медиа. М., 2017.

7. *Олешко В. Ф., Малик О. В.* Влияние цифровых средств массовой информации на формирование глобальной системы социальных коммуникаций // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2017. № 4(168). С. 5–12.

8. *Чепкина Э. В., Лемесева Е. Э.* Конструирование идентичности россиян с помощью исторического нарратива в дискурсе СМИ // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2017. № 4(168). С. 13–19.

9. Эссе: Будущее [Электронный ресурс] // Интернет-журналистика: адаптация к меняющейся реальности. URL: <https://media.mail.ru/future/> (дата обращения: 02.01.2017).

10. Эссе: Настоящее [Электронный ресурс] // Интернет-журналистика: адаптация к меняющейся реальности. URL: <https://media.mail.ru/now/> (дата обращения: 02.01.2017).
11. *Anderson C. W.* Deliberative, Agonistic, and Algorithmic Audiences: Journalism's Vision of its Public in an Age of Audience Transparency // *International Journal of Communication*. 2011. Vol. 5. P. 529–547.
12. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society, and Culture. Vol. 1 : The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford, 2009.
13. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society, and Culture. Vol. 2 : The Power of Identity. 2nd ed. Oxford, 2009.
14. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society, and Culture. Vol. 3 : End of Millennium. 2nd ed. Oxford, 2010.
15. *Carlson M.* The Robotic Reporter [Electronic resource] // *Digital Journalism*. 2015. Vol. 3, № 3. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/21670811.2014.976412> (accessed: 02.01.2018).
16. *Caswell, D., Dörr K.* Automated Journalism 2.0: Event-driven narratives [Electronic resource] // *Journalism Practice*. 2017. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17512786.2017.1320773> (accessed: 02.01.2018) DOI: 10.1080/17512786.2017.1320773.
17. *Dörr K., Holnbuchner K.* Ethical Challenges of Algorithmic Journalism [Electronic resource] // *Digital Journalism*. 2017. Vol. 5, iss. 4. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/21670811.2016.1167612> (accessed: 30.12.2017).
18. *Haak B., Parks M., Castells M.* The Future of Journalism: Networked Journalism // *International Journal of Communication*. 2012. Vol. 6. P. 2923–2938.
19. *Hanusch F.* Web analytics and the functional differentiation of journalism cultures: Individual, organizational and platform-specific influences on newswork // *Information Communication & Society*. 2017. Vol. 20. P. 1571–1586.
20. *Hanusch F., Tandoc E.* Comments, analytics, and social media: The impact of audience feedback on journalists' market orientation [Electronic resource] // *Journalism*. 2017. 21 July. DOI: 10.1177/1464884917720305. URL: journals.sagepub.com/home/jou (accessed: 30.12.2017).
21. How Millenials Get News [Electronic resource]. URL: <https://www.americanpressinstitute.org/publications/reports/survey-research/millennials-news/> (accessed: 20.11.2017).
22. *Kormelink G., Meijer C.* Tailor-Made News // *Journalism Studies*. 2014. Vol. 15. P. 632–641.
23. *Kormelink G., Meijer C.* True or interesting? // *Digital journalism*. 2015. Vol. 3, iss. 2. P. 158–174.
24. *Meyer I. S.* Valuable journalism: A search for quality from the vantage point of the user // *Journalism*. 2013. Vol. 14, iss. 6. P. 754–770.
25. *Thurman N., Schifferes S., Fletcher R. et al.* Giving computers a nose for news: exploring the limits of story detection and verification // *Digital Journalism*. 2016. Vol. 4, iss. 7, P. 838–848 (DOI: 10.1080/21670811.2016.1149436).
26. *Thurman N., Doerr K., Kunert J.* When Reporters get Hands-on with Robo-writing: Professionals Consider Automated Journalism's Capabilities and Consequences [Electronic resource] // *Digital Journalism*. 2017. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/21670811.2017.1289819?journalCode=rdij20> (accessed: 20.11.2017).
27. *Zagidullina M.* Universality or commensurability: Can the latter bridge the culture gap? // *International Communication Gazette*. 2015. Vol. 77, iss. 5. P. 487–499. (DOI: 10.1177/1748048515586950).

Статья поступила в редакцию 19.01.2018 г.

ДОСТОВЕРНОСТЬ ЖУРНАЛИСТСКОГО ФАКТА, ИЛИ КАК ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА

Статья посвящена междисциплинарному исследованию процесса верификации журналистского факта и его встраивания в объективную реальность. Для этого предпринята попытка собственного определения факта в журналистике. На основе контент-анализа выявлены типы фактов, наиболее распространенные в современном новостном медиадискурсе. Определены несколько этапов и условий проверки фактической информации. На конкретном примере рассмотрен процесс внедрения журналистского факта в социальную реальность.

К л ю ч е в ы е с л о в а: журналистский факт; медиафакт; медиасобытие; документальный факт; верификация.

Сегодня западные теоретики предлагают просто верить слову конкретного журналиста. «Объективность — журналистская ценность прошлой эры. В цифровую эру ее место занимает транспарентность. Новостные организации должны быть транспарентными, читатели должны видеть и знать журналистов, контактировать с ними», — пишет профессор Школы журналистики Университета Техаса Розенталь Алвес [8]. На деле же увлекательная игра в «открытую» редакцию является не более чем трюком для удержания аудитории, создания лояльной группы или даже фан-клуба читателей, для которых данное СМИ будет истиной в последней инстанции.

Факт традиционно считается «основой основ» журналистского произведения. Более конкретным и емким представляется определение факта в журналистике, данное Л. А. Поелуевой: «...достоверное отражение фрагмента реальности, обладающее социальной репрезентативностью» [18, 23].

Объективность понимается в журналистике как атрибут факта, его качество и может быть выражена только через него. В свою очередь, понятие «объективность» в журналистике очень тесно связано с понятием «документальность». Это некая независимая от журналиста фиксированность факта, гарант его объективности. При создании любого произведения журналист опирается на документальные факты — зафиксированные события, «бытие которых может быть непосредственно проверено или удостоверено дополнительными доказательствами или свидетельствами» [22, 227].

Верифицируемость документального факта в журналистике относительна. Маркером его «реальности» является указание в материале того, где и когда произошло описываемое событие (обозначение категорий пространства и времени), а также его участников. Это позволяет на практике проверить правдивость сведений, которые приводит журналист. Иными словами, истинность, именуемая

фактом, предполагает возможность сопоставить утверждение с действительностью, т. е. свершившимися событиями или актуальным положением дел.

Факт не существует вне познавательной деятельности человека. Содержанием факта в журналистике является соотнесение профессионального интереса журналиста и объективной реальности, а формой — его выражение в определенной знаковой системе или даже нескольких системах (в случае креализованных текстов). При этом главную роль всегда будет играть вербальная составляющая, так как именно она дает ключ к дешифровке послания журналиста.

Процесс номинации информации о реальности основан на ментальных алгоритмах, обеспечивающих распознавание старых и конструирование новых смыслов. В качестве такого алгоритма выступает образ, который можно представить как «квант смысловой информации». Компиляцией образов в журналистском материале является квантование информационного сигнала: «В журналистском факте реализуется энергия квантового перехода: образа-сигнала в образ-модель, образ-концентрат, образ-факт, образ-понятие, образ-тезис» [12, 95].

Как отмечает В. Д. Мансурова, «...процесс интериоризации реальности коммуникационной системой журналистики представляет собой рекурсию — создание копий заданных базовых алгоритмов. <...> В журналистике, базирующейся на особом способе реализации социального познания — интерпретации, рекурсивным преобразователем может быть личность журналиста» [13, 102–103].

Создатель медиатекста наполняет медиасобытие и факт, лежащий в его основе, своим ощущением времени и пространства, иными словами — определяет его хронотоп [2]. Медийный факт нельзя воспринимать как документальное свидетельство (он и не должен быть таковым) о событии реальном: это модель действительности, полученная в процессе творческой деятельности журналиста [9].

Собственно факт, в отличие от реальности, является дискретной единицей, обладающей определенными границами, которые задаются требованиями достоверности, возможности верификации и полноты информации. Документальным фактом в журналистике, по сути, является достоверное (верифицируемое) высказывание о событии реальности. Мысль о том, что структура высказывания повторяет структуру ситуации, подробно развивает А. Е. Кибрик. По его мнению, структура внеязыковой ситуации отражается в пропозиции, состоящей из предиката (события) и его аргументов (партиципантов) [7, 198–199]. «Среди аргументов выделяются актанты — обязательные участники данного события, и сирконстанты — факультативные участники события» [Там же]. Основанием для их различия является минимальная функционально-смысловая завершенность изложения факта.

Такой подход позволяет определить минимальный набор сведений, входящих в структуру документального факта, в соответствии со структурой события. Если же говорить о факте, несводимом к одной пропозиции (которая считается идеалом выражения факта в филологии [1, 161]), то исследователи формулируют целый комплекс требований к созданию максимальной полноты описания события: «1. Точно передать сущность события... 2. Передать внутренние отношения между компонентами одного события... 3. Передать тип отношения между

событиями» [15, 202–203]. Подобный взгляд имеет междисциплинарный характер и уже нашел отражение в исследованиях медиатекстов [4].

«Тексты, относящиеся к информационным жанрам, в количественном отношении составляют основную часть массовых информационных потоков», — отмечал в начале 2000-х гг. А. А. Тертычный [21, 65]. Эта тенденция сохраняется и спустя без малого два десятка лет. Произведения информационных жанров призваны отражать «голые» документальные факты путем простого ответа на вопросы: «Кто?», «Что?», «Где?» и «Когда?», которые являются указанием на субъекта, объект, время и место действия. Таким образом, документальный факт можно рассматривать как совокупность деталей того или иного события действительности.

Обобщая вышесказанное, документальный факт в журналистике можно определить как достоверное отражение фрагмента реальности, обладающее социальной значимостью, выраженное путем передачи его основных деталей в одной или нескольких знаковых системах, главной из которых будет являться естественный язык.

Тенденция к максимальной конкретизации типов событий [5, 6, 10] в новостном медиадискурсе позволяет говорить о различных видах документальных фактов, каждый из которых можно описать через *функциональную заданность* вопросов, на которые отвечает журналист, излагая их в материале. Так, по результатам контент-анализа 300 материалов информационных агентств «РИА Новости», «ТАСС» и «Интерфакс», опубликованных в период с 1 января по 30 июня 2017 г., был составлен перечень наиболее распространенных в журналистике документальных фактов.

Факт-действие (243) — фиксация действия субъекта по отношению к объекту (действия органов власти, общественных, коммерческих структур, а также природные явления и т. п.). Отражается через ответы на вопросы: «Кто?», «Что?», «Где?», «Когда?», «Кем/чем?» (объект).

Факт-мероприятие (226) — фиксация действия одного или нескольких субъектов (заседания, форумы, концерты, праздники и т. п.). Отражается через ответы на вопросы: «Кто?», «Что?», «Где?», «Когда?».

Факт-высказывание (187) — фиксация выступления субъекта (высказывания медиаперсон, политиков, артистов и т. п.). Отражается через ответы на вопросы: «Кто?», «Что?».

Факт-решение (165) — фиксация действия одного или нескольких субъектов, затрагивающего интересы группы людей или отдельного индивида (законы, постановления органов власти, судебные решения и т. п.). Отражается через ответы на вопросы: «Кто?», «Что?».

Факт-происшествие (142) — фиксация действия субъекта, однозначно имеющего негативные последствия для некоего объекта (теракты, катастрофы, массовые беспорядки, боевые действия, правонарушения и т. п.). Отражается через ответы на вопросы: «Кто?», «Что?», «Где?», «Когда?» «Кем/чем?» (объект).

Факт-констатация (108) — фиксация изменения положения дел реальности (биржевые колебания, статистика, опросы, справочные данные и т. п.). Отражается через ответ на вопрос: «Что?», «Кто?», «Когда?».

Все эти типы фактов сложились в новостном медиадискурсе конвенционально. Данный перечень является открытым и не претендует на исчерпывающую полноту и точность, тем более что в одном тексте могут пересекаться сразу несколько видов фактов.

Исследование продемонстрировало, что практически все виды документальных фактов, за исключением факта-констатации, отражают действия субъекта, цель которого можно четко определить. В факте-констатации особое внимание уделяется временному компоненту, а локализация остается размытой или неопределенной: «Рынок акций РФ открылся в среду разнополярной динамикой рублевых цен blue chips <...> индексы ММВБ и РТС за минуту торгов просели <...> К 10:01 МСК индекс ММВБ составил...» [20]. Таким образом, событие, отраженное в факте, растворяется в пространстве темпоральной реальности. Отчасти это можно объяснить тем, что речь идет о виртуальной структуре, не имеющей пространственных координат.

Вне объективного времени и пространства существует большинство (123 из 187) фактов-высказываний и фактов-решений. «Сообщения о том, что показанные президентом РФ Владимиром Путиным режиссеру Оливеру Стоуну видеокдры операции в Сирии были ошибочными, не соответствуют действительности. Об этом заявил пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков» [17]. Журналистский факт в данном случае встраивается в искусственно созданный пространственно-временной континуум, где все сказанное актуально, происходит «здесь и сейчас» (или в момент публикации). Подобные факты поддерживаются энергией соседствующих фактов и сообщений, а также энергией коммуникатора, усиленной технологичностью канала распространения.

Эту особенность фактов-высказываний и фактов-решений можно объяснить стремлением журналистики, как любой сложной самоорганизующейся системы, обрести стабильное состояние. В условиях постоянного гомеостатического сопротивления энергия отдельных фактов, вызывающих ее флуктуации, рассеивается с предельной скоростью. Журналисту важно не упустить момент, вследствие чего в геометрической прогрессии растет количество публикаций, основанных на комментариях события, комментариях этих комментариев. Указание координат говорящего во времени и пространстве усекается как излишнее ввиду глобального контекста либо как вредное, постулирующее нерасторопность и некомпетентность автора.

В наиболее расширенной форме отражаются факты-происшествия и факты-действия, связанные с действиями субъектов, которые напрямую или косвенно влияют на объекты: «Самолет компании “Аэрофлот”, летевший из Москвы в Бангкок, попал в зону сильной турбулентности, в результате пострадали 27 человек, 24 из них — россияне, сообщил РИА Новости в понедельник заведующий консульским отделом посольства России в Таиланде Владимир Соснов» [16]; «Независимый профсоюз горняков Украины города Червоноград (Львовская область) объявил о приостановке с 9 марта отгрузки угля со всех своих шахт. Об этом сообщил глава Конфедерации свободных профсоюзов Украины Михаил Вольнец в Facebook» [11]. По сути, эти два вида фактов различаются модусом

действия, имеющего или не имеющего негативные последствия для некоторого объекта, который в большинстве случаев (94 из 142) указывается в тексте.

Именно отсутствием этого объекта отличается факт-мероприятие. Объект присутствует имплицитно, целью действия является не воздействие на некий объект, а достижение высшей ценности — катарсиса, апелляции к чувствам патриотизма, справедливости, пониманию добра и красоты. «Британская группа Black Sabbath завершает концертную деятельность. Сегодня в родном для музыкантов Бирмингеме состоялся последний концерт коллектива в рамках прощального тура The End. Выступление прошло на Genting Arena...» [3].

В этих условиях возникает проблема установления достоверности документального факта. Факты невозможно верифицировать, не выходя за границы текста. Обращением к другим медиатекстам эту проблему тоже не решить. Интерпретация факта может быть столь изошренной, что точность и правдивость деталей не позволяют заметить случайного или намеренного искажения сути проблем. Но означает ли это, что факты перестали быть «упрямой вещью»?

Мысль, изреченная с экрана телевизора, из радиоприемника или напечатанная в газете, обладает презумпцией достоверности. Она устанавливается путем поэтапной проверки, обусловленной гомеостатическим равновесием коммуникационной системы. От силы энергетического заряда самого факта и мощности канала распространения будет зависеть скорость его верификации и даже встраивания в объективную реальность.

Условием второго порядка, но не менее важным, будет являться состояние системы в момент публикации — статичное или находящееся в процессе трансформации, а также способность факта к самовоспроизводству. Последнюю характеристику можно интерпретировать как способность факта вызывать новые информационные волны, стимулируемые внешними или внутрисистемными раздражителями — комментариями, обнародованием дополнительных сведений, касающихся основной информации.

В целом можно выделить следующие этапы верификации журналистского факта:

1. Гносеологический — основывается на способах познания реальности журналистом:

а) факт проходит проверку на основе стандартных методов и приемов работы журналиста: автор обращается к нескольким источникам информации, соблюдает законы логики, следует здравому смыслу и т. п. Немаловажными являются ценностные установки журналиста;

б) корректировка интерпретации факта с точки зрения информационной политики редакции: факт проходит более жесткую проверку благодаря пристрастной экспертной оценке;

2. Конвенциональный — включает идейные, социальные и психоэмоциональные компоненты верификации факта: насколько он адекватен тезаурусу предполагаемой аудитории:

а) участвуют профессиональные коммуникаторы: пристрастную проверку факта осуществляют коллеги-журналисты, работники пресс-служб, эксперты, чиновники и т. д.;

б) самую важную и окончательную фазу верификации факта осуществляет целевая или массовая аудитория: откликаясь комментариями, лайками в Сети, отзывами, равнодушием или... активизацией ревизии журналистской интерпретации факта.

Это один из самых драматичных этапов бытования факта в дискурсе СМИ. Установление достоверности/недостоверности верифицируемого факта должно сопровождаться встречным потоком фактов, обладающих равносильной энергией доказательности. В противном случае интенсивный информационный поток грозит ввергнуть коммуникативную систему в хаос, не рефлекслируемый аудиторией. Он снимет вопрос о достоверности факта и наполнит его дополнительной дисфункциональной энергией, достаточной не только для искажения реальности, представленной журналистом, но и негативного воздействия на объективную действительность.

В частности, по такому сценарию развивались события после обнародования результатов расследования «Новой газетой» феномена «групп смерти» в социальных сетях [14]. Основываясь на данных поисковой системы «Яндекс-Новости», можно установить то, как время «жизни» факта об активизации «суицидальных пабликов», которые, по убеждению автора публикации, являются причиной массовых самоубийств подростков, провоцирует развитие эффектов коммуникации.

На первом этапе — с 16 мая по 10 июня 2016 г. — происходит внедрение журналистского факта о феномене «групп смерти» в объективную реальность. Первый пик наибольшего количества откликов по теме (74) зафиксирован через два дня после обнародования результатов расследования. В это время публикуется множество опровержений выводов, сделанных журналистом «Новой газеты». Из них самыми заметными стали подробные разборы публикации на порталах www.meduza.io [19] и www.paperrpaper.ru [23].

Конструктивные отклики тонут в пучине информационного хаоса: публикуются упреки, связанные с нарушением профессиональной этики при подготовке материала (200), заявления о необходимости ввести уголовную ответственность для создателей «суицидальных пабликов» (192). Консолидацией откликов становятся сообщения о внесении в Госдуму законопроекта, предусматривающего тюремный срок за склонение к суициду.

На втором этапе — после короткого перерыва — в отечественных СМИ вновь начинают появляться сообщения о жертвах «групп смерти» в различных регионах России и даже за рубежом. Вплоть до сегодняшнего дня (1.07.2017) практически еженедельно подобные материалы публикуются в различных СМИ. Наибольшие информационные всплески наблюдались в ноябре — декабре 2016 г. (2178), феврале — апреле (9711), а также июне (1360) 2017 г. Они были связаны соответственно с задержанием руководителя одной из «групп смерти»; заявлениями о том, что с «опасными пабликами» связаны украинские националисты; введением уголовного наказания за склонение подростков к самоубийству. Каждый раз «ядерный» инфоповод вызывал волну публикаций, содержащих новые факты участия подростков, покончивших с жизнью, в «группах смерти», и предложения общественных деятелей и чиновников по борьбе с опасным влиянием и т. п.

Можно констатировать: журналистский факт о том, что «суицидальные паблики» являются причиной массовых самоубийств подростков, оказал масштабное влияние на социальную систему. Благодаря поддержке большинства профессиональных коммуникаторов, а затем и аудитории, он стал неоспоримым фактом объективной действительности. А вслед за этим все факты, изложенные в материале, также получили признание как действительные.

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999. 896 с.
2. Витвинчук В. В. Конструирование медиасобытия: специфика социального хронотопа // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. : Филология. 2013. № 2(22). С. 104–110.
3. Группа Black Sabbath дала последний концерт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/culture/548501> (дата обращения: 16.06.2017).
4. Демьянков В. З. Семиотика событийности в СМИ // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / под. ред. М. Н. Володиной. М., 2008. С. 71–85.
5. Доценко М. Ю. Синтаксис газетного заголовка: структура, семантика, прогнозирование смыслового развития текста : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 243 с.
6. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2012. 247 с.
7. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). М., 1992. 336 с.
8. Киришин Б. Транспарентность вместо объективности? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruj.ru/2011/110805-1.htm> (дата обращения: 05.06.2017).
9. Кожанова В. Ю. Рецептивный аспект создания медиатекста // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Сер. 2 : Филология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 42–46.
10. Лазутина Г. В., Распопова С. С. Новостная журналистика в свете предметно-функционального подхода к дифференциации жанров // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2008. № 5. С. 82–98.
11. «Львовуголь» остановил отгрузку угля в условиях блокады поставок с Донбасса [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4077397> (дата обращения: 20.06.2017).
12. Мансурова В. Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. Барнаул, 2002. 237 с.
13. Мансурова В. Д. «Медийный» человек российской провинции: динамика социального взаимодействия. Барнаул, 2011. 207 с.
14. Мурсалиева Г. Группы смерти (18+) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18> (дата обращения: 10.06.2017).
15. Николаева Т. М. «Событие» как категория текста и его грамматические характеристики // Структура текста. М., 1980. С. 198–210.
16. Пассажиры рейса Москва — Бангкок пострадали из-за турбулентности [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/incidents/20170501/1493422359.html> (дата обращения: 28.06.2017).
17. Песков опроверг сообщения об ошибке в показанных Путиным Стоуну кадрах операции в Сирии [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/4354804> (дата обращения: 21.06.2017).
18. Поелуева Л. А. Массовая информация в культурной парадигме переходного периода : дис. ... д-ра филос. наук. Саранск, 2005. 305 с.
19. Пять главных вопросов к материалу «Новой газеты» о подростковых суицидах [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2016/05/17/pyat-glavnyh-voprosov-k-materialu-novoy-gazety-o-podrostkovyh-suicidakh> (дата обращения: 19.06.2017).
20. Рынок акций РФ открылся снижением индексов ММВБ и РТС на 0,1–0,2 % [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/business/551816> (дата обращения: 20.06.2017).
21. Тертычный А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. 310 с.

22. Ученова В. В. Три грани теории журналистики: гносеологические проблемы публицистики. Публицистика и политика. У истоков публицистики : учеб. пособие для студентов вузов. М., 2009. 557 с.

23. Шаргородская А. «Очень плохой, непрофессиональный текст»: что происходит вокруг статьи о «группах смерти» [Электронный ресурс]. URL: <http://paperpaper.ru/novaya-gaseta/> (дата обращения: 19.06.2017).

Статья поступила в редакцию 06.10.2017 г.

УДК 070.11:378 + 374.7 + 070.2

И. А. Фатеева

ОТ ШКОЛЫ ЖУРНАЛИСТОВ ПРИ РОСТА К МОСКОВСКОМУ ИНСТИТУТУ ЖУРНАЛИСТИКИ

В статье анализируется процесс транзита Школы журналистов при Российском телеграфном агентстве (проект внеформального профессионального медиаобразования) в полноценное высшее учебное заведение (учреждение формального журналистского образования). Основным источником исследования являются архивные документы Наркомата просвещения за 1920 г.

К л ю ч е в ы е с л о в а: журналистское образование; Школа журналистов при Российском телеграфном агентстве; Московский институт журналистики; газетоведение.

«Обслуживающий» характер работы информагентств, определенный группой авторитетных ученых [2, 17] в качестве универсального свойства данных информационных предприятий, применительно к российской истории может быть продемонстрирован совершенно неожиданным образом: агентства, как оказалось, могут брать на себя функции даже по обеспечению необходимого уровня профессиональной компетентности работников основных средств массовой информации. Так, в нашей стране именно информационное агентство стало «пионером» в деле организации обучения ремеслу журналистов, выступив инициатором курсовой формы подготовки специалистов для советской системы прессы. Речь идет о Российском телеграфном агентстве (РОСТА), созданном 7 сентября 1918 г. по постановлению Президиума ВЦИК и до 1925 г. (дата образования ТАСС) являвшемся центральным информационным органом РСФСР и СССР.

С одной стороны, это хорошо известный факт. О том, что первый институт журналистики в стране был создан в 1921 г. именно на базе действовавших несколько лет московских курсов РОСТА, писали в разное время мемуаристы [3, 165–166] и такие исследователи журналистского образования, как В. З. Привалов [6], В. П. Таловов [10], Л. Г. Свитич и А. А. Ширяева [7], И. А. Фатеева [12],

ФАТЕЕВА Ирина Анатольевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры медиаобразования Московского педагогического государственного университета (e-mail: fateevafia@gmail.com).

© Фатеева И. А., 2018

Т. Н. Владимирова [4] и др. Однако считать, что «вопрос закрыт», не приходится. Во-первых, значительная часть свидетельств и работ относится к советскому или раннему постсоветскому времени; следовательно, об объективном или строго научном их характере не может быть и речи, коль скоро события, в них описанные, происходили в период Гражданской войны. Во-вторых, остались за кадром многие частные аспекты трансформации курсов в учреждение формального образования. Например, если идейным руководителем курсов был П. М. Керженцев (директор РОСТА с апреля 1919 г.), а их заведующим К. Линов (сотрудник инструкторского отдела агентства), то каким образом и когда на первый план выдвинулся К. П. Новицкий, ставший первым ректором института? Как вообще соотносились преподавательские коллективы вуза и его «прототипа»? Каким образом эволюционировала программа обучения при переходе его на новый уровень? Всё ли из задуманного организаторами курсов и инициаторами вуза удалось воплотить?

Некоторый свет на эти и аналогичные вопросы способны пролить архивные документы, сохранившиеся в фондах Наркомата просвещения, в структуру которого, кстати, входило РОСТА значительную часть своей истории. Так, в документах Ф. В. Ленгника, члена коллегии Главпрофобра (1920–1921), сохранились копии тех самых бумаг, которые руководство РОСТА подавало в ноябре 1920 г. в Наркомпрос, ходатайствуя об открытии будущего института журналистики.

Формально заявление об этом поступило от педагогического совета Школы журналистов при РОСТА, оно было подписано председателем К. Новицким и членами А. Минченко, В. Валем, Ник. Ивановым, Н. и С. Смирновыми и В. Трутовским, заверено подписью ответственного руководителя агентства П. Керженцева и скреплено печатью РОСТА. В нем изложены «те соображения, которые легли в основу проекта организации... специального высшего учебного заведения для подготовки журналистов». Они таковы:

Необходимость в газетных работниках-специалистах, способных овладеть новыми приемами работы и проводить в жизнь задания, возлагаемые на советскую периодическую печать, остро ощущалась Республикой уже в первые месяцы после Октябрьской революции. С течением времени, по мере расширения и углубления задач периодической печати и увеличения количества провинциальных газет, эта необходимость обострялась всё более и более, так как кадры подготовленных газетных работников почти не пополнялись или пополнялись далеко не соответственно быстрому росту печати. Качественный уровень провинциальных изданий (количество которых в настоящее время доходит до тысячи) как в литературном и техническом, так и в политическом отношениях очень часто не удовлетворяет даже самым скромным требованиям, вследствие того, что руководство газетами приходится иногда поручать лицам, не подготовленным к этому ни технически, ни идейно. Вызываемая ходом развития советского государства потребность в новых видах и типах агитационной газеты (газета производственная; устная газета) остается неудовлетворенной в силу той же причины: острого недостатка в работниках-специалистах. Агитационно-пропагандистские и просветительские задания советской периодической печати, изо дня

в день непосредственно воздействующей на миллионы и десятки миллионов граждан, остаются, таким образом, в значительной степени не выполняемыми или выполняемыми неудовлетворительно (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 587. Л. 100).

Про интересующий нас образовательный проект РОСТА читаем:

Краткосрочные курсы для подготовки журналистов (Школа журналистов), организованные при РОСТА в сентябре 1919 года, восполняя отчасти недостаток провинциальной прессы в работниках, знакомых с газетной техникой, не могли и не могут, однако, дать печати специалистов, вполне подготовленных к ответственной работе и к руководству провинциальными изданиями. Учитывая годичный опыт курсов и степень подготовленности абитуриентов четырех законченных выпусков, педагогический совет пришел к выводу о необходимости реорганизации краткосрочных курсов в специальное научно-учебное заведение, Государственный институт журналистики, с программой, включающей тот минимум специальных и общеобразовательных познаний, которым должен обладать журналист-профессионал (ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 587. Л. 100, 100 об.).

Обратим внимание на то, что задуманный организаторами вуз виделся им государственным. Иного, впрочем, в период продолжающейся Гражданской войны и быть, наверное, не могло. Но пока заявление рассматривалось в Наркомпросе, ситуация изменилась: на X съезде РКП(б) (март 1921 г.) был провозглашен переход к новой экономической политике (нэп). В результате, когда институт открылся, статуса государственного вуза у него не было, соответственно назывался он в подготовительный период своего существования (с марта 1921 г. до осени того же года) Институтом красной журналистики, а потом в течение двух лет Московским институтом журналистики (МИЖ). То название, которое задумывалось изначально (Государственный институт журналистики), вуз получит — вместе с государственным статусом — только осенью 1923 г.

Не сбылись и планы инициаторов относительно срока открытия института: педагогический совет Школы журналистов при РОСТА просил в заключительной части своего заявления в Наркомпрос «*рассмотреть и утвердить прилагаемые устав и программу в срочном порядке, дабы приступить к занятиям в Государственном институте журналистики можно было не позднее 1-го января 1921 года*» (ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 587. Л. 100 об.). Однако положительный ответ из Главпрофобра был получен только в марте 1921 г., а торжественное открытие вуза, на котором с приветственным словом выступил нарком просвещения А. В. Луначарский, состоялось еще через полгода — 15 октября.

Насколько изменились, по сравнению с планами, преподавательский состав вуза, приступившего к учебной работе, и его учебный план?

Чтобы ответить на этот вопрос, воспроизведем архивный документ, в котором перечислены планировавшиеся к преподаванию дисциплины и их преподаватели (ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 587. Л. 99, 99 об.).

Предметы преподавания	Профессора и преподаватели
1. Основа научного социализма	Дауге
2. История социалистических учений	проф. Удальцов
3. Политико-экономическая география	проф. Кривцов
4. История России XIX и начала XX стол.	проф. Сторожев
5. История Западной Европы XIX и начала XX века	проф. Херасков
6. История революционного движения в России в связи с историей РКП	А. Бубнов
7. Государственное право РСФСР	проф. Мегеровский
8. Политическая экономия	С. Членов
9. Экономическая политика Советской России	Ларин
10. Наука о финансах	проф. Д. Боголепов
11. Финансы России	проф. Д. Боголепов
12. Финансово-экономическая политика Европы и Америки	проф. Фалькнер
13. Организация народного хозяйства Советской России	С. Критцман
14. Железнодорожное хозяйство	Н. И. Смирнов
15. История, конструкция и задача Наркомпрода	(по рекоменд. Наркомпрода)
16. Школьное строительство Советской России	(по рекоменд. Наркомпроса)
17. Наркомзем, его задачи и деятельность	Н. К. Борисов
18. Здравоохранение в Советской России	Н. Семашко
19. Основные вопросы международных отношений и внешняя политика Советской России	П. Керженцев
20. История Интернационала	Ю. Стеклов
21. Коммунизм и крестьянство	В. Невский
22. Эволюция мировоззрений	проф. Удальцов
23. Психология (введение в психологию и психология творчества)	Корнилов
24. История рабочей печати в России	Ольминский, К. П. Новицкий
25. История публицистики и критики	проф. П. Коган
26. Социальная литература и социальное искусство XIX и XX вв.	В. М. Фриче
27. История, организация и техника газетного дела	К. П. Новицкий
28. Организация редакции (дополн. курс)	К. П. Новицкий
29. Теория публицистики	Н. Иванов
30. Газетная информация	В. Блюм, М. Грандов
31. Верстка и выпуск газеты	Минченко
32. История техники печатного дела	Богусловский, Борщевский
33. Буржуазная и социалистическая печать Запада и Америки	П. Керженцев

Окончание таблицы

Предметы преподавания	Профессора и преподаватели
34. Новые формы газетной информации, агитации и пропаганды (устная газета, световая, стенная, производственная и т. д.)	Валь, С. Смирнов, Минченко
35. Статистика и печать	В. Трутовский
36. Центропечать (организация, задачи и деятельность)	Малкин

Сравним дисциплины из данного документа с теми, что числились в «предметной книжке студента» института, расписанной видным библиографом Н. М. Сомовым [8, 49–50]. Следует признать, что наборы дисциплин в значительной степени (примерно на три четверти) совпадают. В чем наблюдается разница? Из первоначальной номенклатуры исчез блок предметов, посвященных деятельности тогдашних наркоматов («Железнодорожное хозяйство», «История, конструкция и задача Наркомпрода», «Школьное строительство Советской России», «Наркомзем, его задачи и деятельность», «Здравоохранение в Советской России»), а также «История Интернационала». Несколько урезана «Психология» (ограничились психологией творчества). Вместо ликвидированных предметов реально в первые годы преподавались: «История классовой борьбы», «Логика», «Искусство и марксизм», «История русской журналистики в связи с историей духовной культуры», «Библиография» (общий курс) и «Библиография в газете» (дополнительный курс); «РОСТА (организация, задачи и деятельность)», «Государственное издательство (организация, задачи и деятельность)», «Грамматика и стилистика», «Корректур», «Иностранные языки», «Стенография», «Русская литература» (вкуче с критикой, которая первоначально компоновалась с историей публицистики). Добавим, что курс о РОСТА, не включенный в общий перечень дисциплин в том документе, который мы описали, содержался в перечислении учебных предметов в проекте Положения института (ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 587. Л. 97 об.) и, следовательно, планировался к преподаванию (что логично, учитывая, кем составлялся план). Возможно, расхождение в документах объясняется тем, что не был еще определен лектор по этой дисциплине.

На этапе преобразования института в государственный вуз с 3-годовалым сроком обучения программа — и без того довольно обширная — была еще больше расширена: в нее включались такие дисциплины, как «Основы современного естествознания», «Языковедение в применении к журналистской практике», «Энциклопедия промышленности», «Востоковедение», «Гигиена», «Теория поэзии и прозы», «Театроведение», «Правка материала», «История Октябрьской революции», «Литературная критика и ее современные методы», «Газеты РСФСР (критический разбор)», «Законодательство о печати», «Математика» и «Русский язык» (оба предмета факультативно) [11, 27].

Теперь о составе преподавателей. Он тоже сохранился, хотя, в сравнении с номенклатурой дисциплин, в меньшей степени. Если обратиться к варианту учебного плана со списком преподавателей, который подавал институт

в Государственный ученый совет в момент реорганизации в государственный вуз (1923), то мы увидим там знакомые фамилии профессоров С. С. Кривцова, В. Н. Сторожева, В. М. Фриче, Д. А. Мегеровского, С. А. Фалькнер, а также таких лекторов, как А. Бубнов, М. Ольминский. Известно, что какое-то время в МИЖе работал проф. И. Д. Удальцов, ставший позже ректором МГУ и первым директором МГИМО. Мало изменился за три года состав лекторов, читавших собственно газетные дисциплины: по-прежнему это К. Новицкий, Н. Иванов (теперь у него двойная фамилия: Иванов-Грамен), В. Блюм, Ю. Стеклов. Таким образом, основной костяк преподавателей Государственного института журналистики первых (и, возможно, лучших) лет его работы действительно определился уже к 1920 г. Знаменательно, что будущий председатель правления института К. П. Новицкий, а также один из двух его заместителей Н. К. Иванов-Грамен не просто преподавали в Школе журналистов при РОСТА, но входили в ее педагогический совет (Новицкий — в роли председателя) и в качестве его членов подписали заявление в Наркомпрос, иницилируя создание первого журналистского вуза страны.

Обратимся еще к одному документу из архивного фонда Ф. В. Ленгника — проекту Положения о Государственном институте журналистики (ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 587. Л. 97, 97 об., 98, 98 об.). Большая его часть совпадает с аналогичным документом, действовавшим в вузе (еще не имевшем государственного статуса) в 1922/23 уч. г. [9, 236–238]. Практически одинаково сформулированы его цели (в более позднем Положении — функции):

а) разработка вопросов газетного дела и выработка новых форм печатной и устной пропаганды и агитации;

б) подготовка опытных газетных работников: редакторов, публицистов, литературных критиков, заведующих редакционными отделами, секретарей, хроникеров, выпускающих и пр. для партийных и советских газет и журналов из пролетарской и крестьянской среды;

в) инструктирование советской и партийной печати по вопросам газетного строительства.

Совпадают пункты о наличии в институте музея периодической печати, библиотеки, лабораторий, кабинета газетной техники и других учебно-вспомогательных учреждений, а также — в общих чертах — о компетенциях, составе и режиме работы его высшего органа (совета института) и подотчетного ему президиума, осуществлявшего оперативное руководство вузом. Совпадает возрастная ценз для абитуриентов: не моложе 16 лет. В обоих документах содержится указание на первоочередность приема «делегируемых» лиц, а «отдельные лица, желающие посвятить себя газетной и журнальной работе» были обречены зачисляться «во вторую очередь» (причем в Положении 1922 г. есть добавление: при условии предоставления рекомендации двух членов РКП или ответственного руководителя советского учреждения). Показательно, что порядок перечисления делегирующих организаций разнится: если в 1920 г. на первом месте — местные редакции и отделения РОСТА, то в 1922 г. — ЦК РКП (б) и губкомы. Принципиальное отличие проекта Положения касается правил приема, что вполне можно объяснить тем, что действовавшее Положение прошло утверждение

в Наркомпросе: в нем содержится требование к уровню подготовленности абитуриентов — «общеобразовательная подготовка примерно в объеме программы единой трудовой школы второй ступени» (в проекте 1920 г. образовательного ценза не было вообще).

Укажем еще на два принципиальных отличия проекта Положения от вступившего в силу нормативно-правового документа. Во-первых, в нем прописана особая роль РОСТА в жизни вуза, которую агентству не суждено было сыграть. Предполагалось, что институт будет состоять в ведении агентства и через него финансироваться, а представитель РОСТА в обязательном порядке будет входить в состав совета вуза. В реальности никакой организационной связи между агентством и вузом не было, а финансирование осуществлялось Наркомпросом напрямую. Так, например, средства на социальное обеспечение студентов, ассигнуемые по смете Главпрофобра, поступали на текущий счет института.

Во-вторых, «отцам-основателям» институт виделся не только учебным, но и научным учреждением. Так, в нем предполагалось создать научный совет, состоящий из действительных членов (судя по документу, не сотрудников института), профессоров и избранных преподавателей. Действительные члены должны были избираться советом института по представлению не менее 1/10 состава совета из кандидатов, известных своей деятельностью в области рабочей революционной печати (п. 13). Предполагалось и присвоение звания члена-корреспондента института — всем окончившим курс, а также работникам советской и партийной печати по избранию совета института (п. 14). Целью деятельности научного совета декларировалась научная разработка 1) вопроса организации книжного и газетного дела в Советской России и 2) теории газетного курса (п. 11).

Не стоит и говорить, что вся научная составляющая была выброшена из правоустанавливающего документа, а институт в нем именовался в начальном абзаце не «высшим специальным научно-учебным заведением», как задумывалось, а просто «специальным учебным заведением». При этом стоит иметь в виду, что зачатки научного знания о журналистике (так называемое газетоведение) в России уже существовали. Сам этот термин, введенный К. П. Новицким, по-видимому, уже использовался на рубеже второго и третьего десятилетия XX в., а в первые годы функционирования института он стал настолько общеупотребительным, что кафедру, на которой будут сосредоточены все преподаватели специальных дисциплин (под руководством Ю. М. Бочарова), часто называли именно кафедрой газетоведения. В 1924 г. в издательстве института выйдет книга К. П. Новицкого «Газетоведение как предмет преподавания» [5], что можно считать серьезной заявкой на статус научной школы. Через три года, в 1927 г., в институт придет из Германии приглашение принять участие в Первом Международном конгрессе научных деятелей в области печати в рамках работы Кельнской выставки прессы. В августе 1928 г. Ю. М. Бочаров как представитель института будет командирован в Кельн для выступления с докладом о состоянии газетоведения в СССР [1], причем там его изберут в президиум конгресса (куда войдут еще три человека, а вообще в этом знаменитом событии примут участие 96 человек из десяти стран), что говорит о международном признании школы отечественных газетоведов.

Однако официальной легитимизации вуза как научного учреждения так и не произойдет, несмотря на то что в 1928 г. (в период ректорства Д. А. Розанова) в нем будет создан (и принят на бюджетное финансирование через Главнауку) научно-исследовательский кабинет под руководством всё того же Ю. М. Бочарова. Со временем планировалось объединить его с научным кабинетом Центрального бюро секции работников печати в ВЦСПС, существовавшим во второй половине 1920-х гг., и на этой базе создать единый Научно-исследовательский институт газетоведения. Но уже в 1931 г. газетоведческая школа была разгромлена как не соответствовавшая догматам марксизма-ленинизма (в сталинской интерпретации), многие ее представители были репрессированы и погибли.

Таким образом, не все задуманное в 1920 г. педагогическим советом Школы журналистики при РОСТА осуществилось: революционные для своего времени задачи по учреждению в России высшего учебного заведения журналистского профиля со своей собственной научной школой, оригинальной, но развивавшейся в русле мировых тенденций зарождающейся коммуникативистики, были, как мы сейчас понимаем, невыполнимы. Удалось создать только учебную структуру, что тоже было немало, особенно если учесть характер ее программы — поистине энциклопедический. Но и это было ненадолго: уже в середине 20-х гг. программа будет существенным образом урезана, а задача создания «журналистов-профессионалов» сменится узким лозунгом подготовки партийных работников в области печати — с преимущественным вниманием не к профессионально-творческим, а к идеологическим (пропагандистским) компетенциям.

1. *Бочаров Ю.* Международный газетоведческий конгресс в Кельне в 1928 г. // Проблемы газетоведения. Сб. 1. М., 1930. С. 141–153.

2. *Вартанова Е. Л., Вирен Г. В., Фролова Т. И.* Типология информационных агентств // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2013. № 3. С. 6–30.

3. *Вержбицкий Н.* Записки старого журналиста. М., 1961.

4. *Владимирова Т. Н.* Журналистское образование: становление и тенденции развития // Мир образования — образование в мире. 2015. № 1. С. 36–43.

5. *Новицкий К. П.* Газетоведение как предмет преподавания. М., 1924.

6. *Привалов В. З.* От «школы журнализма» до факультета журналистики: (Руководящая роль В. И. Ленина и Коммунистической партии в формировании системы подготовки кадров советской печати) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 1982. № 1. С. 10–21.

7. *Свитич Л. Г., Ширяева А. А.* Журналистское образование: взгляд социолога / под ред. проф. Я. Н. Засурского. М., 1997.

8. *Сомов Н. М.* Библиография журнализма : системат. указатель книг и статей по журналистике (библиография журнализма). М., 1924.

9. *Справочная книжка журналиста на 1923 год / под ред. К. П. Новицкого.* М., 1923.

10. *Таловов В. П.* Журналистское образование в СССР. Л., 1990.

11. *Фатеева И. А.* Проблема интегративности журналистского образования в диахроническом аспекте // Интеграция научных дисциплин в журналистском образовании : монография / Л. Г. Александров и др. ; под ред. М. В. Загидуллиной, И. А. Фатеевой. Челябинск, 2007. С. 8–90.

12. *Фатеева И. А.* Филологи и журналисты в первом журналистском вузе страны // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2008. № 9. С. 153–156.

Статья поступила в редакцию 30.11.2017 г.

УДК 070.1(495) + 070.1:27-75 + 004.032.1

О. А. Богданова

ЦЕРКОВНАЯ ПЕЧАТЬ И РАДИО ГРЕЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ МИССИИ И ПРОПОВЕДИ (2001–2017 гг.)

Статья посвящена анализу печати Православной церкви в Греции на современном этапе (2001–2017 гг.). В работе определяется место церковных СМИ (радио и печати) в миссионерской деятельности Православной церкви и дается всесторонний анализ церковной медиасистемы Греции. Актуальность и научная значимость работы определяется тем, что современные церковные СМИ Греции не исследованы в научной литературе. Работа может стать базой для дальнейших исследований.

Ключевые слова: Греция; церковные СМИ; Элладская православная церковь; Вселенский патриархат; религиозная журналистика; медиастратегии; медиасистема; журналы; газеты; радио.

Настоящая статья посвящена исследованию церковной печати и радио в Греции на современном этапе (2001–2017 гг.). Цель – проанализировать, как сегодня Православная церковь в Греции использует СМИ для более широкого воздействия проповеди, т. е. выяснить, является ли печать инструментом проповеди и миссии. Задача — провести исследование современной системы греческой церковной печати, выявить основные тенденции и факторы ее формирования с использованием методологии комплексного анализа (совмещение типологического и экологического подходов).

В рамках экологического подхода были выявлены факторы, которые влияют на функционирование и формирование медиасистемы [4, 155]. Опираясь же на типологический подход, мы проанализировали структуру церковной медиасистемы Греции с точки зрения характеристик первого (аудитория, ареал распространения, тематика), второго (периодичность) и третьего (функции СМИ) порядков [Там же, 155].

Термином «медиасистема» мы обозначаем всю совокупность печатных изданий и радиостанций, которые создает церковное сообщество Греции.

Хронологические рамки исследования — с 2001 по 2017 г. — определяются двумя факторами. Во-первых, 16 лет — достаточный период для того, чтобы составить представление о современном состоянии медиасистемы. Кроме того, ряд современных церковных изданий появились после 2001 г. Во-вторых, на данный момент нет ни одного греко- или русскоязычного научного исследования на эту тему. Этим же определяются научная новизна и актуальность исследования.

Типологический подход мы применяем только по отношению к печати как основному предмету нашего анализа.

Эмпирическую базу исследования составили церковные издания Греции:

1. 46 изданий Элладской православной церкви, такие как: «Амвон Пангеу» («Αμβων Παγγαίου»), «О Агиос Виссарион» («Ο Αγ. Βυσσαρίων»), «Орфодокси зои» («Ορθόδοξη ζωή»), «О Осииос Никон о Метаноите» («Ο Όσιος Νίκων ο Μετανοείτε»), «Панагия Миртидиотисса» («Παναγία Μυρτιδιώτισσα»), «Пневматики Кивотос» («Πνευματική Κιβωτός»), «Теология» («Θεολογία»), «Экклисиа» («Εκκλησία»), «Эфимериос» («Εφημέριος») и др.

2. Пять (+2) изданий митрополий Константинопольского патриархата на территории Греции: журналы «Додеканисос» («ΔΩΔΕΚΑΝΗΣΟΣ»), «Олкас» («Ολκας»), «Апостолос Титос» («Απόστολος Τίτος»), «Мартириа» («Μαρτυρία»), «Анкира эллидос» («Αγκύραελπίδος») с приложениями «Неаника Анкироволимата» («Νεανικά ακυροβολήματα») и «Конта сто Христо» («Κοντάστο Χριστό»),

Также рассматривались издания братств и приходские издания различного формата, в том числе листки, выходявшие в период с января 2001 по октябрь 2017 г.

Значительная часть информации была получена из 25 интервью, взятых автором статьи в октябре 2014 г. и в сентябре — октябре 2016 г. непосредственно (и с помощью телефона и Интернета) у главных редакторов и постоянных авторов церковных печатных изданий Греции, а также глав и секретарей митрополий.

В данной статье мы рассматриваем только средства массовой информации, которые имеют отношение к официальному институту Церкви, и оставляем за рамками СМИ независимых от него церковных сообществ (например, православных братств).

Традиционно термин «медиастратегия» применяется в области рекламы и обозначает использование СМИ для продвижения определенной продукции [2]. Для Православной церкви с самых первых десятилетий ее существования важнейшими задачами были проповедь христианского учения (комплекса знаний о Боге, мире и человеке, который составляет содержание догматов) и трансляция жизненного и духовного опыта, накапливаемого и хранимого в личных практиках членов церковного сообщества: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16:15).

Используя принятую в журналистской науке терминологию, можно сказать, что совокупность церковного Предания — это продукция Церкви. Цель Церкви — миссионерскую деятельность — можно обозначить термином «продвижение продукции». Методы использования СМИ для реализации этой цели — медиастратегии.

Потенциальная аудитория церковных СМИ в Греции — 95,1 % населения страны. Именно столько граждан регулярно участвуют в церковных службах, по данным Европейской социологической службы (The European Social Survey). Согласно данным общегреческого опроса 2008 г. [6], для 78 % греков роль веры в жизни важна или очень важна, но регулярно соблюдают посты лишь 19 %, Священное Писание читают 39 % и верят во Второе пришествие 53 % (при том, что

догмат о Втором пришествии является одним из основных). Эти данные свидетельствуют о том, что сегодня в греческом обществе есть большое пространство для церковной миссии и проповеди. Тем более что, по данным того же опроса, 39 % греков хотели бы знать мнение Церкви по всем вопросам жизни.

Теоретически у Церкви есть три возможные медийные стратегии: полностью игнорировать мир массовых коммуникаций, сотрудничать со светскими СМИ и создавать собственные медиа. Понятно, что в современной жизни первый вариант невозможен. Примеры второй стратегии единичны. В масштабах всей Греции это опыт газеты «Демократиа»: церковные иерархи выступают в качестве колумнистов на страницах ее воскресного приложения, и их публикации, по сути, являются проповедями. На региональном уровне — опыт отдельных митрополий Элладской православной церкви: с местными радиостанциями сотрудничают Кифирская (Аттика), Халкидская (Центральная Греция), Иерисосская, Святой Горы и Ардамерионская, Эдесская митрополии, Пелльская и Алмопийская (обе в Центральной Македонии) митрополии; Фтиотидская (Центральная Греция) и Элевферупольская (Восточная Македония и Фракия) митрополии активно взаимодействуют с местной печатью. Кроме того, Фтиотидская митрополия создает еженедельную телепередачу о Церкви на канале «Стар» в Центральной Греции. В основном же в мир массовых коммуникаций Православная церковь в Греции входит, создавая собственные средства массовой информации.

Система церковных СМИ Греции

За основу описания системы церковных СМИ Греции мы взяли факторы, которые используются для описания светской медиасистемы [4, 154–155].

В системе церковных СМИ **политический фактор** совпадает с **фактором социальной структуры** — это устройство института Церкви. Иерархическое церковное устройство ближе всего к авторитарной государственной системе, однако медиасистема не выстраивается по вертикальной парадигме. Цензура и контроль отсутствуют (тогда как, к примеру, в Русской православной церкви для этой цели существует Синодальный информационный отдел), внутрицерковных документов, которые регулируют работу СМИ, нет (в отличие, скажем, от Римско-католической церкви [5]). На практике церковные СМИ схожи со СМИ авторитарного общества тем, что не являются дискуссионной площадкой, откуда вытекает предрасположенность к использованию преимущественно презентационной стратегии взаимодействия с аудиторией [1]. Это отвечает задаче миссии — в неизменном виде передавать основные принципы христианской жизни, чтобы они вновь и вновь воплощались в каждом новом поколении.

Границы поместной церкви могут не совпадать с границами государства, на территории которого она расположена. Сегодня на территории Греции действуют митрополии двух поместных православных церквей — Элладской православной церкви (82 митрополии) и Константинопольского (или Вселенского) патриархата (13 митрополий). Митрополии подчиняются высшим органам

управления церквей — синодам. Среди митрополий Элладской православной церкви, в свою очередь, выделяются две группы — 51 митрополия собственно Элладской церкви и 31 митрополия так называемых «Новых территорий», которые имеют двойственный статус: они находятся в юрисдикции (т. е. в подчинении) Синода Элладской православной церкви, но в некоторых моментах сохраняют подчиненность Константинопольскому патриархату.

Общecerковные СМИ

Элладская православная церковь выпускает четыре общecerковных журнала. Только два из них косвенно подкрепляют миссионерскую работу. Ежемесячный журнал «Эфимериос» призван помогать священникам готовиться к проповедям и организовывать приходскую жизнь (название переводится как «Клирик»). Контент журнала составляют материалы практического характера (к примеру, серии публикаций «Основные темы катехизации» в № 5 за 2015 г. — № 1 за 2017 г., «Вопросы пастырской психологии» в № 2 — 4 за 2017 г.), сообщения об актуальных изменениях в законодательстве, которые касаются жизни прихода (№ 1 за 2015 г., с. 48; № 3 за 2017 г., с. 48; № 4 за 2017 г., с. 48). «Панта та эфни» — трехмесячное официальное издание Миссионерского отдела Элладской православной церкви, на страницах которого рассказывается о миссионерской работе в 21 заграничной митрополии. Журнал имеет две цели: оказывать помощь миссионерам (в каждом выпуске публикуются подробные отчеты о расходах на миссию и список пожертвований с именами благотворителей и истории об оказанной помощи, например, о том, как неизвестная перечислила митрополии Центральной Африки 54 тыс. евро на постройку школы — № 97, январь — март 2006 г., с. 9) и способствовать решению практических вопросов миссии (публикация ответов на актуальные для миссионеров вопросы, например, может ли христианин, состоявший в двух или трех браках до крещения, становиться священнослужителем — № 123, июль — сентябрь 2012 г., с. 26–27; обязательно ли повторное крещение для того, кто отрекся от веры, — № 128, октябрь — декабрь 2013 г.).

Два других издания не являются инструментами проповеди: «Экклисиа» — ежемесячный официальный информационный бюллетень, «Теология» — журнал чисто научного характера. Он выходит всего четыре раза в год и его главная функция — аккумулировать богословские знания и собирать вокруг себя богословское сообщество.

Аудиовизуальные средства используются исключительно в миссионерских целях.

Официальные издания *митрополий Константинопольского патриархата* — журналы «Додеканисос» (островов Додеканес и Патмосской архиепископии) и «Апостолос Титос» (Критская архиепископия) также служат для публикации официальной информации (патриаршие обращения, коммюнике, церковные постановления) и результатов научных исследований («Додеканисос»).

СМИ митрополий

Структурирование медиасистемы происходит под влиянием **экономического фактора**, следствие которого — концентрация медиа в руках тех, кто способен оплатить их работу [4, 152]. Внутри церковной медиасистемы наблюдается прямая зависимость между наличием средств и возможностью открыть СМИ. 40 % (32 из 82) митрополий Элладской православной церкви не выпускают вообще никаких периодических изданий. Отсутствие СМИ не означает, что у митрополий нет денег, просто они предпочитают направить финансы на благотворительность (как, например, митрополит Месогейский и Лавреотикийский Николай), а проповедовать словами и через дела милосердия. Таким образом, в деле миссии СМИ не рассматриваются как основной инструмент. Церковные СМИ не являются инструментами получения прибыли, большинство из них распространяется бесплатно, подписка призвана покрыть только почтовые расходы, в редких случаях — иные церковные нужды (например, прибыль от продажи журнала «Анкира эллидос» митрополии Иерапитны и Ситии (Критская архиепископия) идет на филантропическую деятельность).

Для светских изданий церковные СМИ не являются конкурентами (совокупный разовый тираж всех церковных изданий намного меньше разового тиража любой ежедневной общенациональной газеты в Греции и даже регионального издания). Рынок церковных СМИ не формируется. Церковь полностью независима от конкурентных и рыночных механизмов. За счет концентрации финансов митрополии фактически имеют монополию на печатные издания в границах своего региона. Это сказывается на качестве контента журналов: их политику и тематику полностью определяет глава митрополии, правящий архиерей.

Распределение церковных СМИ в зависимости от региона представлено в табл. 1, 2 и 3.

Как видим, митрополии Элладской церкви отдают предпочтение печатным изданиям (51 % митрополий имеют официальное издание, 38 % — свою радиостанцию). При этом приходские издания есть только в 12 митрополиях, что составляет 23 % от общего числа митрополий. Однако, за исключением Афинской архиепископии (г. Афины) и Илийской, Ахарносской и Петрупольской митрополии (Аттика, г. Илион), где собственные издания имеют 10 и 6 приходов соответственно, в остальных митрополиях журнал, газету или приходской листок издают всего один-два прихода.

Митрополии «Новых территорий» отдают предпочтение радио (издание есть у 42 % митрополий, а собственное радио — у 55 %, см. табл. 2). Преимущество печатного издания в том, что человек может обратиться к нему в любое время, быстро и просто найти интересующую его цитату, «плюсы» радио — в возможности охватить большую аудиторию.

В церковном медиaprостранстве Греции очень развит **фактор многоканальности**. Церковные медиастратегии предусматривают использование всех возможных каналов для донесения информации до потенциальной аудитории. 18 % (15 из 82) митрополий Элладской церкви и треть (10 из 31) митрополий «Новых

территорий» имеют одновременно официальное издание и радиостанцию, а некоторые даже две радиостанции

Таблица 1

**Распределение печатных изданий и радио
в митрополиях Элладской православной церкви**

Регион	Количество митрополий	Количество митрополий, в которых есть официальное издание	Количество митрополий, в которых есть собственная радиостанция	Количество митрополий, в которых есть приходские издания
Афинская архиепископия	1	0	0	1
Атика	13	5	1	2
Центральная Греция	6	2	3	2
Западная Греция	5	4	3	2
Пелопоннес	8	4	3	2
Иония	4	1	2	2
Северные Эгейские острова	5	4	2	1
Южные Эгейские острова	3	2	2	0
Фессалия	6	4	3	0
Всего	51	26	19	

Таблица 2

Распределение печатных изданий и радио в митрополиях «Новых территорий»

Регион	Количество митрополий	Количество митрополий, в которых есть официальное издание	Количество митрополий, в которых есть собственная радиостанция	Количество митрополий, в которых есть приходские издания
Эпир	5	1	3	0
Западная Македония	5	4	3	0
Восточная Македония и Фракия	8	5	5	0
Центральная Македония	13	3	6	4

Большая часть митрополий имеет официальный сайт, который позволяет в режиме онлайн слушать радиопередачи и читать некоторые номера официальных изданий. В журналах можно увидеть рекламу официального радио, что говорит об активном развитии конвергенции церковных СМИ. В ситуации экономического кризиса соцсети служат своего рода подспорьем, к примеру, приходской журнал «И фони тис энориас мас» храма Святого Предтечи в Лисворионе (Митилинская, Эресосская и Пломарионская митрополия, Эгейские острова) с февраля 2017 г. выходит только в электронном виде на специально созданном сайте и на странице в Facebook.

С точки зрения ориентации на аудиторию, журналы митрополий можно разделить на две большие группы — ориентированные на аудиторию, которая обладает достаточно высоким уровнем образования, т. е. научно-богословского содержания («Григориос о Паламас», Фессалоникийская митрополия, и «Парусиа», Ланкадасская митрополия), и предназначенные для читателей, у которых нет достаточной богословской подготовки (все остальные). Применяя принятую в работах по типологии печати терминологию, первую группу журналов можно отнести к качественным, а вторую — к массовым [3, 86–98].

В массовых изданиях наряду с публикацией официальной хроники (полностью этой задаче подчинены журналы «Омология» Никейской митрополии и «Павлиос Логос» Верийской, Наусской и Камбанийской митрополии) и позиции митрополитов по актуальным вопросам размещаются материалы исторического и просветительского характера (об истории Греции, выдающихся личностях, церковных праздниках, поучения святых о духовной жизни и т. д.). Через эти публикации реализуется церковная проповедь.

Материалы ориентированы преимущественно на взрослую аудиторию, причем недостаточно хорошо образованную в церковном плане. В них рассказывается о базовых в богословском плане вещах — церковных праздниках, житиях святых (тексты даны в очень простом, адаптированном варианте), основных положениях церковного учения.

Возрастной и гендерной дифференциации нет. Исключение — журнал Ларисской и Тирнавосской митрополии «То Таланто» — единственное официальное издание, которое ориентировано на детей.

Островные митрополии Константинопольского патриархата имеют тенденцию объединяться (создают общий журнал), однако приоритет прочно остается за радио (см. табл. 3). Основная цель радиопрограмм — проповедь.

Таблица 3

**Распределение печатных изданий и радио
в митрополиях Константинопольского патриархата на территории Греции**

Регион	Количество митрополий	Количество митрополий, в которых есть официальное издание	Количество митрополий, в которых есть собственная радиостанция	Количество митрополий, в которых есть приходские издания
Критская архиепископия	7	2 + общий журнал	3	1
Острова	6	1 + 1 общий	2	0

Единственное официальное издание, которое напрямую задействовано в миссионерской работе, — «Анкира элпидос», точнее, два его приложения для детей — «Неаника Анкироволимата» и «Конта сто Христо», материалы для которых делают дети со всех приходов митрополии (сбор материалов организуют помощники митрополита). Издание дает ребенку возможность поучаствовать в общем деле.

Приходские СМИ

Решающее воздействие на формирование СМИ на уровне приходов имеет **экономический фактор**: собственные издания (в том числе приходские листки) имеют только 0,5 % приходов Элладской православной церкви. Приходы Константинопольского патриархата не издадут ничего.

Приходские издания составляют примерно треть от всех наименований церковных периодических изданий, однако средний тираж приходского издания (200–1000 экземпляров) в 10 раз меньше среднего тиража одного официального издания митрополии (выходят ежемесячно или реже). Они существуют на локальном уровне и создаются для конкретного приходского сообщества. Исключение — трехмесячный журнал «ΕΚ ΒΑΘΕΩΝ» храма Святого Георгия в Гианнице, который выходит раз в три месяца и фактически является официальным изданием Эдесской, Пелльской и Алмопийской митрополии (Центральная Македония).

На уровне прихода появление журнала и редакционной команды полностью зависит от священника, решающим оказывается фактор **качества медиасообщества**.

Приходские издания создаются именно как инструмент миссии и проповеди и выполняют следующие функции:

1) просвещение: материалы о богослужениях и церковных таинствах, например, «Последование брака и другие священные последования» (журнал «Экклисиазма» храма Святого Дионисия в Ахарнон, Афины, № 2, с. 2–7); о праздниках, например, статья о празднике Рождества Богородицы (газета «Энориака неа» храма Святых Георгия и Дионисия в Ахарнон, Афины, № 160 (сентябрь — октябрь) 2014 г.), статья «Воплощение Бога и Слова» (журнал «Энориака эвлогия» храма Святого Николая в Певкакиа, Афины, № 124 (декабрь 2014 г.) с. 448–451);

2) организация приходской жизни.

Яркий пример использования журнала как инструмента организации приходской жизни — детские ежемесячные журналы «Неаники фони» храма Благовещения Пресвятой Богородицы в Халкиде и «Неаники фони» прихода Святого Георгия в Элевфериу. Их издание — один из видов работы приходской воскресной школы, главная цель — объединить детей вокруг общей деятельности, научить их соотносить свои желания и интересы с потребностями других людей (например, четко понимать, что объем материала не должен быть больше страницы формата А4, потому что самым маленьким будет трудно его усвоить).

Миссионерская работа не обязательно ведется в границах прихода. К примеру, каждый номер издания «Анастасис» храма Воскресения Христова в Ампелокипосе содержит страничку, которая посвящена анализу учения секты Свидетелей Иеговы с позиций Православной церкви, поскольку в деревне рядом с храмом существует их община.

Радиостанций на уровне приходов нет.

Итак, основные виды СМИ, которые использует Церковь в Греции, — печать и радио, причем радио обладает некоторым приоритетом за счет возможностей

охвата аудитории. В этом смысле церковная медиасистема Греции структурируется по аналогии со светской медиасистемой юга Европы, когда большее развитие получают именно аудиовизуальные СМИ. Из трех уровней СМИ (общецерковные, митрополий и приходов) полностью инструментами проповеди являются радиостанции и приходские издания. Важная специфическая функция последних — их использование в качестве инструмента формирования приходской общины. Общецерковные печатные издания имеют к делу проповеди опосредованное отношение и служат подспорьем для миссионерской работы. Официальные издания митрополий как инструмент проповеди Церковь использует не полностью: частично они призваны просто информировать об основных событиях жизни митрополии и транслировать позицию митрополитов по актуальным вопросам, часть этих журналов носит чисто научный характер.

Церковные СМИ ориентируется преимущественно на массовую аудиторию, которая не делится по гендерному и возрастному признаку (исключение — детские журналы). Потенциальные читатели — недостаточно образованные в церковном плане люди, которые нуждаются в получении простой и понятной базовой информации по вопросам духовной и церковной жизни. Платежеспособность аудитории практически не важна: большая часть изданий распространяется бесплатно, рыночные и вообще конкурентные факторы внутри церковной медиасистемы отсутствуют и не влияют на формирование медиастратегий. Эти факторы определяют принципиальное различие между церковным и светским медиапространством.

-
1. *Иваницкий В. Л.* Коммуникативная стратегия периодического издания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2009. № 5. С. 117–122.
 2. *Кочеткова А. В.* Медиапланирование. М., 2003.
 3. *Корконосенко С. Г.* Основы журналистики. М., 2004
 4. *Реснянская Е. Л.* Методологические подходы к анализу медиасистем // Исследования СМИ: методология, подходы. Методы. М., 2011. С. 147–155.
 5. *Урина Н. В.* Церковь online: вечное и виртуальное [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2004. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/132> (дата обращения: 29.10.2017).
 6. Έρευνα για τη θρησκεία. Πέμπτη, 07 Φεβρουαρίου 2008 [Electronic resource]. URL: <http://www.publicissue.gr/96/religion/> (accessed: 29.10.2017).

Статья поступила в редакцию 10.11.2017 г.

УДК 159.964.2 + 378:340.11

Р. Р. Муслумов
А. А. Печеркина
К. В. Голощапова

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА

Статья посвящена рассмотрению возможностей использования психологического тренинга для формирования правового сознания студентов. Исследование включало констатирующий и формирующий этапы. На констатирующем этапе для определения уровней сформированности компонентов правового сознания у студентов — будущих психологов применялась авторская методика исследования правового сознания личности Р. Р. Муслумова. Установлено, что у студентов сформированность всех компонентов правового сознания находится на среднем и высоком уровне. На формирующем этапе использовался психологический тренинг «Взрослые шаги» (авторы О. В. Егорова и др., Санкт-Петербургская общественная организация «Врачи детям»). Получены качественные положительные результаты по шкалам «Правовая активность» и «Непредубежденность».

К л ю ч е в ы е с л о в а: правовое сознание; правовая активность; правовая непредубежденность; правовые установки, психологический тренинг.

Проблема формирования правового сознания студентов обусловлена сложной криминогенной ситуацией в стране, широким распространением правового нигилизма и преступной субкультуры. По данным ряда исследований установлено, что среди студентов наблюдается рост «группы риска», распространены дефекты

МУСЛУМОВ Рустам Рафикович — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии образования Уральского федерального университета (e-mail: mgr82@yandex.ru).

ПЕЧЕРКИНА Анна Александровна — кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии образования Уральского федерального университета (e-mail: 79ara@mail.ru).

ГОЛОЩАПОВА Ксения Вячеславовна — магистрант департамента психологии Уральского федерального университета (e-mail: ksepuav7@mail.ru).

© Муслумов Р. Р., Печеркина А. А., Голощапова К. В., 2018

правосознания. Поэтому одной из актуальных задач профессионального образования становится формирование правового поведения будущего специалиста, которое неразрывно связано с уровнем его правосознания.

Правосознание включает в себя все многообразие правовых взглядов, идей, теорий, оценок, чувств и т. д. Отражая отношение людей к правовым явлениям, правосознание регулирует их социально-правовое поведение.

В рамках данного исследования мы исходим из основного принципа психологической науки о единстве сознания и деятельности. Суть этого принципа заключается в том, что сознание развивается в процессе и в результате деятельности и проявляется, реализуется в ней. Применительно к рассматриваемой проблеме это означает, что структуру индивидуального правосознания можно выявить по результатам его функционирования и конечным продуктам.

В научной литературе впервые эта позиция была высказана и применена в исследованиях Г. Х. Ефремовой и А. Р. Ратинова [7, 8, 9].

Структурными компонентами правового сознания личности являются:

- когнитивно-познавательный (правовое мышление, правовые взгляды и убеждения, сумма правовых знаний и умений);
- эмоционально-ценностный (правовые чувства, правовые ценности, правовые ценностные ориентации);
- деятельностно-практический (мотивация правомерного поведения, правовые установки, привычки и навыки правомерного поведения) [5].

Правовые знания, прежде чем стать стимулом и регулятором правомерного поведения, должны перейти в ценностные установки, получить эмоциональную окраску, стать внутренним убеждением, закрепиться в привычную форму поведения [10].

Безусловно, в реальной жизни правосознание проявляется как нечто целое, неструктурированное. Выделение структурных элементов в правосознании способствует лишь пониманию его роли и места в жизни человека и общества [1]. Для понимания процесса формирования правового сознания необходимо рассмотреть понятие «социализация». Под социализацией личности понимают осознание человеком (гражданином) своей социальной роли и места в социальной структуре общества, активное включение в социальные отношения, наполнение их личностным содержанием [2]. Также многие ученые соглашаются с тем, что основы правосознания закладываются именно в социальном процессе — в правовой социализации (О. А. Гулевич, Е. О. Голынич, А. Р. Ратинов, Л. А. Ясюкова, E. S. Cohn, J. L. Tapp, S. O. White и др.) [6].

Целью правовой социализации является формирование у личности правомерного поведения, обеспечение определенного уровня правового сознания, психолого-правовое развитие личности, достижение высокой правовой культуры.

Правосознание двояко связано с социализацией. Во-первых, на формирование установок и отношений человека оказывает влияние жизненный опыт и практика. Содержание правосознания человека (его правовая информированность, оценка правовой действительности, мотивация правомерного поведения) зависит от его социальных связей, от степени включенности в правовую культуру общества,

а также от вовлеченности в асоциальные группы, которые влияют на усвоение правовой информации. Во-вторых, правосознание не только отражает правовой опыт человека, но и мотивирует его поведение [2].

Следует отметить, что правовая социализация неразрывно связана с нравственным формированием личности. Добровольно контролировать свое поведение социальными эталонами может только нравственная личность. Нравственная личность — это индивид с развитым личностным социальным самоконтролем. Развитость механизма личностного самоконтроля составляет основу для правовой социализации личности [4].

Таким образом, в процессе социализации происходит формирование индивидуального правосознания. Составной частью социального и индивидуального опыта личности является опыт совершения определенных действий в правовой сфере [3].

На наш взгляд, наиболее эффективным средством формирования правосознания выступает психологический тренинг, базирующийся на положениях когнитивно-поведенческого подхода. Данный подход предполагает, что человек может осваивать новые социальные навыки, эмоции и новые способы мышления через механизм научения, т. е. новые способы поведения формируются в результате привычной реакции человека на внешние условия. В процессе научения условный стимул соединяется с безусловным, те или иные действия или реакции подкрепляются положительным стимулом. Также к способам научения относится наблюдение. В связи с этим в рамках тренинга работа сосредоточена на поведенческих реакциях и внутренних установках. Соответственно, низкий уровень правового сознания рассматривается в контексте тренинга как результат неадекватного и неправильного научения.

Таким образом, объектом воздействия в процессе психологического тренинга является само поведение участника. Поэтому работа в форме тренинга не только эффективно способствует овладению основами законодательства и повышению компетентности в области права, но и формирует у участников навыки самоконтроля и оценки собственного эмоционального состояния, активизирует потребность и желание отстаивать справедливость, защищать свои интересы и применять полученные знания на практике.

Методика и процедура исследования

Цель исследования — изучение уровней сформированности компонентов правового сознания личности у студентов — будущих психологов и оценка эффективности применения психологического тренинга «Взрослые шаги».

В исследовании принимали участие 60 студентов 3-го курса очного отделения департамента психологии Уральского федерального университета. Гендерный состав выборки: 18 юношей и 42 девушки. Возраст участников исследования — от 20 до 22 лет.

На *констатирующем этапе* было проведено изучение компонентов правового сознания с помощью методики «Анализ компонентов правового сознания» (Р. Р. Муслумов).

Методика направлена на изучение следующих шкал — компонентов правового сознания:

1. Шкала «Знание права» — направлена на изучение общего спектра правовых представлений. Приводятся установки типа: «Человек должен нести ответственность как за действия, так и за бездействие», «Даже если вас подозревают в совершении преступления, то вы имеете право отказаться общаться с полицией», «Распространение в Интернете нелегальных фильмов является преступлением» и др. Шкала показывает общий уровень знания права.

2. Шкала «Отношение к праву в целом» — направлена на прояснение характера отношения к общим принципам права, степени его принятия. Примеры установок: «Соблюдать все нормы законодательства очень сложно», «Изучение законов надо начинать как можно раньше», «Свобода и закон всегда противопоставляются друг другу».

3. Шкала «Отношение к институтам права» — анализирует отношение к конкретным представителям исполнительной власти, источникам санкций. Пример установки: «На мой взгляд, в полиции работают честные и добросовестные люди».

4. Шкала «Правовые установки» — изучает уровень сформированности правовых установок. Примеры установок: «Я поддерживаю людей, которые активно защищают свои права», «Если бы я увидел, что совершается преступление, то позвонил бы в полицию».

5. Шкала «Правовая активность» — показывает степень желания к применению правовой нормы в реальной жизни. Примеры установок: «Если ты сам забываешь о своих правах, то они могут быть нарушены», «Я всегда стараюсь бороться с несправедливостью», «Массовые акции по отстаиванию своих прав бесполезны».

6. Шкала «Непредубежденность» — определяет уровень развития правовой позиции, подразумевающий способность субъекта ставить право выше собственных убеждений, руководствуясь им как критерием справедливости. Примеры установок: «Если человек совершил преступление из благородных мотивов, то его надо оправдать», «Выносить приговор может только судья, так как он наиболее объективен», «Такой человек, как я, при вынесении приговора получил бы снисхождение».

Формирующий этап проводился в рамках семинара-тренинга по работе с девиантными подростками в соответствии с программой «Взрослые шаги» (О. В. Егорова и др., Санкт-Петербургская общественная организация «Врачи детям») [11].

На формирующем этапе группа была разделена на экспериментальную и контрольную. Разделение было произведено случайным образом.

«Взрослые шаги» — психологический тренинг для несовершеннолетних, склонных к совершению правонарушений. В методическом руководстве предлагается цикл из 10 занятий для групповой работы с подростками, находящимися в конфликте с законом или попавшими в трудную жизненную ситуацию. Программа направлена на осознание участниками своих прав и гражданских обязанностей, причин и последствий правонарушений, профилактику социальной дезадаптации

и правонарушений, в том числе повторных, на реабилитацию и формирование социально приемлемых форм поведения, позитивных установок и мотивации на противостояние негативным влияниям среды. Программа тренинга разработана и апробирована специалистами Санкт-Петербургской общественной организации «Врачи детям» совместно со специалистами СПб ГБУ «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних Фрунзенского района», СПб ГБУ «Центр социальной помощи семье и детям Калининского района» и СПб ГБУ «Центр социальной помощи семье и детям Невского района».

В ходе тренинга используются такие методы работы, как мини-лекция, дискуссия, ролевая игра, тренинговые упражнения, беседа, мозговой штурм, анализ юридических казусов, работа с нормативными актами и др.

В качестве критериев, позволяющих определить динамику проводимой работы, выступают:

- 1) критерии, отражающие структурно-содержательную сторону правосознания (правовые знания, отношение к праву, правовые установки);
- 2) характеризующие мотивационную сторону правового поведения (снижение конфликтности, социально зрелое поведение, развитие мотивации учения и т.д.);
- 3) раскрывающие функционально-поведенческую сторону (уровень самоуправления поведением, самооценка, локус контроля, уровень социальной активности).

На **контрольном этапе** была повторно проведена диагностика компонентов правового сознания, полученные данные обработаны с помощью статистического пакета Statistica6.0.

Результаты и их обсуждение

Результаты, полученные **на констатирующем этапе эксперимента**, в целом можно назвать удовлетворительными, так как по всей выборке наблюдается средний и высокий уровень сформированности компонентов правового сознания. Всего 7 % респондентов демонстрируют отрицательное отношение к правовым институтам, несформированные правовые установки. Большинство неплохо ориентируются в системе права, знают основные правовые нормы (рис. 1).

Корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона) позволил оценить внутренние связи между компонентами правового сознания студентов. Так, знание права положительно коррелирует с правовыми установками (0,448 при $p \leq 0,01$); это означает, что успешное изучение правовых норм позволяет более четко представлять конкретные механизмы реализации своих прав. Также правовые установки положительно коррелируют с отношением к правовым институтам (0,511 при $p \leq 0,01$) и правовой активностью (0,563 при $p \leq 0,01$). Правовая активность подразумевает наличие стойкого желания и возможности отстаивать свои права, поэтому, на наш взгляд, выглядит логичным, что она коррелирует с показателем сформированности правовых установок.

Институты права и отношение к праву в целом положительно связаны (0,518 при $p \leq 0,01$), это, скорее всего, обусловлено тем, что большинство студентов не различают нормы закона и организации, их реализующие.

Рис. 1. Результаты применения методики «Компоненты правового сознания» у студентов до проведения тренинга ($n = 60$)

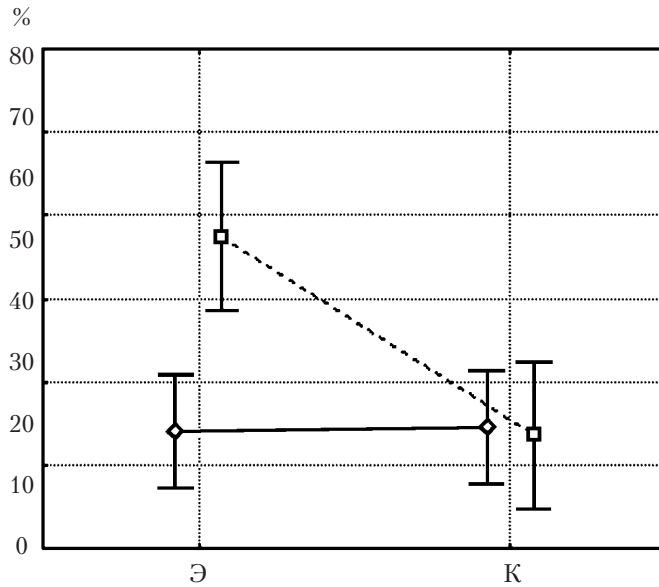
Отношение к праву в целом положительно связано с такой характеристикой, как непредубежденность ($0,400$ при $p \leq 0,01$); это означает, что студенты, в целом разделяющие правовые принципы, согласны с тем, что могут быть объектом судопроизводства и не требуют к себе особого отношения. Шкала правовой непредубежденности показывает зрелую позицию респондента в отношении права, возможность поставить право выше собственных убеждений, что почти всегда связано с позитивным отношением к правовой системе в целом. Также положительно связаны непредубежденность и правовые установки личности ($0,483$ при $p \leq 0,01$).

При обработке результатов мы смогли выделить отрицательную связь между стремлением к развитию собственных умственных способностей и отношением к институтам права ($0,519$ при $p \leq 0,01$), т. е. лица, ставящие перед собой высокие цели по развитию своей интеллектуальной сферы, не склонны доверять правоохранительной системе.

После проведения тренинга был использован дисперсионный анализ с целью проверки эффективности формирования компонентов правового сознания студентов. Результаты анализа показали прогресс по двум компонентам правового сознания — правовой активности и непредубежденности. Полученные данные представлены на рис. 2 и 3.

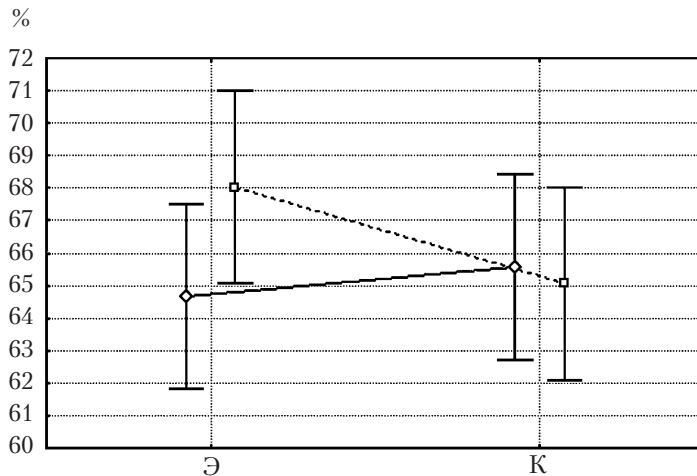
Можно утверждать, что результаты проделанной работы указывают на качественные изменения показателей правовой активности и непредубежденности у участников экспериментальной группы.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило эффективность использования психологического тренинга для формирования правового сознания у студентов. Обращаем внимание, что в контексте данной работы речь идет, прежде всего, об отдельных сложившихся формах взаимодействия между студентами, при условии качественной обратной связи со стороны тренеров. Так, например,

Группа МНК средние;
 лямбда Уилкса = ,59111, $F(2,57) = 19,714$, $p = ,00000$;
 декомпозиция гипотезы;
 вертикальные столбцы равны 0,95 доверительных интервалов

Рис. 2. Результаты дисперсионного анализа по шкале «Правовая активность» ($n = 60$).
 Здесь и на рис. 3: Э – экспериментальная группа; К – контрольная группа; - - - - - результаты после формирующего эксперимента; ———— результаты до формирующего эксперимента

Группа МНК средние;
 лямбда Уилкса = ,86640, $F(2,57) = 4,3946$, $p = ,01679$;
 декомпозиция гипотезы;
 вертикальные столбцы равны 0,95 доверительных интервалов

Рис. 3. Результаты дисперсионного анализа по шкале «Непредубежденность» ($n = 60$)

мы подтверждаем вывод Д. Дьюи, что установленные нормы и правила работы в учебном коллективе имеют гораздо большее значение для усвоения правил, чем просто устное сообщение о их существовании [12].

Студенты, несмотря на то, что у них и ранее были достаточно хорошие знания правовых норм, продемонстрировали динамику в освоении конкретных механизмов защиты своих прав; проявили готовность к защите прав и интересов других людей, а по завершении цикла занятий показали высокий уровень сформированности правовых установок.

Дискуссионным, на наш взгляд, остается вопрос о поиске оптимальных механизмов формирования правового сознания личности. Однако на текущий момент однозначно можно утверждать, что придание участнику учебного процесса активной роли, вовлечение его в руководство группой, использование практических механизмов права в интерактивных формах работы позволяет добиться высокого результата.

Безусловно, развитие правосознания студентов — это сложный и противоречивый процесс, который требует дальнейшего серьезного и глубокого изучения. При анализе эффективности процесса правовой социализации необходимо опираться не только на исследование форм учебной работы, но и принимать во внимание множество других факторов как внешнего (семья, условия в конкретном вузе, друзья и др.), так и внутреннего (особенности характера, свойства личности и др.) плана. Для совершенствования правового сознания студентов нужны постоянные образовательные и воспитательные усилия, а также меры социально-экономического, организационного и правового порядка на уровне всего общества.

1. Алексеев С. С. Теория государства и права. М., 2005. 496 с.
2. Аминов И. И. Юридическая психология. М., 2012. 415 с.
3. Волков А. А., Волков С. А. Формирование правосознания судебных приставов // Вестн. Сев.-Кавказ. гуманитар. ин-та (Ставрополь). 2012. № 4. С. 382–386.
4. Еникеев М. И. Юридическая психология. М., 2005. 640 с.
5. Клочко И. В. Теоретико-методологические основы проблемы формирования правосознания учащейся молодежи // Мир науки, культуры, образования. 2013. Т. 6, вып. 43. С. 131–134.
6. Красник В. С., Евстафеева Е. А. Личностные предпосылки формирования правосознания субъекта // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. Т. 19, вып. 348. С. 16–23.
7. Ратинов А. Р. К проблеме ядра личности преступника // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1981. С. 67–86.
8. Ратинов А. Р. Опыт изучения правовых установок и ориентаций преступников // Психологическое изучение личности преступника. М., 1976. С. 153–185.
9. Ратинов А. Р., Ефремова Г. Х. Правовая психология и преступное поведение: теория и методология исследования. Красноярск, 1988. 253 с.
10. Сорочан В. В. Юридическая психология. М., 2010. 105 с.
11. Социальный тренинг для подростков и молодежи «Взрослые шаги»: руководство для ведущих групп. СПб., 2013. 92 с.
12. Dewey J. Moral principles in education. Carbondale (IL), 1975.

Статья поступила в редакцию 17.12 2017 г.

УДК 159.962 + 316.346.2-055.2

О. В. Путилова
О. С. Виндекер
А. А. Лиходед

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ У ЖЕНЩИН

Статья посвящена сравнительному анализу самоактуализации и жизнестойкости у женщин в разные возрастные периоды. В качестве групп сравнения определены женщины в период ранней и поздней зрелости (средний возраст $20,6 \pm 0,63$ и $63,2 \pm 7,4$ года соответственно; $n = 55$). Обнаружено, что уровень психометрической самоактуализации и жизнестойкости у девушек достоверно выше. Более высокие показатели жизнестойкости у девушек связаны преимущественно с выраженным принятием риска в данной группе испытуемых. Независимо от возраста показатели жизнестойкости тесно коррелируют с самоактуализацией. Выявлены особенности этой взаимосвязи у женщин в периоды ранней и поздней зрелости. Делается вывод о возможности существования общих (стабильных) и специфических (вариативных) коррелятов у женщин в периоды ранней и поздней зрелости.

К л ю ч е в ы е с л о в а: самоактуализация; жизнестойкость; возрастные особенности; женщины.

В современную эпоху быстрых социальных изменений, заставляющих личность постоянно перестраивать свои сложившиеся жизненные отношения и преобразовывать себя, проблема использования и развития человеческого потенциала встает качественно новым образом. И прежде всего повышается роль активного отношения субъекта к процессу своего развития. Важное значение приобретает осознание человеком того, что в своем жизнеустройстве он должен полагаться в первую очередь на себя.

Проблема личностного роста и самореализации интересовала ученых на протяжении всей истории развития психологии и нашла свое отражение в трудах многих выдающихся исследователей. Термин «самоактуализация» был введен Куртом Гольдштейном. В своих первых работах он указывает на то, что этот процесс является исключительно биологическим, но позднее смещает акцент на сущностную реализацию человека. В теории К. Г. Юнга конечная жизненная цель — это полная реализация Я, становление единого, неповторимого, целостного индивида. Согласно взглядам А. Адлера, в основе развития человека лежит

ПУТИЛОВА Олеся Владимировна — магистрант департамента психологии Уральского федерального университета (e-mail: lesyasoltan@mail.ru).

ВИНДЕКЕР Ольга Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии образования Уральского федерального университета (e-mail: o.s.vindeker@urfu.ru).

ЛИХОДЕД Александра Андреевна — педагог-психолог Свердловского колледжа искусств и культуры, г. Екатеринбург (e-mail: lialexandra@yandex.ru).

© Путилова О. В., Виндекер О. С., Лиходед А. А., 2018

чувство собственной неполноценности, которое рождает в нем стремление к превосходству, чтобы достичь совершенства, полноты и целостности в жизни, т. е. максимально себя реализовать [1, 5]. К. Роджерс считает самоактуализацию врожденной движущей силой личности. В своих работах он описывает черты полноценно функционирующего человека, такие как открытость опыту, умение жить настоящим, творческий подход к жизни и др. [5].

Более полно феномен самоактуализации рассматривает А. Маслоу. Согласно его концепции, самоактуализация есть стремление людей реализовать себя, склонность проявить то, что в них заложено потенциально, чтобы достичь всего, на что они способны. Самоактуализирующаяся личность обладает рядом отличительных черт, наличие которых в большей степени присуще людям с богатым жизненным опытом, т. е. более старшего возраста. В ранней взрослости человек может лишь вступить на путь самоактуализации; путешествие к ней будет длиться всю жизнь, и этой цели человек никогда полностью не сможет достичь [7, 9].

Современные исследования различных аспектов самоактуализации говорят об актуальности этой проблемы. Е. Г. Гордеева проводила исследование ценностных ориентаций, самоактуализации и самореализации подростков, молодежи и взрослых. В ходе исследования было установлено, что самоактуализация у подростков главным образом связана с познавательными потребностями, со стремлением к приобретению знаний. Для молодежи первостепенную значимость имеет ценность материального благосостояния и профессиональный рост. Самоактуализация в этом возрасте тесно связана со стремлением руководствоваться своими целями, убеждениями, быть свободными в выборе. Для взрослых самоактуализация (независимость во взглядах, убеждениях, поступках) имеет наибольшую значимость. Кроме того, ценности взрослых четко дифференцированы по сравнению со школьниками и молодежью, что говорит о более развитой структуре потребностей и ценностей, большем жизненном опыте [4].

Согласно исследованию А. А. Березовской, самооценка различных показателей жизнедеятельности непосредственно взаимосвязана с уровнем самоактуализации личности и, соответственно, с уровнем ее психологического здоровья, т. е. повышая самооценку физического и психологического состояния личности, можно способствовать самоактуализации и укреплению психологического здоровья [3].

М. О. Доржиева исследовала особенности самоактуализации личности в юношеском возрасте. При сравнении результатов молодежной и взрослой выборок обнаружено статистически значимое различие по шкале «Взгляд на природу человека». Представители среднего возраста обладают более позитивной оценкой природы человека, чем молодежь [6].

В ходе исследования Л. Н. Антилоговой и Е. А. Черкевич было установлено, что самоактуализация и смысложизненные ориентации личности в зрелом возрасте взаимосвязаны и характеризуют человека как активного, целеустремленного, способного ставить достижимые цели, работающего над собой в плане личностного роста, ответственного, уважающего себя и других. Также данное исследование подтвердило, что в настоящее время образование проходит через

всю жизнь значительного числа людей зрелого возраста, которые продолжают свое обучение и повышение квалификации [2].

Однако анализ литературы показывает, что в настоящее время еще недостаточно рассмотрены в теоретическом плане и экспериментально не изучены особенности самоактуализации в разные возрастные периоды и при разных ее уровнях на одних и тех же возрастных этапах. Постановка возрастной проблематики является важной в связи с тем, что опыт выступает значимым фактором в этом процессе. Возрастные особенности необходимо учитывать при составлении программ тренингов жизнестойкости, а также при индивидуальной работе психолога с целью развития и гармонизации внутренних условий самоактуализации личности.

С целью определения возрастных особенностей самоактуализации и жизнестойкости у женщин разных возрастных групп было проведено эмпирическое исследование. В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что независимо от возраста жизнестойкость женщин тесно связана с активностью процессов самоактуализации. При этом в каждой возрастной группе существуют специфические «самоактуализационные» корреляты жизнестойкости.

Методика исследования. В исследовании приняли участие 55 женщин: 26 женщин, находящихся в возрастном периоде поздней зрелости (далее — женщины), и 29 женщин, находящихся в возрастном периоде ранней зрелости (далее — девушки). Средний возраст женщин составил 63,2 года (стандартное отклонение — 7,4), средний возраст девушек — 20,6 лет (стандартное отклонение — 0,63). В качестве эмпирической базы исследования выступил Университет третьего возраста (г. Каменск-Уральский) и Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (департамент психологии). Обе выборки характеризуются повышенным интересом к внутреннему миру, вопросам саморазвития и самосовершенствования и к другим аспектам личностного роста.

Для исследования особенностей самоактуализации был использован «самоактуализационный» тест (далее — САТ) в адаптации Ю. Е. Алешинной, Л. Я. Гозман, М. В. Загика и М. В. Кроз. Тест включает две базовые шкалы, измеряющие глобальные характеристики самоактуализации, и ряд дополнительных шкал, ориентированных на регистрацию отдельных ее аспектов. К базовым шкалам относятся шкалы «Ориентация (компетентности) во времени» и «Поддержка». Дополнительные шкалы: «Ценностные ориентации», «Гибкость поведения», «Сензитивность к себе», «Спонтанность», «Самоуважение», «Самопринятие», «Представления о природе человека», «Синергия», «Принятие агрессии», «Контактность», «Познавательные потребности», «Креативность».

Для изучения особенностей жизнестойкости использовался тест жизнестойкости в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой. Методика предназначена для оценки уязвимости человека к переживаниям стресса и депрессивных состояний, а также его способности и готовности активно и гибко действовать в трудных жизненных ситуациях. Тест включает следующие параметры: «Жизнестойкость» (далее — ЖСТ), «Вовлеченность», «Контроль» и «Принятие риска» [8].

Обработка данных осуществлялась посредством пакета программ Statistica 6.0. Для выявления различий между группами женщин использовался непараметрический U -критерий Манна – Уитни, для выявления взаимосвязей между переменными – коэффициент корреляции Спирмена (r).

Результаты и их обсуждение. Результаты сравнительного анализа по параметрам самоактуализации и жизнестойкости представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Показатели САТ у девушек и женщин

Шкала	Женщины		Девушки		U
	x_{cp}	σ	x_{cp}	σ	
Ориентация во времени	7,85	2,96	9,86	1,98	213,5**
Поддержка	44,58	10,32	53,76	10,78	194**
Ценностные ориентации	12,15	3,06	13,86	3,09	261,5*
Гибкость поведения	12,12	4,21	14,72	3,72	250,5*
Сензитивность	4,77	1,73	7,52	1,81	99,5**
Спонтанность	6,00	2,58	9,07	2,6	153,5**
Самоуважение	8,31	3,11	10,62	2,27	207,5**
Самопринятие	10,23	3,71	12,10	4,24	271,5*
Принятие агрессии	6,12	2,2	9,17	2,12	153**
Контактность	8,81	3,45	11,34	3,59	225,5**

* Для уровня значимости $p < 0,05$ ($U_{кр} = 278$);

** Для уровня значимости $p < 0,01$ ($U_{кр} = 238$).

Из представленных данных видно, что показатели девушек по большинству параметров самоактуализации достоверно выше, чем у женщин (табл. 1). Это несколько противоречит исходному утверждению А. Малоу о том, что с возрастом вероятность запуска процесса самоактуализации повышается [9]. Сразу оговоримся, что в данной статье речь идет о психометрической самоактуализации, т. е. о самоактуализации, уровень которой определялся посредством психодиагностического инструментария.

Более низкие показатели по тесту САТ у женщин первой группы могут быть связаны с возрастными особенностями. В работе З. И. Рябикиной и Л. Н. Ожиговой, посвященной изучению самоактуализации в контексте полоролевых характеристик личности, подчеркивается, что в период поздней зрелости стремление к самоактуализации сталкивается с сопротивлением внешней бытийности (ограниченность физических возможностей индивида, отсутствие нужных навыков) [12].

С другой стороны, в период ранней взрослости женщина начинает по-другому смотреть на вещи, по-другому ведет себя, приводит свои убеждения, установки и ценности в соответствие с новыми социальными ролями, которые исполняет, и теми контекстами (ситуациями), в которых живет [7]. Это объясняет более высокие баллы по шкале «Поддержки», отражающей стремление руководствоваться в жизни собственными целями, убеждениями и принципами.

По шкалам «Сензитивность» и «Спонтанность», которые составляют блок чувств, и по шкале «Гибкость поведения» девушки также имеют более высокие показатели, чем женщины. Это может быть связано с тем, что необходимость делать выбор (в профессиональной сфере, выбор партнера) в этом возрасте заставляет человека обращаться внутрь себя, осознавать свои потребности, анализировать чувства, чтобы строить свою жизнь в соответствии с ними.

Шкалы «Самоуважение» и «Самопринятие» относятся к блоку самовосприятия. Умение ценить свои положительные качества, свои достоинства и уважать себя за них, а также принимать себя таким, какой есть, согласно полученным данным, также в большей степени развито у молодых девушек.

В целом более высокие показатели по различным параметрам самоактуализации у девушек по сравнению с женщинами, которые находятся в периоде поздней взрослости, могут объясняться не столько возрастными, сколько «поколенческими», «социокультурными» факторами. Современное воспитание и элементы гуманистического подхода в образовании способствуют снижению общей невротизации молодого поколения женщин. Они более открыты и гибки в процессе общения (шкала «Контактность»), умеют принимать свои негативные переживания и отрицательные черты (шкала «Принятие агрессии»). Обучение в департаменте психологии закрепляет позитивные установки самоактуализирующейся личности: девушки узнают о важности ориентации на настоящий момент — принципе «здесь и сейчас» (основная шкала — «Ориентация во времени»).

При обработке данных, полученных по тесту жизнестойкости, оказалось, что средние значения по параметру «Принятие риска», а также общий показатель жизнестойкости у девушек достоверно выше, чем у женщин (табл. 2).

Таблица 2

Показатели теста жизнестойкости у девушек и женщин

Шкала	Женщины		Девушки		U^*
	x_{cp}	σ	x_{cp}	σ	
Жизнестойкость	82,92	19,16	92,93	17,78	260,5*
Вовлеченность	38,81	6,62	40,10	6,87	357
Контроль	28,42	8,54	31,86	8,33	288,5
Принятие риска	15,69	6,06	20,97	4,62	186,5**

* $p < 0,05$ ($U_{кр} = 278$); ** $p < 0,01$ ($U_{кр} = 238$).

Достоверно более высокий показатель жизнестойкости у девушек получен за счет единственной шкалы — «Принятие риска». Кроме того, средний показатель в этой группе испытуемых превышает нормативный ($x_{cp} = 13,9 \pm 4,4$ [8]). Полученные данные свидетельствуют о том, что девушки в большей степени, чем женщины в период поздней взрослости, готовы принимать вызов, быть открытыми новому опыту, не бояться ситуаций неопределенности. Примечательно, что по параметрам вовлеченности и контроля женщины разного возраста больше похожи, чем различны. Эти данные вполне соотносятся с результатами, полученными другими авторами [8, 10]. При этом средний уровень жизнестойкости находится в пределах средней нормы ($x_{cp(\text{вовлеченность})} = 37,6 \pm 8,08$; $x_{cp(\text{контроль})} = 29,2 \pm 8,4$ [8]). Согласно Д. А. Леонтьеву [8], жизнестойкость не обязательно связана с возрастом и жизненным опытом и в большей степени определяется тем, насколько сознательно человек относится к жизненным трудностям.

Для изучения связи самоактуализации с жизнестойкостью в разных возрастных группах был проведен корреляционный анализ с помощью непараметрического коэффициента Спирмена. Согласно полученным результатам, можно увидеть, что некоторые шкалы используемых методик связаны между собой, независимо от возраста испытуемых (табл. 3 и 4).

Таблица 3

Взаимосвязи между показателями САТ и ЖСТ в группе пожилых женщин

Шкала	ЖСТ	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска
Ориентация во времени	0,78**	0,64**	0,71**	0,68**
Поддержка	0,59**	0,45*	0,54**	0,57**
Ценностные ориентации	0,74**	0,71**	0,69**	0,58**
Гибкость поведения	0,58**	0,46*	0,42*	0,67**
Сензитивность	0,30	0,24	0,32	0,20
Спонтанность	0,45*	0,36	0,46*	0,37
Самоуважение	0,72**	0,69**	0,62**	0,61**
Самопринятие	0,56**	0,43*	0,47*	0,65**
Представления о природе человека	0,31	0,49*	0,33	0,12
Синергия	0,21	0,39*	0,18	0,15
Принятие агрессии	0,29	0,18	0,27	0,21
Контактность	0,43*	0,34	0,42*	0,34
Познавательные потребности	0,15	0,12	0,21	-0,02
Креативность	0,42*	0,22	0,51**	0,33

* $p < 0,05$; $r_{kp} = 0,39$; ** $p < 0,01$; $r_{kp} = 0,50$.

Таблица 4

Взаимосвязи между показателями САТ и ЖСТ в группе девушек

Шкала	ЖСТ	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска
Ориентация во времени	0,26	0,28	0,23	0,07
Поддержка	0,61**	0,64**	0,46*	0,49**
Ценностные ориентации	0,58**	0,56**	0,50**	0,44*
Гибкость поведения	0,43*	0,44*	0,27	0,45*
Сензитивность	0,27	0,36	0,09	0,44*
Спонтанность	0,42*	0,46*	0,22	0,55**
Самоуважение	0,69**	0,77**	0,59**	0,50**
Самопринятие	0,52**	0,53**	0,45*	0,39*
Представления о природе человека	0,20	0,14	0,21	0,07
Синергия	0,19	0,25	0,11	0,18
Принятие агрессии	0,26	0,39*	0,18	0,07
Контактность	0,40*	0,45*	0,28	0,42*
Познавательные потребности	0,42*	0,46*	0,29	0,42*
Креативность	0,58**	0,60**	0,49**	0,42*

* $p < 0,05$; $r_{кр} = 0,37$; ** $p < 0,01$; $r_{кр} = 0,47$.

И в период ранней зрелости, и на этапе поздней зрелости независимость во взглядах и убеждениях, ценностные ориентации, а также самопринятие и самоуважение связаны с вовлеченностью в процесс жизни, убежденностью в том, что активные действия позволяют повлиять на результат происходящего, умением извлекать ценный опыт из происходящего и общей жизнестойкостью. В обеих группах выявлена положительная корреляция гибкости поведения, спонтанности, контактности и креативности с общей жизнестойкостью. Вовлеченность в процесс жизни, умение извлекать ценный опыт из происходящего связаны со способностью быстро и адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию, независимо от возраста. Убеждение в том, что собственный выбор позволяет влиять на результат, в обеих группах положительно коррелирует с творческой направленностью личности.

Полученные данные перекликаются и с ранее проведенными исследованиями. Например, согласно результатам исследования Н. И. Петровой, личности с высоким уровнем самоактуализации более устойчивы к стрессовым ситуациям, уравновешенны и спокойны [11]. Возможно, полученные на обеих подвыборках взаимосвязи свидетельствуют об устойчивых «самоактуализационных» коррелятах жизнестойкости, которые не зависят от возраста.

Интерес представляет специфика взаимосвязей между параметрами самоактуализации и жизнестойкости у женщин в разные возрастные периоды (табл. 3 и 4). Умение жить настоящим моментом и целостно воспринимать свою жизнь на этапе поздней зрелости связано со способностью справляться с жизненными трудностями и извлекать опыт из происходящего, вовлеченностью в процесс своей жизни, убежденностью в том, что собственный выбор определяет судьбу, а также с общей жизнестойкостью. То есть, преодолевая трудности, которые могут быть связаны с возрастными ограничениями, женщина учится быть в ситуации «здесь и сейчас». Кроме того, в период поздней зрелости умение быстро и адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию связано с представлением о том, что собственными активными действиями можно повлиять на результат происходящего. Вовлеченность в процесс жизни у женщин на этапе поздней зрелости связана с умением принимать мир и людей такими, какие они есть. В группе девушек таких взаимосвязей не выявлено.

Убежденность женщины в том, что своими действиями можно повлиять на результат, в период поздней зрелости связана со способностью свободно выражать свои чувства, действовать спонтанно и непринужденно. То есть можно предположить, что чем увереннее женщина в своей способности делать выбор, тем свободнее она может выражать свои чувства. У молодых девушек эта уверенность связана с убежденностью в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности и со способностью извлекать ценный опыт из происходящего.

Умение понимать себя, свои потребности и чувства у девушек, в отличие от женщин, связано со способностью извлекать ценный опыт из происходящего. Способность свободно выражать свои чувства, непринужденность у девушек связана с умением воспринимать любую ситуацию как важный этап развития. Способность принимать свои негативные чувства как естественное проявление человеческой природы в молодом возрасте связана с вовлеченностью в процесс жизни. У женщин в периоде поздней зрелости такой связи не выявлено.

У девушек умение устанавливать глубокие и тесные взаимоотношения связано с вовлеченностью в процесс жизни и умением извлекать ценный опыт из любой ситуации. В зрелом возрасте оно в большей степени коррелирует с убежденностью в том, что активные действия могут повлиять на результат происходящего.

Стремление к приобретению знаний об окружающем мире у девушек коррелирует с вовлеченностью в процесс жизни, способностью извлекать ценный опыт из происходящего и общей жизнестойкостью. Творческая направленность на этапе ранней зрелости связана с вовлеченностью и способностью учитывать все происходящее как ценный опыт, необходимый для развития личности. У женщин зрелого возраста такой взаимосвязи не обнаружено.

Таким образом, взаимосвязь некоторых аспектов самоактуализации и жизнестойкости у женщин проявляется в различные возрастные периоды, что наталкивает на мысль о существовании более или менее стабильных «самоактуализационных» коррелятов жизнестойкости. Но при этом можно выделить и специфические взаимосвязи, характерны только для конкретной возрастной группы.

Выводы

Проведенное исследование показало, что в период ранней взрослости, когда девушкам необходимо делать выбор и адаптироваться к новым социальным ролям, начинают активно развиваться такие аспекты самоактуализации, как стремление руководствоваться своими принципами, обретение независимости в своих поступках, гибкость в реализации своих ценностей в поведении, рефлексия и спонтанность, принятие себя и других такими, какие есть. Для этого возраста в большей степени характерна готовность получать новый опыт, как позитивный, так и негативный, и убежденность в том, что все происходящее способствует развитию.

Спонтанность и непринужденность, стремление к приобретению знаний об окружающем мире, проявление творчества, установление глубоких эмоционально насыщенных отношений с людьми в этом возрасте может повышать вовлеченность в процесс собственной жизни, способствовать получению удовольствия от собственной деятельности, активному усвоению знаний из опыта и последующему их использованию.

В период поздней взрослости, когда женщина приспосабливается к изменениям, связанным с физическим здоровьем и социальной ситуацией, важное значение приобретает умение видеть свою жизнь целостной, ощущать неразрывность прошлого, настоящего и будущего и в полной мере переживать настоящий момент. Такое мироощущение повышает вовлеченность в процесс жизни, активность в преодолении трудностей, самостоятельность в выборе своего пути. Выраженность этих компонентов и жизнестойкости в целом позволяет женщине эффективно управлять жизненными изменениями, справляться с трудностями и препятствиями, встречающимися в жизни.

Учет возрастных особенностей процессов самоактуализации и жизнестойкости у женщин (а также взаимосвязи этих феноменов) может способствовать более грамотной разработке тренинговых и индивидуальных программ психологического роста и развития. В дальнейшем мы планируем провести исследование на большей выборке испытуемых (с привлечением женщин среднего возраста), с использованием методик, направленных на исследование психологической разумности и толерантности к неопределенности.

1. Адлер А. Индивидуальная психология как путь к познанию и самопознанию человека // Наука жить. Киев, 1997. С. 204–230.

2. Антилогова Л. Н., Черкевич Е. А. Самоактуализация и смысловые ориентации мужчин и женщин зрелого возраста в контексте задач непрерывного образования // Вестн. Сиб. ин-та бизнеса и информ. технологий. 2017. № 2 (22). С. 99–106 : [сайт науч. электрон. б-ки eLibrary]. URL: https://elibrary.ru/project_user_tools.asp (дата обращения: 06.09.2017).

3. Березовская А. А. Взаимосвязь самооценки и самоактуализации в контексте психологического здоровья [Электронный ресурс] // Статьи по психологии. URL: <http://www.psyhodic.ru/arc.php?page=3910> (дата обращения: 12.10.2017).

4. Гордеева Е. Г. Ценностные ориентации и проблема самореализации человека в различные периоды жизни [Электронный ресурс] // Материалы конференции «Ломоносов-2007». Секция

«Психология». URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/16/Gordeeva_EG.pdf (дата обращения: 17.10.2016).

5. Гуманистическая и трансперсональная психология / сост. К. В. Сельченко. М. : АСТ, 2000. 458 с.

6. Доржиева М. О. Особенности самоактуализации личности в юношеском возрасте (на примере студентов вуза) // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 2. С. 68–71 : [сайт науч. электрон. б-ки eLibrary]. URL: https://elibrary.ru/project_user_tools.asp (дата обращения: 05.09.2017).

7. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. 9-е изд. СПб., 2010. 944 с. (Сер. : Мастера психологии).

8. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М., 2006. 63 с.

9. Маслоу А. Мотивация и личность : пер. с англ. 3-е изд. СПб., 2011. 352 с. (Сер. : Мастера психологии).

10. Овсяник О. А., Фоминова А. Н. Особенности жизнестойкости женщин различных возрастных групп // Вестн. МГОУ. Сер. : Психол. науки. 2015. № 2. С. 28–33.

11. Петрова Н. И. Краткие сообщения. Уровень самоактуализации студентов и их социально-психологическая адаптация // Психол. журн. 2003. № 3. С. 116–120.

12. Рябикина З. И., Ожигова Л. Н. Женщина-руководитель: проблема самоактуализации в контексте полоролевых характеристик личности // Сб. науч. тр. КГУ МРЦПК. Краснодар, 2000. № 3. С. 15–20.

Статья поступила в редакцию 21.12.2017 г.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 17.035 + 316.7 + 39 + 008

М. В. Капкан
Л. С. Лихачева

«ЮНОСТИ ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО»: ЭТИКЕТНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

В статье анализируются вопросы формирования этикета в российской культуре начала XVIII в. Используя идеи и подходы Н. Элиаса (идея изменения социального стандарта приличий), Ж. Ревеля (идея исторической трансформации границ публичного и частного пространства) и Р. Лакофф (различение вежливости как *civility* и *politeness*), авторы раскрывают специфику и новизну этикетных стандартов и моделей поведения, представленных в книге «Юности честное зеркало». Делается вывод о том, что развитие этикета в России происходило нелинейно и состояло в большей степени не в замене правил, но в трансформации их семантики и социокультурных функций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: этикет; приличия; «Юности честное зеркало»; «Домострой»; «Гражданство обычаев детских»; социокультурные новации; стандарты и модели поведения; российская культура XVIII в.; культура повседневности.

2017 год в России богат на юбилеи, связанные с поворотными моментами национальной истории. Однако рядом с годовщинами социально-политических событий остается почти незамеченной еще одна дата — трехсотлетие публикации книги «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению» [16]. Хотя масштаб трансформаций, вызванных ее появлением, значительно скромнее, чем революционные преобразования 1917 г., эта книга, несомненно, сыграла существенную роль в изменении российских нравов и формировании культуры поведения в российском обществе. В чем новизна этого сочинения для

КАПКАН Мария Владимировна — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (e-mail: m-kapkan@mail.ru).

ЛИХАЧЕВА Лилия Сергеевна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (e-mail: likhacheva08@rambler.ru).

© Капкан М. В., Лихачева Л. С., 2018

становления российской культуры приличий? Как оно повлияло на изменение этикетных стандартов и их социального и культурного статуса в России? Обладает ли оно сегодня культурным потенциалом или сохраняется исключительно в качестве «русского литературно-педагогического памятника начала XVIII в.», как пишут о нем многочисленные словари и энциклопедии? Поиску ответа на этот вопрос и посвящена данная статья.

Строго говоря, «Юности честное зеркало» не первая российская книга, в которой излагались правила приличий, но именно этот сборник стал своеобразным символом Петровских реформ в сфере повседневности. За ним закрепилась репутация издания, кардинально изменившего нормы общественного поведения, и именно от него принято отсчитывать историю развития этикета в России. Но, несмотря на это, книга до сих пор остается во многом обделенной исследовательским вниманием. Как правило, о ней лишь упоминают в контексте истории развития педагогических идей или российского этикета. Причина того заключается, в частности, в несовершенстве текста с литературной точки зрения и простоте его содержания. Можно вспомнить слова В. О. Ключевского, назвавшего «Юности честное зеркало» «ничтожной немецкой книжонкой» [6, 231]. Сходные суждения появляются и в статьях современных исследователей. «Книга довольно жалкая... но полезная», — вторит Ключевскому С. Н. Земляной [4, 154]. Но подобные сочинения, как и другие образцы наставнической и рекомендательной литературы, редко бывают стилистически безукоризненны и наполнены серьезным философским содержанием, да и не в этом заключается их ценность. Гораздо более существенно, что в них зафиксированы изменения идеальных представлений о приличном поведении и реальных нравах эпохи.

Вместе с тем порой упускается из виду тот факт, что «Юности честному зеркалу» предшествовала не слишком богатая, но устойчивая традиция нравоучительных книг, таких как «Домострой» и «Гражданство обычаев детских», в которых внимание уделялось как моральным качествам личности, так и правилам пристойного поведения [2, 3]. А потому для понимания значения «Юности честного зеркала» для развития этикета в России необходимо выяснить, в чем заключается его новаторство по сравнению с книгами допетровской эпохи, обращавшимися к вопросам хороших манер.

Методологическая стратегия решения этой проблемы опирается на три ключевые идеи, восходящие к опыту анализа теории и истории этикета в социологии, исторической науке и лингвистике.

Первая идея подробно разработана в классическом исследовании Норберта Элиаса «О процессе цивилизации». Книги по этикету раскрывают *изменение социального стандарта приличий*, в котором наибольшее внимание уделяется контролю над спонтанными телесными проявлениями и аффективными эмоциональными реакциями. Круг правил и стиль изложения, по мысли Н. Элиаса, указывают на меру чувствительности общества к тем или иным явлениям телесности, привычность или неординарность определенных моделей поведения [14].

Второй идеей, позволяющей проанализировать направление и суть этикетных новаций и вписывающей их в контекст истории повседневности, является идея

исторической трансформации границ публичного и частного пространства, задаваемых пособиями по этикету. Одним из индикаторов этих трансформаций служит изменение представлений о том, что предназначено для чужого взгляда и делается напоказ, а что не следует демонстрировать посторонним. Так, согласно исследованию дидактической литературы, проведенному Жаном Ревелем, в европейской культуре XVI–XVIII вв. постепенно и нелинейно меняется как набор публичных социальных ритуалов, так и их форма [12]. Сходные процессы свойственны и российской культуре рассматриваемого периода.

Наконец, третья идея касается не столько социокультурного значения книг по этикету, сколько категории вежливости, и требует обращения к оппозиции *politeness/civility*, в которой воплощается разница между индивидуальным и социальным измерением вежливости. В русском языке это различие не столь очевидно на уровне дискурса (градация корректности и вежливости/любезности лишь приблизительно может быть сопоставлена со смысловыми нюансами, скрывающимися за английскими вербальными обозначениями), но вполне ощутимо на уровне идей и практик. Культурное значение этой оппозиции проясняется, если обратиться к ее негативному варианту *impoliteness/incivility*, что и делает американский лингвист Робин Лакофф. Согласно ее наблюдениям, в обоих случаях подразумевается нарушение устоявшегося порядка, но в первом случае невежливое поведение расценивается как издержки воспитания и неумение себя сдерживать, свойственные конкретному человеку, во втором — как высшая степень конфликтности общества, чреватая нестабильностью [17, 36–43]. Соответственно, обучение вежливости позволяет, с одной стороны, социализировать отдельного индивида, а с другой — утвердить правила этикета в качестве способа социального контроля. Хотя эти аспекты вежливости связаны отношениями комплементарности, в различные исторические периоды на первый план выходят разные задачи обучения хорошим манерам. Этикет то становится частью символического капитала и условием личного успеха, то важным элементом социальной и культурной политики, социальным регулятором. Следовательно, анализ пособий по этикету позволяет проследить изменения в социальном и культурном статусе приличий.

«Юности честное зерцало» и его предшественники объединены рядом общих черт как на уровне формы и способа бытования, так и с точки зрения содержания. Несмотря на значительные временные дистанции, отделяющие эти книги друг от друга, в них в равной степени ослаблено авторское начало. Не случайно для каждой из этих книг вопрос об авторе текста во многом остается дискуссионным. Это вполне предсказуемо в случае «Домостроя», но достаточно неожиданно для более поздних текстов, созданных в периоды значительно большей авторской активности. Здесь же автор выступает преимущественно как составитель, толкователь, а авторская концепция проявляется в основном в отборе правил. Таким образом, каждая книга отражает традиционные коллективные представления о хороших манерах, пусть даже источники этих традиций могут различаться. Можно сказать, что анализируемые тексты опираются на авторитет не автора, а традиции или власти.

Если обратиться к содержанию книг, то можно заметить, что во всех трех текстах собственно этикетные правила соседствуют с моральными наставлениями. Более того, сами «технологии поведения», т. е. конкретные алгоритмы действия в определенных ситуациях, зачастую отходят на второй план. Граница между этикетом и моралью размыта, и уместно говорить о своего рода этико-эстетическом синкретизме, отраженном в данных текстах. Так, например, в «Гражданстве обычаев детских» обоснованием того или иного требования часто служит указание на то, что его нарушение свойственно «гнусным людям». Этикет выступает не столько в качестве самостоятельной характеристики поведения (хотя отдельные правила, приводимые в книгах, описывают последовательность действий, которая должна быть доведена до автоматизма в соответствующих случаях и при этом не служит критерием оценки нравственных качеств личности), сколько как предпочтительный способ оформления моральных добродетелей.

Кроме того, при сравнении трех книг обнаруживается устойчивый набор этикетных ситуаций¹, которым уделяется особое внимание, своего рода этикетный инвариант, который с некоторыми модификациями воспроизводится во всех анализируемых текстах. Во-первых, это ситуация общения с людьми более высокого социального статуса. При этом в «Домострое» основными носителями этого статуса выступают царь, представители духовенства и родители, в «Гражданстве обычаев детских» — старшие по возрасту, а «Юности честное зеркало» сосредоточивается преимущественно на отношении к родителям и старшим по службе. Во-вторых, для всех выбранных дидактических произведений значима ситуация поведения в церкви, как одна из основных ситуаций публичного поведения. Хотя от «Домостроя» к «Юности честному зеркалу» прослеживается постепенное оттеснение ее на периферию этикетных рекомендаций, она все равно сохраняется в структуре всех этих книг. Далее, подробно рассматривается ситуация поведения за столом — наиболее сложная технологически и наиболее вариативная с точки зрения конкретных правил. Наконец, еще одна этикетная ситуация, которая так или иначе представлена во всех текстах, — это ситуация общения с чужими людьми.

Все это позволяет говорить об «отсутствии кардинального культурного разрыва» между этими текстами [1, 113]. Они написаны в едином жанре поучений, отражают ценности патриархального общества. И как точно заметил Ж. Ревель, «...все трактаты такого рода преследовали педагогические цели и были объединены желанием научить правильным манерам. Но эта задача выполнялась разными способами, в зависимости от того статуса, который они придавали своим правилам, от их предполагаемой аудитории, от предлагаемых форм обучения» [12, 192], а также в зависимости от характера этикета и его роли в жизни общества.

Одним из основных факторов трансформации этикетных норм служит изменение социального стандарта. Согласно концепции Н. Элиаса, европейская история

¹ Под этикетной ситуацией понимается «совокупность событий (обстоятельств), протекающих в определенных условиях места и времени, в которых индивиды, вступающие в социокультурное взаимодействие, различаются по статусным признакам и выстраивают взаимодействие с учетом этих различий на базе определенных норм и ценностей» [9, 94–95].

хороших манер развивалась по пути «цивизованности», т. е. превращения «социального принуждения в самопринуждение, в автоматически действующие и привычные регулировку влечений и сдерживание аффектов» [14, т. 2, 257]. Проявлениями процесса цивилизации служат рационализация поведения, формирование чувства стыда («моделирование влечений», в терминологии Н. Элиаса) и усиление контроля над собственным телом в сочетании с усилением чувствительности к чужим телесным проявлениям.

С этой точки зрения «Юности честное зеркало» близко европейским изданиям подобной тематики, написанным в сходных социокультурных условиях. В нем также изложены базовые нормы гигиены и правила поведения за столом, содержатся прямые запреты на свободу телесных проявлений. В частности, накладываются ограничения на плевание, сморкание, громкий смех в публичных местах: «...когда въ беседе, или въ компании случится въ кругу стоять, или сидя при столе, или между собою разговаривая, или съ кемъ тонцуя, не надлежитъ ни кому не приличнымъ образомъ въ кругъ плевать, но на сторону. А ежели въ каморе, где много людей, то прими харкотины въ платокъ, а такъ невежливымъ образомъ въ каморе, или въ церкви не мечи на полъ, чтобъ другимъ отъ того незгадить, или отъиди для того къ стороне... дабы никто невидаль, и подотри ногами такъ чисто, какъ можно» [16, 36–37]. Подробное красочное описание запрещенных форм поведения указывает на их распространенность и на низкий уровень чувствительности к ним.

Однако насколько новы были эти запреты для российской культуры? Обратимся к более ранним дидактическим текстам. В «Домострое» вопросы телесности преимущественно обходятся молчанием. Исключение сделано лишь для поведения в церкви. В остальном же этикет телесных проявлений сводится к требованию чистоты. Но уже в «Гражданстве обычаев детских» вопросы телесного самоконтроля оказываются центральной темой. С них начинается список поучений, и к ним автор многократно возвращается на протяжении всей книги. Детально регламентируются взгляды, выражение лица, поза, походка человека. В частности, даются ответы на вопросы «Каковымъ оубо бровемъ быти приличествуеть?», «Каковы имуть быти ноздри?», «Какова имать быти выя?» [2, 35, 39] и др., исчерпывающе характеризующие все нюансы владения собственным телом. Столь же подробно описывается поведение за столом: правила поведения по отношению к сотрапезникам, способы обращения с пищей, контроль над телесными проявлениями (например, требование воздерживаться от пьянства и запрет вынимать изо рта полупрожеванную пищу). По сравнению с этими предписаниями «Юности честное зеркало» выглядит кратким упрощенным конспектом наиболее существенных правил.

Более того, стиль изложения книги XVIII в. обнаруживает меньшую деликатность и чувствительность к темам телесных проявлений, нежели тексты «Домостроя» и «Гражданства обычаев детских», демонстрирующие известную осторожность при обсуждении подобных предметов. В этом смысле этикетные наставления Петровской эпохи представляют собой шаг назад по сравнению со стандартом приличного поведения, утвердившимся в России полутора веками

ранее. Впрочем, эти колебания сложно назвать существенными. Во всех случаях разговор о сморкании и плевании представляется вполне естественным и не вызывает чувства неловкости или стыда.

Однако если сам свод правил не претерпевает особых изменений в сторону увеличения «цивилизованности», то способы контроля за их выполнением в «Юности честном зеркале» отличаются от предшествующих.

Вспомним, что подготовленная по прямому указу Петра I книга была призвана изменить «архаичные» нравы и привычки (социальные стандарты взаимодействия) и способствовать формированию новой дворянской культуры. Именно дворянство должно было стать той пилотной группой, которая вслед за самим Петром I задавала бы образцы поведения, ориентированные на ценности европейского общества. Однако, как было показано выше, в сфере приличий новые требования не слишком разнились с уже утвердившимися в российской культуре. А потому возникала необходимость присвоить этим нормам новые символические значения. Эта цель была достигнута двумя способами. Во-первых, переосмысливается значение соблюдения правил. На смену идее упомянутого этико-этикетного синкретизма («неприлично, ибо безнравственно») приходит представление о том, что нарушение приличий вызывает неприятные чувства у окружающих. Во-вторых, в «Юности честном зеркале» меняется адресат наставлений. «Домострой» адресовался всему обществу, а его правила были общими для всех социально-культурных групп. В «Гражданстве обычаев детских» адресат определен более четко — образованное юношество. «Юности честное зеркало» же обращено не только к юношам, но и девушкам («девицам»), причем — и это существенное уточнение — дворянского сословия. Таким образом, в этой книге, в отличие от предшествующих образцов назидательной литературы, появляется конкретный адресат — молодые дворяне обоих полов. Иными словами, меняется не столько стандарт поведения в обществе, сколько целевая аудитория этого стандарта.

Конкретизация адресата приводит к возрастанию роли этикета как инструмента социальной дифференциации. Безусловно, и до «Юности честного зеркала» соблюдение приличий определенным образом маркировало человека. «Домострой» дает оценку невежливым людям с точки зрения их добродетельности, а «Гражданство обычаев детских» осуждает некоторые привычки как «поселянские». Но в последнем манеры невоспитанного человека чаще сравниваются с повадками животных; отмечается, что такое поведение подобает «псомъ и кошкамъ», «конемъ баскимъ ярящимся» и т. п. [2, 39], а не человеку. Иными словами, соблюдение правил этикета не свидетельствует о принадлежности к той или иной социальной группе, но считается общечеловеческим свойством, а потому обязательно для любого индивида вне зависимости от его статуса. Следование приличиям либо их нарушение до появления «Юности честного зеркала» позволяло дифференцировать людей по нравственным качествам: поспание описываемых правил поведения свойственно «кошунникомъ, смешникомъ, ругателемъ» [2, 36] в противовес «добрым людям». В сочинении же XVIII в. впервые отчетливо проявляется идентификационная функция этикета: нарушающий правила уподобляется

в тексте «Зеркала» мужику, крестьянину («Надь ествою не чавкай, какъ свиния, и головы не чеши, не проглотя куска не говори, ибо такъ делаютъ крестьяне» [16, 42]), т. е. символически исключается из дворянской среды.

Изменения социального стандарта, дифференциация контроля и становление этикета как инструмента идентификации влекут за собой и переопределение границ частного и публичного. Для предшествующих книг оппозиция публичного и частного в сфере приличий не была определяющей. В «Домострое», где «самый мир рисуется как замкнутое пространство “дома”» [7, 12], регламентация поведения касалась в основном семейных отношений. Общение ограничивалось бытовой, хозяйственно-экономической и религиозной сферами, а потому свойствам публичности обладали лишь ситуации поведения в церкви и отчасти застолья. «Гражданство обычаев детских» уже учитывает наличие определенной аудитории, перед которой, пользуясь метафорой Э. Гоффмана, разыгрывается спектакль повседневных взаимодействий. В «Юности честном зерцале» границы публичной сферы этикета расширяются. Культурные реформы Петра I, как известно, предполагали среди прочего приобщение молодых российских дворян и дворянок к новым формам публичности. В результате возникают новые формы общения людей и, следовательно, потребность в новых нормах, призванных регулировать эти новые культурные практики. Таким образом, расширяется сфера публичных взаимодействий, и эта ситуация потребовала изменения стандартов поведения, которые и зафиксированы в новом сочинении о манерах.

Во-первых, текст «Зеркала» задает образцы новых статусных отношений (гендерных, межклассовых, межвозрастных и др.) как основу этикетных моделей поведения прежде всего для юношей. В предшествующих книгах они касались преимущественно отношений к родителям, старшим родственникам и представителям духовенства. В этой же книге сфера применения данных моделей расширяется и включает также следующие отношения:

— с людьми более высокого статуса и людьми, принимаемыми при дворе: «Имеютъ младыя отроки всегда началствующиъ своихъ какъ при дворе, такъ и вне двора, въ великомъ почтении и чести содержать, подобно какъ сами себе хотять, чтобъ они въ такой службѣ превознесены были. Ибо честь какову они ныне онымъ показываютъ, со временемъ и имъ такаяжъ показана будетъ» [16, 24];

— со знакомыми и незнакомыми на улице: «Никто не имеетъ повеся голову и потупя глаза внизъ по улице ходить, или на люди косо взглядовать, но прямо а не согнувшись ступать, и голову держать пряможъ, а на люди глядеть весело и приятно съ благообразнымъ постоянствомъ, чтобъ не сказали: онъ лукаво на люди смотреть» [Там же, 32–33];

— со слугами и людьми низкого положения: «Младыя отроки должны всегда между собою говорить иностранными языки, дабы темъ навыкнуть могли; а особливо когда имъ что тайное говорить случится, чтобъ слуги и служанки дознаться не могли, и чтобъ можно ихъ отъ другихъ не знающихъ болвановъ разпознать...» [Там же, 18–19]; «слугамъ своимъ и челядинцамъ не должно давать злаго прикладу... но держать ихъ въ страхе, и болше двухъ кратъ, вины не спущать, но выгнать изъ дому...» [Там же, 33]; и др.

Во-вторых, приобретая публичный характер, ряд этикетных действий формализуется, а порой и ритуализируется. По сравнению с «Гражданством обычаев детских» набор самих действий, выполняемых напоказ, остается почти неизменным, но трансформируется соотношение формы и содержания этикетного поведения. Отныне недостаточно просто доброго намерения — оно должно быть явлено соответствующим образом. Общественного порицания или одобрения удостоивается не содержание поступка, но его оформление и соответствие ситуации. Отсюда такие правила, как: «...стретившаго на три шага не дошедь, и шляпу приятнымъ образомъ снявъ, а не мимо прошедши назадъ оглядоваясь поздравлять» [16, 15]; «когда при дворе, или въ другихъ делахъ явитца надлежитъ, то должно въ такихъ церемонияхъ, въ которыхъ напредь того не бывали и не учивались, прилежно присматривать, какъ въ томъ те поступаютъ, которымъ оное дело приказано, и примечать, похваляютъ ли ихъ или хулятъ, и хорошоль они въ томъ поступали или плохо» [Там же, 24–25].

Наконец, самым существенным индикатором изменений в представлениях о публичном и приватном служит появление указаний на поведение женщины в сфере публичного общения. Женщина традиционно была ограничена пространством приватного общения. Более того, если в «Домострое» она упоминается лишь в различных социальных ролях, выполняемых по отношению к другим членам семьи, то в «Гражданстве обычаев детских» отсутствует даже упоминание каких-либо правил поведения для представительниц женского пола. С этой точки зрения «Юности честное зеркало», впервые разрабатывая гендерный аспект наставлений, представляет собой новый этап в развитии российского этикета. Начинают формироваться новые гендерные роли, модели поведения и отношения. Женщина предстает как самостоятельный субъект этикетных взаимодействий, пусть даже активность этого субъекта ограничена. Правила адресованы не хозяйке, жене, матери, невесте, а молодой незамужней женщине безотносительно к ее положению в домохозяйстве.

Однако в правилах, адресованных девушкам, пересмотр границ публичного и приватного пространства осуществлялся непоследовательно и в меньших масштабах, нежели в части «Зеркала», предназначенной для юношей. В разделах книги, посвященных девицам, представляемая модель поведения по большей части все же вполне традиционна. Здесь еще нет этикетных норм ухаживания, куртуазности, характерных для европейского общества этого периода. В целом требования приличий, сформулированные в «Юности честном зеркале», касаются трех сфер отношений молодой дворянки: с Богом, с родителями и мужчинами. И в каждой из них в качестве ценностных доминант определены христианские добродетели: «любовь к слову Божию», «истинное познание Бога и слова его», «страх гнева Божьего», «смирение и почитание родителей», стыдливость, услужливость, воздержанность, молчаливость, целомудрие, смирение и др., которые составляют основу девичьей чести.

Вместе с тем для девушек появляются правила приветливости с посторонними людьми: «Съ чуждымъ говорить учтиво, отвечать ласково, другихъ охотно слушать, и всякое доброжелательство показывать въ поступкахъ, словахъ,

и делах...» [16, 57]. Оговариваются требования приличий к одежде и походке: «Когда девица въ церковь, на торгъ, въ гости или на свадьбу идетъ, надлежитъ и въ походке остерегаться... Ноги ступающія гордо, не любятъ благочинства, ибо можетъ въ такой походке, и резвость быть» [Там же, 71]; «...по платью такожде примечается, что въ комъ есть благочинства, или неискusstва: легкомысленная бо одежда, которая бываетъ зело тщеславна, и выше меры состоянія своего, показуесть легкомысленной нравъ» [Там же, 71–72]. Приводятся в тексте и антиобразцы девичьего поведения, например, слишком вольное женское обращение в обществе мужчин: «Не порядочная девица со всякимъ смеется, и разговариваетъ, бегаесть по причиннымъ местамъ, и улицамъ розиня пазухи, садится къ другимъ молодцамъ, и мущинамъ, толкаетъ локтями, а смирно не сидитъ, но поетъ блудныя песни, веселитца и напивается пьяна, скачетъ по столамъ, и скамьямъ, даетъ себя по всемъ угламъ таскать, и волочить...» [Там же, 68–69].

Таким образом, новые границы публичных и частных этикетных норм оказываются соразмерны своему времени и той социальной структуре, которая складывается в обществе. Хотя, как отмечает В. В. Глебкин, нормы христианской морали в тексте «Юности честного зеркала» перестают быть определяющими, «уступая свое место кодексу чести дворянина (человек — в первую очередь дворянин и лишь потом христианин), тогда как в Домострое картина была обратной (сословная честь была подчинена христианским нормам)» [1, 111], эти изменения проявились по большей части в отношении юношей.

Все эти частные изменения неразрывно связаны с более масштабной трансформацией — переосмыслением значения этикета. И здесь необходимо обратиться к уже упоминавшейся оппозиции *civility/politeness*, т. е. вежливости как противоположности грубости и вежливости как обученности манерам [17, 1–20]. Первая связывается в большей степени с ролью этикета в поддержании социального порядка, вторая — с индивидуальным принятием правил приличия.

«Домострой» утверждает *civility*, т. е. социальный аспект воспитанности, значимость соблюдения установленных правил поведения для сохранения общественного порядка и шире — миропорядка. Не случайно «авторитет прошлого — единственное, что соединяет все источники Домостроя в общей его этикетности» [7, 12]. В «Домострое», как пишет В. Колесов, «нет намеренного сочинительства» [Там же, 8]. То есть фактически в нем представлены те правила, которые сложились в то время в культурной среде российского общества под влияние традиций, обычаев, религиозных установок как «нормальные», «одобряемые обществом» формы поведения. Собрано и описано то, что реально принималось или отвергалось на уровне нравов людей, их привычного поведения, традиций; те самые «правила совместного существования», которые «разрабатываются в процессе бесконечного коллективного саморефлексиования» [12, 222]. Иначе говоря, в «Домострое» как раз и были отрефлексированы те культурные практики, которые уже сложились и стали восприниматься как нормы.

В «Гражданстве обычаев детских» зафиксирована принципиально иная ситуация. В нем практически нет упоминаний об общесоциальной ценности соблюдения приличий, акцент сделан на индивидуальной воспитанности, которая, однако,

рассматривается в ряду нравственных добродетелей. Тем самым хорошие манеры трактуются как свойство человека, достигаемое в результате воспитания.

«Юности честное зеркало» парадоксальным образом объединяет две предыдущие концепции. С одной стороны, в книге утверждается примат общественного служения над семейным долгом, что на первый взгляд недвусмысленно свидетельствует о преодолении incivility и о возрастании роли этикета как способа поддержания социального порядка. При этом важно, что сам порядок утверждается как бы вопреки русским традициям — «по-европейски». И среди многих революционных преобразований быта, осуществленных Петром I, правила повседневного этикета, как мы видим, оказались в наибольшей степени связаны с привычными требованиями должного поведения, зафиксированными в более ранних образцах дидактической литературы, что и позволяло использовать его (этикет) в качестве механизма социальной регуляции. Ведь известно, что в морали и этикете, как неинституциональных формах социальной регуляции, сначала должно произойти складывание и осознание новых форм отношения людей друг к другу, их поведения как чего-то «нормального» и лишь затем закрепление этих форм в повторяющихся поведенческих практиках². Тогда они становятся нормой в данной культурной среде.

Но с другой стороны, в «Юности честном зеркале» впервые в российской культуре хорошие манеры предстают не просто как результат целенаправленного обучения, но и как элемент индивидуального символического капитала. В тексте «Зеркала» появляются требования (критерии) к человеку, претендующему быть истинным придворным. Этому вопросу посвящены пункты 18, 19 и 20. В них нашли отражение те качества, которые воплощались в личностном образце эпохи позднего европейского Средневековья — образце «совершенного придворного». Этот образец был наиболее полно представлен в трактатах Б. Кастильоне «Придворный» и Дж. делла Каза «Галатео, или Книга хороших манер».

Вместе с тем европейский идеальный придворный представлял собой не только образец рыцарских доблестей, но прежде всего творчески одаренную (поэтически и музыкально), гармоничную личность, воплощение грации, внешней красоты и эстетического совершенства. «Я хочу, — говорится в тексте Б. Кастильоне, — чтобы Придворный... помимо благородного происхождения имел бы от природы не только ум, красивую осанку и лицо, но и некую грацию, и, как говорят, породу, что с первого взгляда делало бы его приятным и любезным всякому» [5, 495]. И далее: «Придворный должен в свои действия, жесты, повадки, словом, во всякий свой поступок вносить грацию, и ее, мне сдается, вы рассматриваете в качестве универсальной приправы, без которой остальные свойства и добрые качества будут стоить немного» [Там же, 505].

В представленном же в «Юности честном зеркале» личностном образце придворного при общих необходимых качествах — образованности, знании языков, умении фехтовать, ездить на коне, танцевать — акценты расставлены несколько иначе. Подчеркивается важность не только образованности, но ума и даже

² См. подробнее: [10].

определенной хитрости в достижении целей. Особо оговаривается ценность смелости и отваги, причем не в военном деле, а на гражданской (придворной) службе: «...придворный человекъ имеетъ быть смель, отважень, и не робокъ... И возможесть о своемъ деле самъ предъявлять, и доносить, а на другихъ не имеетъ надеяться. Ибо где можно такого найти, которы бы могъ кому такъ верень быть, как самъ себе» [16, 13–14]. Важно подчеркнуть и то, что в отличие от поведения девиц робость и стыдливость не рассматриваются здесь как добродетели: «Кто при дворе стыдливъ бываетъ, оныи съ порожними руками отъ двора отходить, ибо когда кто господину верно служить, то надобна ему верная и надежная награда» [Там же, 14]. В «Зерцале» одобряется скорее не куртуазное поведение, а деловые прагматичные нравы, соответствующие требованиям государственной службы. И в этом также прослеживается формирование отношения к приличиям и хорошим манерам как к символическому капиталу, способному обеспечить индивиду более высокое социальное положение.

Таким образом, подводя итоги сказанному, можно сделать ряд выводов и обобщений.

Этикет в России XVI–XVIII вв. развивался нелинейно. Суть его эволюции в этот период заключается не столько в появлении принципиально новых правил приличия и отмене прежних поведенческих образцов, сколько в трансформации семантики этих правил, смене ценностных доминант и расширении круга функций, выполняемых этикетом.

«Юности честное зеркало» представляет собой вариант властного насаждения этикета. Но это насаждение внесло новый порядок в традиционные нравы, обеспечив тем самым основу для развития российской культуры приличий. Формирующийся в России двор и придворные правила превратили «видимость в закон общественной жизни» [12, 223].

Безусловной новацией книги является пересмотр границ приватного и публичного в сторону расширения сферы публичного. Причем в наибольшей степени это коснулось стандартов мужского поведения. Стандарты же публичного поведения для женщин только начинают формироваться. Хотя самих правил в тексте еще немного, но примечательно уже то, что женщина становится субъектом не только приватной, но и публичной сфер.

Контроль над физиологическими проявлениями в «Юности честном зеркале» остается на прежнем уровне по сравнению с предшествующими текстами, что свидетельствует об относительной неизменности чувствительности общества к телесным аффектам. Однако способы контроля над поведением дифференцируются. Усиливается контроль за нравами молодежи дворянского сословия и происходит переосмысление значения этих правил: «неприлично, ибо безнравственно» трансформируется в принцип «неприлично, ибо неприятно собеседнику». Можно зафиксировать возрастание роли этикета как инструмента социальной дифференциации и одновременно — социальной идентификации и отделения «своих» (дворян, придворных) от «чужих» (прислуги, крестьян и пр.). Этикет становится своего рода элитарной культурой, знаком принадлежности к этой культуре и особым способом социально-культурной идентификации и самоидентификации личности. Было

создано ценностно-идеологическое обоснование возможности и необходимости интеграции со «своими» и дифференциации, разобщения с «чужими».

Этикет всегда есть отражение социальной структуры общества и тех способов коммуникации, которые для него характерны. Поэтому он призван решать те задачи, которые наиболее востребованы этим обществом. Задача «Юности честного зеркала», в отличие от предшествующих изданий, заключалась не просто в просвещении юношества, а в подготовке молодых российских дворян к решению тех государственных задач, которые ставили Петровские реформы, в частности налаживанию деловых и дипломатических коммуникаций с европейскими странами. В этом смысле этикет в России обретает статус символического капитала, благодаря которому юноша дворянин мог продвинуться по карьерной лестнице, обрести благосклонность государя при дворе, получить иные дивиденды. Этикетные стандарты и модели поведения, представленные в «Юности честном зеркале», выступили культурно-конвенциональной формой регуляции межличностных отношений. Они позволили обеспечить культурные (символические) механизмы интеграции дворянства как социальной группы в некую субкультуру, отделив ее внешне от всех других, придавая представителям этой группы особые отличительные признаки — знаки этикетного поведения (особую манеру беседовать, приветствовать друг друга, вести себя за столом и т. д.). В обществе был создан некий «символический порядок» (П. Бурдьё).

Текст «Юности честного зеркала», безусловно, представлял собой некую компиляцию западноевропейских источников, но все же изложенные в книге правила во многом были связаны отношениями преемственности с российской традицией приличий. В этом смысле российская культура, в том числе культура приличий, не была полностью заимствованной у Запада. Эту мысль удачно выразил А. И. Панченко: «Петр I и его сподвижники учились языку европейской постренессансной культуры и говорили на нем, хотя с сильным русским акцентом» [11, 136].

Правила, изложенные в «Юности честном зеркале», в большинстве своем сохраняют свой смысл и значение в современной культуре. История этикета, как и история культуры в целом, — это «не только история изменений, но и история накопления ценностей, остающихся живыми и действенными элементами культуры в последующем развитии» [8, 5]. И это свидетельство того, что «Юности честное зеркало» и через 300 лет представляет собой не застывший памятник культуры прошлого, а живой источник, к которому восходят современные правила хорошего тона и который продолжает оставаться актуальным и интересным в исследовательском плане. Э. Сепир писал: «Прошлое представляет интерес для культуры только тогда, когда оно по-прежнему является настоящим или может еще стать будущим» [13, 485]. «Юности честное зеркало» — это убедительный пример такого прошлого.

1. Глебкин В. В. От христианина к дворянину: системы базовых ценностей «Домостроя» и «Юности честного зеркала» // Россия XXI. 2013. № 4. С. 96–113.

2. Гражданство обычаев детских // Буш В. В. Памятники старинного русского воспитания: (К истории древнерусской письменности и культуры). Пг., 1918. С. 33–57.
3. Домострой / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова. М., 1990. 304 с.
4. *Земляной С. Н.* Онтология и этика светскости: (О жизни света и светской жизни в Европе и России) // *Этическая мысль*. 2003. № 4. С. 145–160.
5. *Кастильоне Б.* О придворном // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: быт, нравы, идеалы. М., 1996. С. 469–547.
6. *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 т. М., 1989. Т. 4. 399 с.
7. *Колесов В. В.* Домострой без домостроевщины // Домострой / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова. М., 1990. С. 5–24.
8. *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. Л., 1973. 254 с.
9. *Лихачева Л. С.* Этикет в социальном взаимодействии: полипарадигмальный подход. Екатеринбург, 2000. 156 с.
10. Нравы как социально-культурный феномен: проблема модернизации в современной России : моногр. / [науч. ред. Л. С. Лихачева]. Екатеринбург, 2013. 288 с.
11. *Панченко А. И.* Русская культура в канун Петровских реформ. Л. : Наука, 1984. 205 с.
12. *Ревель Ж.* Применение вежества // История частной жизни / под общ. ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Т. 3 : От Ренессанса до эпохи Просвещения / под ред. Р. Шартье. М., 2016. 720 с.
13. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. 656 с.
14. *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования : в 2 т. М. ; СПб., 2001.
15. *Элиас Н.* Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. 368 с.
16. Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению [репринт. изд. с факсим. изд. 1976 г.]. М., 1990. 88 с.
17. Broadening the Horizon of Linguistic Politeness / ed. by R. T. Lakoff and S. Ide. Amsterdam, 2005. 344 p.

Статья поступила в редакцию 25.09.2017 г.

УДК 2-5:7.01 + 7.011.26

Л. А. Шумихина
В. Н. Попова

ЦЕРКОВНОЕ ИСКУССТВО КАК МЕТАФИЗИКА ДУХА И ДУХОВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ

В статье обосновывается значимость церковного искусства как исторически сложившейся основы культурной памяти и духовного истока древнерусской культуры, а также — метафизики духа культурной идентичности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культурное наследие; метафизика духа; церковное искусство; красота; культурная память; духовная сущность человека; культурная идентичность; иконосфера.

Лицо России не может открыться только в одном поколении, современном нам. Падение, оскудение одной эпохи... только гримаса, на мгновение исказившая прекрасное лицо, если будущее сомкнется с прошлым в живую цепь.

Г. П. Федотов

Сохранение культурного наследия — одно из важнейших направлений современной культурной политики России, определяющих ее стратегию. «Культурное наследие» — понятие, раскрывающееся во множестве аспектов его осмысления: подлинная, не искаженная различными идеологиями история культуры, традиционные ценности культуры и ее духовные ориентиры на протяжении тысячелетия, образы человека и его идеалы, материальные артефакты культуры. Культурное наследие «охраняется» культурной памятью. А культурная память так же, как и культурная идентичность, базируется на культурном наследии.

Культурная память как одна из коллективных форм воспоминаний существует и в социальном измерении, и в материальных формах. Содержание культурной памяти не является статичным, оно трансформируется под влиянием социально-культурных изменений, при этом отдельные ее составляющие являются базой актуальной культуры. Фиксация фрагментов культурной памяти возможна через отдельные артефакты, которые сохраняются в неизменном виде либо с незначительными изменениями, и таким образом культурная память «закрепляется»

ШУМИХИНА Людмила Аркадьевна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (e-mail: shum@isnet.ru).

ПОПОВА Виктория Николаевна — кандидат культурологии, доцент кафедры продюсерства, теории и практики исполнительских искусств Екатеринбургского государственного театрального института; доцент кафедры истории искусств и музееведения Уральского федерального университета (e-mail: Victoria.N.Popova@yandex.ru).

© Шумихина Л. А., Попова В. Н., 2018

в пространстве. Благодаря особым «местам памяти» (термин П. Нора), в качестве которых могут выступать как некие материальные объекты, так и праздники, торжественные собрания в честь чего-либо (кого-либо), социум оказывается скрепленным общей идеей, общим содержанием воспоминаний, представлений о прошлом. Через символические формы памяти утверждается сложившийся в обществе порядок. Кроме того, «места памяти» — это еще и своеобразные «якоря», как бы удерживающие членов общества в потоке истории и культуры.

Через принадлежность к культурной памяти не только формируются представления о прошлом и его оценка, но и происходит становление культурной идентичности членов общества. Каждая культура формирует свои идеалы, образы, систему ценностей, и все это также обретает воплощение в конкретных исторических ситуациях, образцах для подражания, героях времени. Периодическое обращение к культурному наследию, выполняющему символические функции передачи информации о прошлом и понимания этого прошлого, принятия его в качестве «своего», позволяет ощущать себя частью единого целого — культуры. При этом обращение к прошлому становится необходимой составляющей актуальной культуры, без этой базы невозможно дальнейшее ее развитие. В истории русской культуры одним из таких важнейших пластов культурной памяти является древнерусское искусство и его памятники.

Подлинная художественная культура как различные виды искусства способна сохранить для потомков и передать через века эти образы, ориентиры и ценности благодаря наличию в искусстве «эффекта свечи» (А. Ф. Еремеев). «Эффектом свечи» А. Ф. Еремеев называл способность искусства как бы «зажигать» от минувшего или реально существующего бытия другое бытие. И это другое бытие «...горит своим пламенем... превращая в факт не минувшего, а настоящего то бытие, от которого зажглось. В пламени аналогий оживает жизнедеятельность первичная, обладающая способностью существовать практически беспредельно» [6, 47]. Поэтому духовный мир может быть передан и сохранен не как информация, т. е. не рациональным путем, а как художественное бытие культуры, с ее духовными ориентирами, образами человека и идеалами. С момента своего возникновения искусство и становится бытием духовности, так как оно способно погрузиться в реальность, постигая духовный смысл бытия культуры и в этом качестве быть «силой одухотворения сущего» [8, 94]. Сущее, понимаемое в религиозном ключе, — это Бог, в христианстве — Иисус Христос (Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой).

С принятием христианства на Руси православие определяет духовную сущность русского человека: это и нравственная культура народа (православие выработало, по И. А. Ильину, чувство совести, представление о святости и праведности, дух милосердия, жертвенность и терпение); это и правовая культура (потребность справедливости, братства); это и художественная культура (русская живопись произошла от иконы, русская музыка овевана церковными песнопениями, русская архитектура развилась от храмового зодчества, русская литература пошла от церкви и монашества) [10].

«Через искусство протекает созданная Богом сущность мира и человека», — писал И. А. Ильин, характеризуя традиционное для русской культуры понимание

образов православного искусства [9, 72]. Церковное искусство — это великие иконы России, уникальные произведения храмового зодчества, православная музыка, звучащая в храме и за его пределами (церковные песнопения и колокольные звоны), внутреннее убранство, иконостас и фрески храма, церковные богослужения как искусство слова, облачения церковнослужителей, в особенности — праздничные. Образцы церковного искусства были даром великой Византии, культурный диалог с которой начинается с крещения Руси и продолжается в течение полуторых тысячелетий до падения последней. В. Ф. Эрн пишет, что «эллинистическая культура единственное живое продолжение свое находит на православном Востоке, а с принятием христианства — преимущественно в России...» [23, 387]. Для христианства, в особенности восточной его ветви, характерно почитание икон, кроме нескольких конфессий западного христианства (протестантизм и др.). Последнее, вероятно, можно объяснить тем, что ветхозаветный закон запрещал изображения, опасаясь за чистоту культа невидимого Бога. Мусульманство по той же причине отказывается от человекоподобного образа Бога, заменяя его беспредметным изображением. П. Евдокимов предполагает, что отказ этот имеет своей главной причиной непринятие богоподобия человека [4, 202]. В православии же существует функция иконы как видимого образа невидимого. Библейские основания этого — творение человека «по образу Божию». Влияние культуры эллинов определило такие особенности русской культуры, как «фантастическая узорность сказочно-детского воображения» [23], в соединении с таинственной утонченностью. Культуру Святой Руси В. Ф. Эрн называл «особым утонченным духовным классицизмом» [Там же]. Однако все эти возвышенные характеристики культуры Руси не должны давать оснований для отождествления византийских и древнерусских образцов культуры. Византийские образцы на Руси подверглись аккультурации. Характеризуя этот процесс, Л. Билз пишет: «Аккультурация охватывает собою те явления, которые возникают в результате вхождения групп индивидов, обладающих разными культурами, в непрерывный непосредственный контакт, вызывающий последующие изменения в изначальных культурных паттернах одной из групп или их обеих» [2, 348–349]. В трудах В. Н. Лазарева доказано, что образцы византийской письменности и художественной культуры интегрировались русской культурой с собственными образцами в уникальные самобытные духовные шедевры [11]. Таким феноменом является первый русский иконографический сюжет — икона Софии Премудрости Божией. Сравнивая византийскую традицию изображения Софии с изображением ее на древнерусских иконах, П. А. Флоренский пишет: «Если София, в понимании греков, по преимуществу — предмет созерцания, то наши предки прилепились душою к подвигу и к непорочности, возлюбили чистоту и святость отдельной души. И тогда София повернулась к их сознанию другой своей гранью, аспектом целомудрия... аспектом духовного совершенства и внутренней красоты» [20, 389]. В результате аккультурации как двустороннего процесса [13] византийские традиции иконописания становятся в измененном виде достоянием древнерусской иконы, духовной основой дальнейшего развития иконописания на Руси и в этом качестве — нашим культурным наследием.

Сегодня возрождение этих традиций иконописания как важнейшей духовной составляющей культурного наследия — одно из направлений послушания Екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря. Ново-Тихвинский женский монастырь основан в 1810 г. В советское время он был ликвидирован. Ныне монастырь восстановлен. В иконописной мастерской XIX в. проходило послушание около ста сестер и писались не только иконы, но также миниатюры и расписные сувениры. Сейчас в мастерской монастыря трудятся тринадцать сестер. «Основным направлением мастерской является возрождение канонической иконописи Византии, где каждая деталь имеет некий духовный смысл, что даже не зная точно значения всех символов, мы проникаемся ощущением того, что изображение Лица и События — “не от мира сего”» [16].

Хотя на сайте монастыря кратко сказано о возрождении византийских традиций иконописания эпохи Палеологов (XIII–XIV вв.), следует уточнить, что 1396 г. — это уже «Спас» кисти Андрея Рублева, и лики на иконах (не только «Спас») становятся русскими. Русская соборность как единая духовная общность, впервые открывшаяся миру в новом иконографическом сюжете иконы «Троица» А. Рублева, — свидетельство культурной идентичности Руси и итог аккумуляции в диалоге двух культур. Конечно, образцы византийского иконописания сохранились и на Руси. К примеру, византийская икона «Богоматерь Перивлепта» (XIV в.) и до сего времени пребывает в ризнице Троице-Сергиевой Лавры [12, 238]. Но позволяют ли нам подобные примеры говорить о византийских традициях в иконописании, не упоминая о древнерусских как культурном наследии России? Лики на иконах «не от мира сего» — это один из аспектов проблемы метафизических смыслов русской иконы как христианского космоса, о котором она свидетельствует на основе православного вероучения — нового учения о мире и человеке.

Идея космизма вообще характерна для человеческой культуры, так как связана с духовными процессами ее развития и представлена на различных стадиях истории культуры различных регионов в многообразных модификациях: гармоничный космос Эллады, завершенный философской концепцией; космос Востока, рассматривающий человека как выражение сущности целого («макрокосм» — «микрокосм»); космос иудеев как мир изгнания и плена; космизм восточных славян и т. д. Христианство — это новая концепция космоса, венчающая собой все предшествующие. Это концепция некоей гармоничной духовной реальности, являющаяся результатом Божественного домостроения.

Православное вероучение — это новое учение, которое видит в человеке в первую очередь духовную сущность, обретаемую им в Богообщении, в душевном настрое посредством иконописного образа.

Если для католиков икона — это не образ, способствующий Богообщению, а лишь иллюстрация к священной истории (как говорил еще папа Лев I, иконы — «это Библия для неграмотных» [5, 13]), то русская православная икона, в отличие даже от византийской, как отметил П. А. Флоренский, — это «чистота и святость отдельной души... духовное совершенство и внутренняя красота» [20]. Не только изящество изображения и особенности иконографии и мастерства иконописцев,

но и метафизика духа иконы — это наше культурное наследие. Т. С. Еремина, отмечая значимость иконописания в этом аспекте, пишет: «Беря свое начало от византийской живописи, строго следуя ее канонам, русская живопись сумела выработать самостоятельный язык... и свои живописные приемы, и свои секреты ремесла... Но самое главное заключается в том, что наши далекие предки привнесли в церковную живопись оптимистическое мироощущение, радость полноты земной жизни, утверждение бытия» [7, 463].

В начале XIX в. православные богослужебные пения вновь обрели актуальность. Относительно происхождения богослужебного пения в Священном Писании говорится, что впервые на земле песнь, обращенная к Богу, была произнесена Моисеем и израильтянами сразу после чудесного перехода через Чермное море и спасения от войск фараона. С христианизацией Руси церковное пение стало составляющей частью богослужения, помогающей воспринять священнодействия в храме. Пение «вписывается» во все устройство храма: его убранство, одеяния священнослужителей, иконы, свечи, храмовые священные предметы и тексты богослужения — все свидетельствует в храме о величии Господа и красоте Божиих творений.

Высказывание Ф. М. Достоевского «Красота спасет мир» воспринимается сегодня как поэтическая метафора. Но стоит лишь принять точку зрения человека Древней Руси, в представлении которого красота была способна не только спасти мир, но, будучи почитаема и исповедуемая как одно из Имен Божиих, являлась причиной бытия мира. Красота перестает быть просто эстетическим понятием и начинает пониматься как бытие мира, «как онтологическая данность» [14, 21].

Таким образом, в храме красота — не эстетическое качество действия, а корень всего сущего, «как начало и мера всех вещей, как всеобщая Причина» [Там же]. Классическая формулировка такого понимания красоты дана Дионисием Ареопагитом: «В Прекрасном все объединяется, Прекрасное, как творческая причина, является началом всего, приводит все в движение и связывает все воедино через влечение (эрос) к своей Красоте. Будучи целепричиной всего сущего, Прекрасное является Возлюбленным и пределом всего (ибо рождается для Красоты), и образом — поскольку все определяется в зависимости от него» [3, 108–109].

В высказывании философа и богослова Дионисия в неявной форме дается установка на следование канону в богослужебных пениях, установленных Церковью, — «следовать духу традиции, не нарушая единого с древности строя богослужения» [21, 5]. О. Е. Шелудякова отмечает, что в сложном процессе развития церковных песнопений, несмотря на каноны, выделяют два этапа — с Крещения Руси до XVII в. и со второй половины XVII в. до современности. В каждом из этапов различают периоды превалирования определенного вида песнопений. Второй период связан главным образом с европейским влиянием: украинско-польским (XVII–XVIII вв.), итальянским (XVIII — нач. XIX в.), немецким (XIX в.) [Там же].

В. И. Мартынов, придавая большую значимость процессу развития церковных песнопений, также подразделяет этот процесс на два этапа. Первый этап, на котором исключительно соблюдались каноны, подаренные Руси Византией с христианизацией и к XVII в. составляющие вместе с храмовым действием,

убранством храма, свечами, иконами и иконостасом единое храмовое целое, он назвал иконосферой, которая, по мнению ученого, прекращает свое существование в XVIII в. в связи с упомянутым влиянием Европы. Автор пишет, что «...когда мы говорим о России и Западной Европе XV–XVI вв. ... то речь должна идти о сопоставлении иконосферы и культуры. Осознать это тем более важно, что уже в XVI в. в России началось разрушение иконосферы, в результате чего в XVIII в. иконосфера полностью переродилась в культуру» [14, 215]. Ведущее значение в характеристике древнерусской жизни как иконосферы, по мнению автора, принадлежала древнерусской святости: «Иконосфера держится только на силе молитвы и на силе жития, и если эти силы почему-то ослабевают, то иконосфера неизбежно прекращает свое существование» [Там же, 214–215]. По мнению В. И. Мартынова, на Западе перерождение иконосферы в культуру закончилось к XI в. «Иконосфера России XII–XVI вв. представляет собой наиболее полную, совершенную и завершающую форму общехристианской иконосферы» [Там же, 215]. Эта совершенная форма выражается в условиях Древней Руси как собственные православные эстетика и этика. К примеру, модели идеала и анти-идеала женственности в период иконосферы, как свидетельствуют материалы письменной культуры Византии и Древней Руси VI–XVII вв., представлены именно в эстетическом и этическом аспектах [1]. Если икона — это молитва в красках, то колокольный звон — это икона звучащая, это «музыкальная проповедь, вынесенная за порог храма» (протоиерей А. Мень), это иконосфера, поднятая на поднебесную высоту, возвещающая о вере, о жизни, смерти и бессмертии. XX в. лишил русского человека атмосферы всеприсутствия колоколов в жизни, поэтому многое сегодня утрачено о колоколах и колокольных звонах.

Известно, что стилистика колокольных звонов на Руси развивалась одновременно с певческим искусством — от одноголосного распева, строчного и партесного пения ко все более сложным формам. В то же время звонари черпали свое искусство в частушке и народных мелодиях, а ритмы звонов, в свою очередь, воздействовали на народную музыку. Доказательство народных истоков русской колокольной музыки — Глинка и Мусоргский, Чайковский и Бородин, Римский-Корсаков и Скрябин, К. Саражев и Купрявичус, ярко продемонстрировавшие в своих произведениях естественность соединения народных мотивов с колокольными звонами. А классический пример в этом отношении — кантата С. В. Рахманинова «Колокола», которая и по сей день исполняется во всем мире, принося славу России и утверждая ее величие [22, 293–312]. На Урале ежегодно проводятся фестивали колокольных звонов. Поскольку огромный пласт информации о колоколах потерян в советское время, проведение праздников русских колоколов, безусловно, способствует возрождению и сохранению этого уникального культурного наследия. Уникального потому, что колокольные звоны России не похожи ни на какие другие, ни на западные, ни на восточные [22].

Концепция иконосферы была принята современной наукой неоднозначно. Но в любом случае обозначенный В. И. Мартыновым исторический период в развитии Древней Руси должен быть сегодня заново осмыслен с точки зрения значимости совершенствования духовного мира древнерусского человека как

нашего культурного наследия, которое мы утрачивали начиная с XVIII в., а в особенности — в XX в.

Храмовое зодчество тоже является существенной составляющей иконосферы Древней Руси и его художественно-эстетическая значимость в городской культуре давно отмечена исследователями. Хотя большинство храмов Руси того времени были деревянными и в связи с их недолговечностью вопрос об их конкретном облике пока остается открытым, тем не менее есть основания утверждать, что отличительной особенностью древнерусского зодчества являлся своеобразный подход к символике и архитектурному образу храмового верха (многоглавие храмов). В связи с русской спецификой, существенно отличающей русский храм от византийского, сегодня существует даже гипотеза о заимствовании храмовой архитектуры не у Византии, а у индийских храмов. Но где бы ни было заимствовано многоглавие, в нем воплощена идея соборности искусства православной Руси как внутреннего единства русского народа, обретенного в результате общей литургической жизни в эпоху иконосферы. И в этом существенное отличие русских храмов от европейских храмов и их особенная красота, выраженная как метафизика духа древнерусской культуры.

Влияние Византии на становление христианской культуры Руси проявилось во внутреннем убранстве храма и художественно-стилевых решениях росписей, которые имеют множество вариаций. Церковная красота, как уже отмечено нами, рассматривалась как свидетельство божественной истины, красоты Божьего смысла мира. С этой установкой проводились богослужения и создавались богослужебные облачения, чему до сих пор придается очень важное значение.

Одеяния священнослужителей в храмах, в особенности для литургий двенадцатых праздников, поражают своей красотой и роскошью даже сегодня: дорогие ткани, вышивка, драгоценные камни — все это не случайно напоминает царские одежды Средневековья: многие детали одеяний действительно были позаимствованы из парадных одежд византийских императоров [19, 4]. В «Православной энциклопедии» дается следующее объяснение этой роскоши: «Парадный вид облачений должен передать образ праздничных одежд тех, кому уготована жизнь в Царстве Небесном» [18, 216]. Удивительной красоты облачения священнослужителей в собрании Ярославского музея-заповедника неизменно привлекают внимание посетителей. «Основная часть этой музейной коллекции стала формироваться вскоре после революционных событий 1917–1918 гг., особенно с 1922 г., когда началась деятельность комиссии по изъятию церковных ценностей» [17, 2]. Ценнейшие артефакты церковного искусства были все же признаны художественными памятниками прошлого. В итоге высочайшего мастерства и художественного вкуса предметы из ризниц древних ярославских монастырей и храмов были спасены в музеях от уничтожения или продажи за границу. Впоследствии, как пишут авторы издания, некоторые произведения были перевезены из Ярославля в другие музеи Москвы и Ростова Великого, а сама ярославская коллекция пополнилась артефактами монастырского искусства из Борисоглебского монастыря Ростовской области. Собирались артефакты церковного искусства и в провинции Ростово-Ярославской епархии: облачения священников,

богослужebные покровы и пелены, и самой богатой была ризница Архиерейского дома, так как «...Ростово-Ярославская епархия была основана не позднее XI века. Сейчас Ярославский музей-заповедник располагает одним из лучших в стране собраний шитья и тканей XV — начала XX века» [17, 3].

Создание произведений церковного искусства на Урале — это XVII — начало XIX в. Так, в 1811 г. монахиня Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря Александра (в миру Анастасия Иванова) стала одной из ведущих золотошвей и «возглавила рукодельные мастерские обители» [15, 253]. Сейчас художественные мастерские Екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря возрождаются. В мастерских изготавливается богослужebная одежда: иерейские, дьяконские, пономарские облачения, а также предметы храмового убранства — алтарные и «зальные» (рушники, аналойные облачения и т. д.), по каноническим образцам. Например, при разработке крестов, звезд, орнаментов для облачений в качестве примеров используются византийские и старинные русские узоры VII–XVI вв. Однако это касается форм, орнаментальных деталей, ткани же, оборудование, технологии пошива и обработки — современные. Все изделия изготавливаются из крестовых шелковых и парчовых тканей, но по индивидуальному заказу могут быть выполнены в технике машинной вышивки [16]. В мастерских монастыря, как и в прежние времена, вышиваются иконы, хоругви, плащаницы, покровы, пелены и сувениры: рушники, сумочки для святынь и т. п. Модернизация и новые технологии монастырских мастерских тоже коснулись, причем существенно: профессиональное вышивальное оборудование с программным обеспечением, компьютерные программы для вышивания плащаниц, икон и т. д. К примеру, компьютерная программа плащаницы состоит из 1 500 тыс. стежков. Затем файл переносится в вышивальную машину, сама вышивка занимает от нескольких часов до нескольких дней [Там же]. Очевидно, что в мастерских все идет «в ногу со временем». Но отчего же, читая это, вспоминается верхотурская икона Пресвятой Богородицы (тип «Умиление»), вышитая живой рукой мастерицы? Об иконе этой существует предание, что если молиться искренне перед ней, то Богородица может приоткрыть глаза, как живая. Подлинное произведение художественной культуры всегда живое и потому вечно, так как искусство — бытие духовного.

Возникает вопрос по поводу внедрения современных технологий в монастырских мастерских: не теряется ли из-за компьютеризации творческого процесса по созданию артефактов современной культуры уникальность и индивидуальность как метафизика духа произведения художественной культуры? Или подлинное церковное искусство, и в первую очередь богослужebные одеяния, становится уже только музейным экспонатом прошлого?

В. И. Мартынов, говоря о западноевропейской культуре, в какой-то мере отвечает и на наш вопрос. Автор пишет об утрате полноты христианской истины, девальвированной в ходе становления западноевропейской культуры. Это «вымывание» метафизики духа лучше всего охарактеризовал Карл Юнг: «Западный человек околдован “десятью тысячами” вещей, он видит отдельное, он в плену у “Я” и вещи и пребывает без сознания о глубоком корне всяческого бытия» [24, 239]. В XXI в. «околдованность вещиизмом» постигла Россию. Очевидно, это

коснулось и художественных практик монастырских мастерских. Есть, правда, надежда, что монастырскую художественную культуру спасет от вещизма, от «тени Люциферова крыла» (А. Блок) аскетика, «красота духовная, ослепительная красота лучезарной, светоносной личности, дебелому и плотскому человеку никак не доступная» [21, 99]. Церковное искусство извещает об этой красоте: «Изреченное и услышанное Слово сохраняется в Библии; овеществленное в архитектуре — оно отворяет двери храма; озвученное в пении и представленное в священнодействии — составляет богослужение; таинственно изображенное — раскрывается созерцанию в “видимом богословии” — в иконе» [4, 188]. Все эти виды церковного искусства живут одной таинственной жизнью, все включены в литургическую тайну, и в этом качестве они — наше культурное наследие.

1. Бармина В. Э. Феномен женственности в культуре Средневековья (на материале артефактов письменной культуры Византии и Древней Руси VI–XVII вв.) : автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2009.
2. Билз Р. Л. Аккультурация // Аннотация исследований культуры. Т. 1 : Интерпретация культуры. СПб., 1997. С. 348–370.
3. Дионисий Ареопазит. О Божественных Именах. О мистическом богословии. СПб, 1994.
4. Евдокимов П. Искусство иконы. Богословие иконы. Клин, 2005.
5. Егорьевский М. Православное паломничество: содержание понятий // Православный паломник. 2004. № 6 (19).
6. Еремеев А. Ф. Границы искусства. М., 1987.
7. Еремина Т. С. Мир русских икон и монастырей: история, предания. М., 1998.
8. Закс Л. А. Художественное сознание. Екатеринбург, 1990.
9. Ильин И. А. О сердечном созерцании // Собр. соч. : в 10 т. М., 1996. Т. 3.
10. Ильин И. А. Что дало России православное христианство // Собр. соч. : в 10 т. М., 1996. Т. 9/10.
11. Лазарев В. Н. Распространение византийских образцов и древнерусское искусство // Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство : статьи и материалы. М., 1978. С. 222–226.
12. Лидов А. М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы — парадигмы в византийской культуре. М., 2009.
13. Мартынова Е. И., Шумихина Л. А. Двусторонность как сущностная характеристика процесса аккультурации // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2 (113). С. 149–156.
14. Мартынов В. И. Культура, иконосфера и богослужбное пение Московской Руси. М., 2000.
15. Мастера и мастерские церковного искусства на Урале XVII — начала XX в. : материалы к словарю // Уральская икона. Екатеринбург, 1998. С. 253–339.
16. Ново-Тихвинский женский монастырь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sestry.ru/church> (дата обращения: 16.08.2017).
17. Рудзиевская С. Богослужбные облачения // Рудзиевская С. Православный храм : энциклопедия. М., 2013. С. 216–231.
18. Сокровища древнего Ярославля / сост. С. Е. Блажевская, А. В. Зубатенко. М., 2010.
19. Стерлигова И. Византийские святыни и драгоценности московских государей // Наше наследие. 2010. № 93–94. С. 2–23.
20. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины // Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 1 (1).
21. Шелудякова О. Е. Азбука русского православного богослужбного пения : словарь. М., 2004.
22. Шумихина Л. А. Рождение русской духовности // Русская духовность : в 3 т. Екатеринбург, 2002. Т. 1.

23. Эрн В. Ф. Время славянофильствует. Лекция вторая // Соч. М., 1991. С. 385–401.

24. Юнг К. Архетип и символ. М., 1991.

Статья поступила в редакцию 03.11.2017 г.

УДК 23:39 + 391 + 316.7

Т. В. Богданова

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ГАРДЕРОБА В СОВРЕМЕННОМ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ КАНАДЫ (на примере одежды сикхов)

Непрекращающийся поток иммигрантов способствовал росту этнического, культурного, лингвистического и религиозного многообразия общества Канады. Реализуемая политика мультикультурализма способствует тому, что представители этнокультурных групп носят национальные платья в повседневной жизни. Но если национальные костюмы редко вызывают конфронтации, то религиозная атрибутика и элементы одежды до сих пор провоцируют дискуссии в обществе. В данной статье автор показывает, как элементы одежды и предметы, имеющие отношение к религии, а именно сикхизму, вошли в современную жизнь канадского общества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: религия; сикхи; мультикультурализм; униформа; тюрбан; кирпан; конная полиция.

Данная статья посвящена вопросам, связанным с тем, как элементы одежды и предметы, имеющие отношение к религии, а именно сикхизму, вошли в современную жизнь канадского общества. Но прежде всего необходимо отметить, что тема мультикультурализма широко освещается в трудах как зарубежных, так и отечественных ученых. Среди них в первую очередь необходимо назвать Чарльза Тейлора, канадского культуролога, заложившего основы теории мультикультурализма, и философа Уилла Кимлику, создателя американской теории мультикультурного гражданства. Особый вклад в развитие этой темы привнесли С. Бенхабиб, Н. Глейзер, Б. Парех. К отечественным теоретикам мультикультурализма следует отнести М. В. Тлостанову, В. А. Тишкова, А. И. Куропятника и Т. П. Волкову.

Вместе с тем не многие исследователи рассматривали мультикультурализм как культурную составляющую общества, изучая такие элементы канадского общества, как национальная и другая одежда его представителей.

Как отмечает ученый В. В. Давыдова, среди научных трудов пока нет полноценного комплексного системного исследования костюма, где бы он выступал как основной объект изучения. «Исследования костюма были в основном

БОГДАНОВА Татьяна Владимировна — аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, главный специалист-эксперт Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (e-mail: bogdanovatatianav@gmail.com).

© Богданова Т. В., 2018

вспомогательными, в целях изучения других подсистем бытия и культурных явлений... В настоящий момент существуют разрозненные специальные взгляды на костюм: исторический, социологический, информационный, эстетический и т. д., рассматривающие костюм лишь в одной определенной плоскости» [5, 287].

Понятия «костюм», «одежда» — одни из наиболее сложных явлений, их одновременно можно относить к материальной и духовной культуре. «С одной стороны, это материальные ценности, созданные человеческим трудом и удовлетворяющие определенные потребности, с другой — это произведения декоративно-прикладного искусства, эстетически преобразующие облик человека» [6, 3].

Согласно мнению В. В. Давыдовой, «костюм» — понятие широкое и включает в себя все, что искусственно изменяет облик человека, держась на его теле. Сюда входит одежда, обувь, прическа, украшения, аксессуары и даже макияж [4, 191].

В своей книге «История костюма» исследователь Н. М. Каминская приходит к выводу, что «...именно костюм является выразителем социальной и индивидуальной характеристики человека, его возраста, пола, характера, эстетического вкуса. Безраздельно сливаясь с физическим обликом человека, костюм формирует его в соответствии с общественным эстетическим и нравственным идеалом» [6, 3].

Внешний облик современных жителей городов под влиянием глобализационных процессов претерпел значительные изменения. Мультинациональное, многоконфессиональное население городов, особенно крупных урбанистических центров, представляет собой пеструю картину, где европейское платье уже не является единственно допустимой и приемлемой формой одежды в повседневной жизни. Не исключение и мегаполисы Канады.

Демографическую картину страны можно охарактеризовать довольно популярным определением: «Канада — страна иммигрантов». Действительно, в среднем в страну приезжает четверть миллиона человек в год. Согласно официальным данным за 2011 г., опубликованным Статистической службой Канады, процент населения, родившегося за пределами государства, достиг 20,6 % от общего населения страны [17]. Непрерывающийся поток иммигрантов провоцирует рост религиозного, лингвистического, культурного, этнического разнообразия общества. Переписью 2011 г. зафиксировано более 200 видов этносов. Рост видимых меньшинств происходит в 6 раз быстрее, чем рост остального населения [9, 23]. В 2011 г. видимые меньшинства составляли уже 19,1 % от общего населения Канады, т. е. включали каждого пятого члена общества.

Многообразие этнокультурного состава страны повлекло за собой изменения и в религиозной сфере. Последняя перепись показала, что с начала 2000-х гг. произошло резкое увеличение исповедующих ислам, индуистскую и сикхскую религии, а также буддизм [17].

Для поддержания мирного сосуществования такого многообразия этносов и культур федеральное правительство Канады продолжает реализовывать политику мультикультурализма, принятую еще в 1971 г. Акт о мультикультурализме 1988 г. законодательно закрепил мультикультурализм как «основную характеристику канадской идентичности и культурного наследия страны» [16]. Правительство признало, что канадское общество состоит из «множества сообществ,

объединенных общим происхождением и их исторически сложившимся культурным вкладом в наследие Канады» [Там же]. Кроме того, согласно этому закону, каждое подобное сообщество имеет право сохранять, развивать и делиться своим культурным наследием, а каждый канадец имеет право сам выбирать, к какой этнокультурной группе он принадлежит. В том числе исповедовать свою религию и придерживаться практик и обрядов, связанных с нею: будь то прохождение обучения в религиозной школе или предпочтение религиозной атрибутики светской форме одежды.

Одним из элементов канадской этнокультурной мозаики является культура сикхов.

Хотя сикхизм относительно молодое религиозное направление по сравнению с другими мировыми религиями, большое количество ученых, в том числе и отечественных, посвятили свои работы исследованию этого феномена, а современные учебные и справочные пособия по религиоведению и философии обязательно содержат развернутые статьи, посвященные возникновению и особенностям этой религии. В отечественной науке первые труды, посвященные этому вопросу, появились в середине прошлого века. К ним следует отнести работы Н. И. Семеновой «Государство сикхов» и «История сикхского движения в Индии», В. И. Кочнева «Государство сикхов и Англия», В. Д. Козловского «Религиозно-философское учение сикхизма», А. Г. Бельского и Ф. Е. Фурмана «Сикхи и индусы». Среди трудов современных российских ученых наибольший интерес представляет монография этнографа И. Ю. Котина. В числе иностранных исследований следует упомянуть работы Макалиффа, Гопала, Басрана и Болариа.

Во всех этих работах сикхизм изучался преимущественно под призмой политики, философии, религии, этнографии. В данном же исследовании элементы культуры сикхов рассмотрены через реализацию положений мультикультурализма.

Сикхи — это последователи сикхизма, религиозного учения, зародившегося в конце XV — начале XVI в. Последователи учения проживают преимущественно на северо-западе Индии в штате Пенджаб. Сикхи принимали активное участие в иммиграции из Индии, в первую очередь это объяснялось малоземельем и высокой плотностью населения. Следует отметить, что именно сикхи положили начало южно-азиатской иммиграции в Канаду, будучи «...строителями железнодорожной ветки Канадской Тихоокеанской железной дороги, ведущей к Ванкуверу. Возникшая в начале XX в. небольшая индийская община в Канаде состояла в основном из сикхов, что не мешало канадцам называть их индусами» [7, 295]. Иммиграция сикхов хоть и насчитывает чуть более ста лет, имеет сложную историю: так, можно вспомнить введение квот и запретов на въезд, повлекшее за собой трагедию с судном Комагата Мару [2, 178]. Согласно канадской переписи населения, к сикхам себя причисляют 455 тыс. канадцев, что составляет чуть более 1,4 % [15]. Основываясь на статистике, можно прийти к выводу, что проживающие главным образом в Британской Колумбии, особенно в городах Ванкувер, Виктория и Нью-Вестминстер, сикхи практически не заметны в канадском обществе. Однако в реальности ситуация обстоит по-другому.

Учение сикхизм «...представляет собой своеобразный буфер на стыке двух цивилизаций и двух культур — индуистской и исламской. Сикхизм начал складываться в рамках индуизма, объединяя городские торгово-ремесленные слои; он синтезировал в себе ряд как индуистских, так и мусульманских (в особенности присущих суфизму) черт» [8, 88]. Возникший как еретическое течение индуизма сикхизм характеризуется отрицанием сословного и кастового деления общества, проповедью единобожия и отказом от сложных религиозных обрядов [3, 707]. До наших дней у сикхов сохранилась специальная церемония посвящения в общинники, а также особый кодекс поведения — «пять к», в соответствии с которым сикхам предписывается не стричь волосы и бороду (кеш), носить короткие шаровары (качха), волосы под тюрбаном закреплять гребнем (кангха), всегда иметь при себе меч (кирпан) и железный браслет (кара) [8, 90]. Такие правила делают последователей сикхизма весьма заметными по внешним признакам в канадском обществе. Будучи квалифицированными как представители видимых меньшинств, сикхи в буквальном смысле оправдывают этот термин своею верностью кодексу «пяти к».

При анализе средств массовой информации, находящихся в открытом доступе в сети Интернет, можно прийти к заключению, что именно манера сикхов одеваться и их религиозная атрибутика вызвали в канадском обществе первые дискуссии и конфликты, а именно ношение тюрбана или, на языке панджаби, пагри. Этот обязательный для сикхов головной убор представляет собой трехметровую полоску ткани, которую накручивают вокруг головы разными способами, в зависимости от региона проживания.

Следует понимать, что отторжение вызывает не сам кусок материи, а тот смысл, что он в себе несет, ведь костюм многогранен и многофункционален. В. В. Давыдова выделяет несколько ролей костюма. Среди них особый интерес представляют две функции, передающие окружающим сведения о его носителе как представителе определенной группы социума. Во-первых, костюм отражает национальную принадлежность. Наиболее ярко это заметно на примерах национального костюма. «Это некий символ нации, который принято демонстрировать иностранцам. Такой костюм говорит нам о жизненной парадигме данной общности людей. Понятие о национальном костюме актуализируется как реакция на космополитичность» [4, 191]. Вторая важная для данного исследования функция — это «указание на вероисповедание». Иными словами, канадская культура оказалась не готовой принять культуру и религию сикхов.

Первым и наиболее резонансным делом стала знаменитая судебная тяжба «Балтей Сингх Диллон против Королевской канадской конной полиции» [19], положившая начало проникновению религиозной атрибутики в сферы государственной службы, наиболее жестко регламентированной и консервативной.

В 1988 г. молодой практикующий сикх Балтей Сингх Диллон подал заявление с просьбой принять его на службу в Королевскую канадскую конную полицию (КККП), но отказался сбривать бороду и надевать положенную по форме широкополую шляпу-стетсон, утвержденную еще в 1904 г., вместо тюрбана.

Необходимо понимать, что Королевская конная полиция воспринимается как своеобразная визитная карточка Канады, благодаря отличительному внешнему облику ее офицеров узнают во всем мире. Стандарт парадной формы офицеров конной полиции до 1990-х гг. был пересмотрен лишь единожды. В 1974 г. женщин стали принимать на службу, и для них была разработана униформа, состоящая из юбки и туфель на каблуках.

Отстаивая свои убеждения, Диллон подал прошение об изменении стандарта формы, и в ответ на его просьбу комиссариат принял решение рассмотреть вопрос об отмене запрета на ношение иных головных уборов. Еще десять лет назад на такой запрос ответили бы отказом, однако после провозглашения мультикультурализма официальной политикой, способствующей искоренению дискриминации во всех сферах жизни общества, правительство стало предпринимать меры для привлечения видимых меньшинств на государственную службу, в том числе и в ряды Королевской канадской конной полиции.

Однако если на правительственном уровне были готовы к переменам, то в обществе, еще не привыкшем к мультикультурной идее, это решение было принято негативно. По публикациям в СМИ можно проследить, что критики считали, что канадскими традициями пренебрегают в угоду нужд иммигрантов [16]. Другие ставили под сомнение безопасность офицеров в таком головном уборе, ведь нападающий может использовать тюрбан как ленту для удушения. Наконец, высказывали опасения, что офицер в тюрбане не будет пользоваться уважением у населения. Более 200 тыс. людей подписали петицию Германа Байтнера против ношения тюрбанов, утверждая, что конная полиция — это истинный символ Канады, который не должен быть искажен по каким-либо причинам. В своем интервью Байтнер заявил: «Чтобы привлечь внимание людей, нужны провокационные меры. Действительно ли я расист или выступаю за то, что будет вечным?» [22]. В сельских областях Альберты и Саскачевана, считающихся наиболее консервативными, сотни людей присоединились к акции против ношения тюрбанов в конной полиции, они выпускали значки и плакаты с лозунгами: «Канадец перед вами или сикх». Реакция властей на такое поведение была резко осуждающая. Премьер-министр Брайн Малруней в одном из своих выступлений сравнил протестующих с членами Ку-клукс-клана. «Эти значки и листовки отвратительны и заслуживают порицания. Они немногим остроумнее, разве что менее заметны, чем белые капюшоны» [22].

Вместе с тем можно встретить и статьи сторонников решения комиссариата. Главным образом, это жители крупных мегаполисов, которые ссылались на Канадскую хартию прав и свобод, гарантирующую канадским гражданам свободу вероисповедания и право на свободу от дискриминации на религиозной почве.

В марте 1990 г. правительство Брайна Малруни, верное принципам мультикультурности, несмотря на протесты, приняло решение внести изменения в традиционные стандарты парадной формы офицеров КККП. Были разрешены тюрбаны в качестве головного убора, бороду можно было сохранять по религиозным причинам и женщинам позволяли носить брюки на службе. Заместитель министра юстиции отметил, что это решение «не только верное с точки зрения

закона, но и демонстрирует стойкую приверженность правительства идеям мультикультурализма» [22]. Подчеркивалось, что подобный шаг привлечет больше представителей видимых меньшинства на службу в полицию. Сам Диллон заявил, что рад, поскольку нет больше препятствия, мешающего ему исповедовать свою религию и одновременно служить своей стране. Он прошел необходимое обучение и в 1991 г. стал первым офицером конной полиции Канады, кто носил вместо шляпы тюрбан [19].

Резонанс от этого решения сохранялся еще на протяжении нескольких лет, поскольку естественный процесс изменения общественного мнения, в отличие от государственной идеологии, требует больше времени. Так, в 1996 г., спустя 8 лет после ратификации Акта о мультикультурализме, три бывших офицера конной полиции подали обращение в Верховный суд Канады об отмене разрешения носить тюрбаны. Они заявили, что разрешение носить религиозные головные уборы противоречит Канадской хартии прав и свобод, поскольку мешает офицерам быть нейтральными и свободными от религиозного предубеждения. Верховный суд отклонил иск [11]. В настоящее время канадские граждане, исповедующие сикхизм, могут свободно практиковать свои традиции на службе в КККП.

Вновь тема ношения тюрбанов была поднята в СМИ в июне 2013 г., но на этот раз в области спорта. Квебекская ассоциация по футболу, несмотря на официальное разрешение Канадской футбольной ассоциации, запретила игрокам выходить на поле в тюрбане. Председатель совета директоров ассоциации заявила, что если кто-то хочет играть в тюрбане, то «может делать это на своем заднем дворе» [18]. Свое решение она объясняла вопросами безопасности. Однако уже спустя несколько дней по рекомендации Международной федерации футбола игрокам в Квебеке снова было разрешено выходить на футбольное поле в тюрбане. Футбольная ассоциация провинции «принесла свои искренние извинения, если кого оскорбила своим решением» [13]. Мы видим, что изменились аргументы, приводимые против ношения тюрбанов. Теперь дискуссия разворачивается вокруг физической безопасности носящего этот головной убор, а не нарушения им исторических традиций канадского общества и умаления престижа. Кроме того, следует иметь в виду, что подобные инициативы возникали в Квебеке, провинции, не принявшей мультикультурализм и провозгласившей политику межкультурализма в качестве новой модели интеграции иммигрантов в общество. Согласно этой политике, «культурное многообразие допускается и почитается только при условии безоговорочного доминирования французского языка и культуры» [1, 9], и, следовательно, квебекское общество представляется более закрытым, в том числе по отношению к подобным национально-религиозным элементам одежды.

Спустя 2 года Канадская служба авиационной безопасности приняла новые правила личного досмотра пассажиров, в частности, ввела обязательный вторичный досмотр тюрбанов наравне с любыми другими головными уборами. Согласно новым правилам, любой человек в головном уборе должен пройти через рамку металлоискателя, после чего самостоятельно обыскать головной убор и подвергнутся процедуре осмотра рук на наличие следов взрывчатки [23]. И снова мы видим, что запрет основан на вопросах безопасности, в отличие от первых дебатов

1990-х гг. Ассоциация сикхов Канады крайне обеспокоена таким решением, признанным ненужным, дискриминационным и способствующим распространению расистских идей. Однако, несмотря на ноты протеста, данное постановление Службы остается в силе, и оснований для его отмены на данный момент нет.

В том же 2015 г., в ноябре, впервые в истории Канады министром обороны страны был избран этнический индеец-сикх. Харджит Саджан служил в полиции Ванкувера, а также был в составе канадского военного контингента в Боснии и в Афганистане [14]. Как и любой другой человек, исповедующий сикхизм, Саджан всегда носит обязательный головной убор сикхов в форме тюрбана, как с гражданским костюмом, так и с официальной военной формой. Однако внешний вид министра не вызвал обширных обсуждений, порицаний или недовольства. Основное внимание в СМИ было уделено послужному списку и личным качествам чиновника, которые вытеснили из статей упоминания о модификации в его форме. Ни одного протеста или демонстрации не было зафиксировано в канадском обществе.

Продолжая разговор об отношении к атрибутике религии сикхов, необходимо упомянуть о кирпане, церемониальном изогнутом кинжале, который обязаны носить все совершеннолетние мужчины-сикхи в складках одежды. Несмотря на то что кирпан фактически является холодным оружием, его ношение разрешено в большинстве публичных мест Канады. Так, в 1999 г. Суд Канады по делам о защите прав человека постановил, что авиалинии сами вправе решать, могут ли пассажиры иметь при себе кирпан во время полета [21]. Больше всего разногласий вызвал вопрос о том, стоит ли разрешать ношение кирпана в школах. Спор начался, когда в 2001 г. Гурбадж Сингх Мултани, 12-летний студент общеобразовательной школы Монреаля, выронил свой кирпан на перемене. Дирекция школы, не зная, что юноша приходит в школу с кинжалом, обратилась в Совет школьного округа, который разрешил детям-сикхам носить кирпан, если он будет убран в ножны и надежно спрятан под одеждой. Однако уже спустя несколько месяцев совет изменил свое решение, приравняв религиозный символ к оружию. Взамен сикхам было предложено носить кирпаны, сделанные не из металла, или кулоны в форме кинжала. Сначала молодой человек был отстранен от учебы на время разбирательств, а после запрета на ношение кинжала перешел в частную школу, где ему было разрешено брать кирпан с собой. Семья Мултани, ссылаясь на нарушение свободы равенства и вероисповедания, подала иск в Верховный суд Квебека, который постановил разрешить ношение церемониального кинжала в провинциальных школах на условиях, которые изначально выдвигал совет [10]. Однако в 2002 г. апелляционный суд Квебека обжаловал и отменил это решение. Начались новые тяжбы, главными основаниями которых были вопросы личной безопасности и свободы вероисповедания, и лишь 5 лет спустя Верховный суд Канады разрешил ученикам, исповедующим сикхизм, носить с собой в школу кирпан [12].

Разрешив проносить кирпан в школы, Квебек в 2011 г. запретил ношение этого кинжала в зданиях суда и администрации [21]. В том же году партия «Квебекский блок» предложила закон, запрещающий входить в любые здания людям, имеющим

при себе кирпан. Их предложение было сразу же отвергнуто [20]. В течение следующих двух лет Онтарио и Алберта разрешили проносить кирпаны в здания администрации и судов на всей территории провинций. Таким образом, Квебек продолжает выделяться среди остальных провинций, реализуя жесткую позицию по отношению к чуждым французской культуре категориям. Вместе с тем федеральное правительство, верное принципам мультикультурализма, различными мерами отстаивает право граждан на сохранение и поддержание собственных традиций и обычаев, в том числе в религиозной сфере.

Сикхи, видимое меньшинство, составляющее чуть более 1 % от общего многонационального населения Канады, являются представителями весьма заметной этнокультурной группы с визуальной точки зрения. Связано это в первую очередь с тем, что канадцам, носителям культуры сикхизма, удалось отстоять право носить религиозные элементы одежды: тюрбан, кирпан, а также не сбривать бороду, находясь на военной службе. В 1980-х гг., когда положения мультикультурализма, защищающего право каждого канадца сохранять и развивать его культурное наследие, только проходили апробацию общественного мнения, единственным сторонником сикхской общины было федеральное правительство. Со временем сменилась направленность полемики. Доводы о недопустимости появления такой атрибутики стали основываться на вопросах безопасности, а не на нарушениях традиции и изменениях канадской идентичности. Мы видим, как общеканадская культура интегрировала в себя элементы сикхизма в результате реализации политики мультикультурализма. Культурная политика, в рамках которой гражданам было позволено сохранять свой национальный или религиозный костюм в повседневной жизни, способствовала тому, что этнические группы почувствовали себя частью принимающего общества, обогатив его культурный потенциал. В конечном итоге процесс, начавшийся с конфликтов, призван, наоборот, сократить число конфликтных ситуаций в будущем при диалоге культур.

-
1. *Богданова Т. В.* Новый этап взаимодействия культур в Канаде: мультикультурализм и межкультурализм // *Аспирант : науч.-практ. журн.* 2014. № 4. С. 8–12.
 2. *Богданова Т. В.* Практика политических извинений в Канаде: исправляя ошибки прошлого // *Вестн. Адыг. ун-та. Сер. : Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология.* 2017. № 1. С. 176–182.
 3. *Ганди М.* Революция без насилия. М., 2012. 480 с.
 4. *Давыдова В. В.* Костюм в пространстве культуры // *Виртуальное пространство культуры : материалы науч. конф., 11–13 апр. 2000 г., С.-Петербург. Сер. : Symposium; вып. 3.* СПб., 2000. С. 191–195.
 5. *Давыдова В. В.* Опыт системного рассмотрения костюма // *Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века : К 80-летию проф. М. С. Кагана : материалы междунар. науч. конф., 18 мая 2001 г. С.-Петербург. Сер. : Symposium; вып. 12.* СПб., 2001. С. 287.
 6. *Каминская Н. М.* История костюма. М., 1977. 128 с.
 7. *Котин И. Ю.* Сикхизм в Канаде. Индийская религия в западном мультикультурном обществе // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9.* 2008. № 2. С. 295–301.
 8. *Основы религиоведения / Ю. Ф. Борунков, И. Н. Яблоков, М. П. Новиков и др.* 4-е изд., перераб. и доп. М., 2005. 508 с.

9. *Biles J., Ibrahim H., Tolley E.* Does Canada Have a Multicultural Future // Canadian Diversity. 2005. Vol. 4, № 1. P. 23–28.
10. Canadian Human Right Reporter. Barring kirpan violates freedom of religion. *Multani v. Marguerite-Bourgeoys*, Comm. Scolaire [Electronic resource]. URL: http://www.cdn-hr-reporter.ca/hr_topics/religion-and-creed/barring-kirpan-violates-freedom-religion (accessed: 09.11.2017).
11. CBC Digital Archives. 1990: Sikh Mounties permitted to wear turbans [Electronic resource]. URL: <http://www.cbc.ca/archives/entry/1990-sikh-mounties-permitted-to-wear-turbans> (accessed: 09.11.2017).
12. CBC News. Ban on Sikh kirpan overturned by Supreme Court. 2006. 2 Mar. [Electronic resource]. URL: <http://www.cbc.ca/news/canada/ban-on-sikh-kirpan-overturned-by-supreme-court-1.618238> (accessed: 09.11.2017).
13. CBC News. Quebec Soccer Federation reverses turban ban. 2013. 15 Jun [Electronic resource]. URL: <http://www.cbc.ca/news/canada/montreal/quebec-soccer-federation-reverses-turban-ban-1.1319350> (accessed: 09.11.2017).
14. CBC News. Harjit Sajjan: Meet Canada's new 'badass' defence minister. 2015. 4 Nov. [Electronic resource]. URL: <http://www.cbc.ca/news/canada/british-columbia/harjit-sajjan-badass-canada-defence-minister-1.3304931> (accessed: 09.11.2017).
15. Data tables religion 108 // Statistics Canada. 2011. National Household Survey, Statistics Canada Catalogue no. 99-010-X2011032.
16. Library and Archives Canada. Statutes of Canada. An Act for the Preservation and Enhancement of Multiculturalism in Canada. SC 36-37 Elizabeth II. 1988. Vol. 1, Chap. 31.
17. Study: A look at immigration, ethnocultural diversity and languages in Canada up to 2036, 2011 to 2036 // Statistics Canada catalogue no. 11-001-X. 2017. 25 Jan.
18. The Canadian Press. 'They can play in their backyard': Quebec Soccer Federation's 'laughable' response to turban ban. 2013. 3 June [Electronic resource]. URL: <http://news.nationalpost.com/news/canada/sikh-kids-who-want-to-play-soccer-wearing-turbans-should-play-in-their-backyards-quebec-soccer-federation> (accessed: 09.11.2017).
19. The Canadianencyclopedia. Baltej Dhillon Case [Electronic resource]. URL: <http://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/baltej-dhillon-case/> (accessed: 09.11.2017)..
20. The Huffington post. FactBox: Canada's controversies over religious wear [Electronic resource]. URL: http://www.huffingtonpost.ca/2015/02/27/factbox-canas-controv_n_6772188.html (accessed: 09.11.2017).
21. The Huffington post. Kirpans Allowed In Alberta Courts, Sikhs Can Wear Religious Knives [Electronic resource]. URL: http://www.huffingtonpost.ca/2013/01/28/alberta-policy-allows-sikhs-kirpan-religious-knives-in-court_n_2568248.html (accessed: 09.11.2017).
22. The Washington Post. Canada says sikh mounties can wear turbans. 1990. 16 March [Electronic resource]. URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1990/03/16/canada-says-sikh-mounties-can-wear-turbans/c5fa5ffe-c7e6-42c8-a1dd-eb68426b9938/?utm_term=.e20fa25ac033 (accessed: 09.11.2017).
23. The World Sikh Organization. New turban screening procedure at Canadian airports discriminatory: WSO [Electronic resource]. URL: http://www.worldsikh.org/new_turban_screening_procedure_at_canadian_airports_discriminatory_wso (accessed: 09.11.2017).

Статья поступила в редакцию 10.11.2017 г.

ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается проблема конструирования образа прошлого у молодого поколения в социокультурных условиях современного общества. Характеризуется понятие исторической памяти и его уровни. Конкретизация конструирования образов прошлого осуществляется на примере анализа представлений молодежи г. Екатеринбурга о революции 1917 г. Выявлены основные черты и характеристики образа революционных событий 1917 г. Отмечается стереотипность и фрагментарность конструктов исторической памяти молодого поколения. Показывается специфика социального конструирования представлений молодежи о прошлом в символическом пространстве современной России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историческая память; историческое сознание; социальное конструирование; молодежь; революция 1917 г.

Актуальность и постановка проблемы. В последние годы особую актуальность приобрел такой феномен общественного сознания, как историческая память. Это понятие включает знания об историческом прошлом, его оценки, отношения к нему различных социальных групп, а также его взаимосвязи с реалиями настоящего. Конструкты исторической памяти являются весьма устойчивыми образованиями и во многом определяют образ действий людей, приоритетность методов решения социальных проблем. Изучение революции 1917 г. в контексте конструирования исторической памяти позволяет осмыслить значение данного феномена для сохранения и генерирования новым поколениям жизненно важных смыслов прошлого. Этот период в истории нашей страны характеризуется наиболее яркими примерами преобразовательных практик и проявлений социальной активности значительной части населения. Столетний юбилей Октябрьской революции 1917 г. актуализировал проблему восприятия и осмысления роли этого события в истории нашей страны в академическом дискурсе и в быденном сознании.

Методология и методы исследования. Теоретической основой исследования представлений молодежи об истории революции 1917 г. является социально-конструктивистская методология и концепции исторической памяти. Проблематикой исторической памяти, практиками и технологиями комемораций занимается

ЛЕСИНА Людмила Александровна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (e-mail: llesina@yandex.ru).

ПАВЛЕНКО Алексей Павлович — кандидат исторических наук, преподаватель Колледжа электроэнергетики и машиностроения Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Екатеринбург (e-mail: Pavlenko-09@yandex.ru).

© Лесина Л. А., Павленко А. П., 2018

достаточно широкий круг социологов (Т. Адорно, А. Ассман, П. Нора, П. Рикер, М. Хальбвакс, Ю. Сорока, А. Ручка и др.). Однако обзор специализированной научной литературы, посвященной проблематике исторической памяти, не входит в задачи авторов этой статьи.

Историческая память представляет собой определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость информации о прошлом в связи с актуальностью, возможностью ее использования в настоящем и будущем [4, 41]. Х. Вельцер уточняет, что содержание исторических конструктов обусловлено актуальными целями и задачами, которые стоят перед обществом в целом или отдельными его социальными общностями [1]. В контексте такого подхода к исторической памяти следует обозначить ее основные черты: актуализированность, рациональность и избирательность.

М. Хальбвакс в своих работах также обращался к исследованию феномена исторической памяти [5, 6]. «Существуют основания различать две памяти, одну из которых можно, если угодно, называть внутренней, а другую — внешней, или же первую личной, а вторую — социальной» [5]. Осмысление, интерпретация исторических событий происходит не на индивидуальном, а на коллективном уровне. Тем самым М. Хальбвакс признает, что историческая память, по сути, является социальным фактом, а значит, может быть изучена посредством построения модели эмпирического исследования и использования соответствующего социологического инструментария.

П. Нора, продолжая исследования М. Хальбвакса, рассматривает условия актуализации памяти, особое внимание уделяет концептам идентичности, легитимации и символической власти [2]. В отличие от истории, являющейся репрезентацией прошлого, историческая память — это всегда актуальный феномен, формируемый отчасти стихийно, отчасти целенаправленно под воздействием социализирующих институтов (семьи, учебных заведений, СМИ и др.) и личного опыта людей. Социальное конструирование представляет собой символическую работу социокультурного целого по целенаправленному созданию и рационально-избирательной организации прошлого. Изучая процессы активного конструирования прошлого, П. Нора акцентирует внимание на опасности идеологической манипуляции исторической памятью, которая подвергается «избирательному забвению».

Таким образом, понятие «историческая память» позволяет осмыслить процесс активного конструирования молодежью образа прошлого в социокультурном пространстве актуального состояния общества.

Анализ представлений о революции 1917 г., предпринятый в статье, базируется на материалах социологического исследования, которое было проведено в 2017 г. в г. Екатеринбурге (опрошено 347 человек в возрасте от 16 до 35 лет). Выбор в качестве объекта эмпирического изучения молодежной аудитории неслучаен. Именно молодежь является наиболее перспективным сегментом целевой аудитории стратегий конструирования символического пространства современной России.

Образ какого-либо исторического события представляет собой систему из взаимодополняющих компонентов. Поэтому в процессе изучения представлений молодых людей о прошлом мы попытались выяснить степень их осведомленности

о событиях революции 1917 г., о политических и общественных деятелях того времени, а также определить основные источники формирования представлений об изучаемом периоде в истории нашей страны.

Анализ результатов. Осмысленные оценки предпосылок, событий, последствий революции 1917 г. невозможны без базовых знаний об этом историческом периоде. Поэтому первый блок вопросов в анкете был посвящен выяснению уровня осведомленности молодежи об основных событиях, персоналиях истории революции. В рамках реинтерпретации прошлого в академическом дискурсе предлагаются новые объяснительные модели событий революции 1917 г. В ходе исследования мы попытались выяснить, как молодежная аудитория воспринимает эти обновленные интерпретационные схемы.

Так сколько же было революций в 1917 г.? Мнения молодых людей по этому вопросу разделились. Треть опрошенных считают, что было две революции: в феврале и октябре. Каждый пятый молодой человек уверен, что в 1917 г. была одна великая русская революция, а февраль и октябрь — два ее этапа. Каждый четвертый респондент интерпретирует события февраля как революцию, а события октября — как вооруженный переворот заговорщиков-большевиков.

Респондентам было предложено высказать свое мнение по поводу предположения о том, что В. И. Ленин — немецкий шпион и пришел к власти благодаря немецкому золоту. В последнюю четверть века эта версия часто озвучивается в публицистике и СМИ, причем обычно выдается в качестве бесспорно установленного факта. Однако молодежной аудитории сложно принять версию о финансировании партии большевиков кайзеровским правительством. Только 4 % опрошенных молодых людей полностью согласны с этой интерпретацией исторических событий октября 1917 г. Треть респондентов категорически не согласны с предложенным утверждением, однако еще треть были более осторожными в своих оценках («не бывает дыма без огня»).

В целом следует отметить, что представления молодежи о революции 1917 г. плюралистичны, поскольку формирование конструкта прошлого приходится в основном на занятия по истории в образовательных учреждениях. Появление новых дискурсов в исторической науке, а также изменение академической интерпретации и политической оценки деятельности отдельных исторических личностей обуславливают разнообразие образов, мнений и оценок революционных событий у молодежи.

Конкретизируя сформированный у молодых людей образ революции 1917 г., мы попытались выяснить их знания о событиях и персоналиях этого периода в истории нашей страны. Вызывает оправданную озабоченность тот факт, что уровень осведомленности молодежи, как носителя и артикулятора исторической памяти, о фактах и событиях революции 1917 г. крайне низкий, а сами знания фрагментарны и поверхностны. Молодые люди не знают, какое имя было у последнего российского императора, каждый десятый не знает, кем был В. И. Ленин. На вопрос «Какой император 2 марта 1917 г. издал манифест о своем отречении?» только 68 % молодых людей назвали имя Николай II, 8 % респондентов ответили, что это был Александр II, 6 % — Александр III.

Практически все опрошенные молодые люди отметили, что знают о таком важном факте истории революции, как штурм Зимнего дворца. Для 9 % респондентов революция 1917 г. ассоциируется именно с этим исторически важным действием. Однако ответы молодых людей на уточняющие и конкретизирующие вопросы об этом событии вызывают, мягко говоря, недоумение. Около 40 % респондентов затруднились ответить на вопрос «Какое действие стало сигналом к началу штурма Зимнего дворца?». Лишь 37 % всех опрошенных уверены, что это был холостой артиллерийский выстрел с крейсера «Аврора». Среди старшей возрастной подгруппы (31–35 лет) выбравших данный вариант ответа оказалось 75 % (табл. 1). Каждый десятый респондент легко согласился с провокационным утверждением, что сигналом к началу штурма стал большой костер в виде пятиконечной звезды на противоположном берегу Невы, 9 % опрошенных подтвердили мнение, что сигналом к штурму Зимнего дворца стал зажженный фонарь над Петропавловской крепостью.

Таблица 1

Какое действие стало сигналом к началу штурма Зимнего дворца? (%)

Варианты ответов	Возрастной интервал, лет					Средний показатель
	16–17	18–20	21–24	25–30	31–35	
Включенный прожектор на Дворцовом мосту	9	10	3	4	0	8
Холостой артиллерийский выстрел с крейсера «Аврора»	36	35	26	35	75	37
Сигнальный фонарь над Петропавловской крепостью	12	5	10	4	10	9
Большой костер в виде пятиконечной звезды на противоположном берегу Невы	7	7	22	18	0	10
Затрудняюсь ответить	36	43	39	39	15	36
ИТОГО	100	100	100	100	100	100

Одним из компонентов исторической памяти являются образы политических и общественных лидеров. Респондентам предлагалось, во-первых, назвать деятелей периода революции 1917 г., которых они могли бы вспомнить, во-вторых, кратко их описать. Ответы на этот вопрос демонстрируют размытость исторической памяти молодого поколения. Чаще всего респонденты припоминали имена деятелей прошлого, но затруднялись описать их более подробно. Конструкты образов политических лидеров прошлого, сформированные у молодежи, в большинстве стереотипны, схематичны и одномерны (Чапаев — герой Гражданской войны, Ленин — вождь большевиков). Возможно, это связано со спецификой конструирования образов прошлого, когда в памяти хранятся представления об исторических событиях в «сжатом» виде.

Беспорным лидером по узнаваемости среди исторических личностей революции 1917 г. является В. И. Ленин (90 %). Представления молодых людей о Ленине как исторической фигуре противоречивы, разнообразны, что обусловлено многовекторными оценками этого политического деятеля в информационном пространстве современного российского общества.

В конструировании образов прошлого внимание акцентируется на значении и символах, приписываемых отдельным событиям и персоналиям. Поэтому в анкетном опросе изучалась совокупность тех или иных символов революционного прошлого, воспроизводимых индивидом спонтанно, без подсказки в виде готовых ответов. Для половины молодых людей (57 %) персонифицированным символом революции 1917 г. остается В. И. Ленин. Подобная устойчивая символизация личности стала возможна не только благодаря содержанию учебников по истории России, но и сохранившимся культурным репрезентациям этого символа в виде названий проспектов, памятников. Историческое событие, в восприятии молодежи символизирующее революцию, — штурм Зимнего дворца.

Второе место по узнаваемости в молодежной аудитории занимает Л. Д. Троцкий: больше половины опрошенных (56 %) упоминают его как известного революционного деятеля. Каждый третий упоминает о А. В. Колчаке, Л. Г. Корнилове, П. Н. Милукове. Других политических и общественных деятелей истории революции молодежь знает гораздо меньше: 7 % респондентов отметили, что им известны Л. Б. Каменев, А. И. Гучков, Б. В. Савинков. Каждый десятый смог назвать А. Ф. Керенского, Г. Е. Львова, Г. Е. Зиновьева, Н. С. Чхеидзе. Эпизодически упоминаются (в 3–5 анкетах) Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов. Многие персоналии, не вписывающиеся в актуальные синтагмы прошлого нашей страны, подверглись забвению.

Противоречивость исторической памяти проявилась в оценках молодыми людьми роли субъективного фактора в истории. Подавляющее большинство респондентов (80 %) воспринимают революцию 1917 г. как исторический феномен, вызванный глубокими объективными закономерностями. При этом большинство молодых людей (73 %) уверены, что без В. И. Ленина большевикам не удалось бы прийти к власти. Следует отметить упрощенность исторических оценок и завышение роли отдельных личностей в истории. Между тем любые социальные преобразования невозможны без большого числа сторонников избранного генерального курса действий.

На сегодняшний день наблюдается минимальная объективация революционного прошлого, исключение символов революции 1917 г. из пространства повседневных взаимодействий и культурных практик. Изменение политических и гражданских ориентаций привело к вытеснению из исторической памяти революции и Гражданской войны как неприятных и «неудобных» воспоминаний. Это нашло выражение в изменении названий улиц, населенных пунктов, демонтаже памятников советской эпохи. Между тем уровень осведомленности молодежи об общественных и политических деятелях революции обусловлен представленностью символического пространства в физическом выражении (памятные места, связанные с деятельностью исторических личностей; материальные артефакты;

государственные церемонии). Об истории революции субъекты символического конструирования предпочитают умалчивать, а то и вовсе забыть, стремятся минимизировать объем исторической памяти, сохраняющей информацию, и интерпретации произошедших в тот исторический период событий.

Наглядным примером реконструкции символического пространства в современном российском дискурсе советского прошлого является отмена такого государственного праздника и значимого символа революции как 7-е Ноября. В результате исторического творчества и реализации технологий символизации социального пространства в соответствии с актуальными задачами новой идеологии появился новый государственный праздник — День народного единства (4 ноября). Эти две даты максимально приближены друг к другу в рамках календарного цикла. Молодежь демонстрирует равнодушное отношение к новому государственному празднику, непонимание его истоков и сути, поскольку нет сложившихся традиций его празднования. Каждый четвертый респондент уверен, что 7 ноября и есть День народного единства. Тем не менее дата 7 ноября как символ истории революции 1917 г. и в целом советской эпохи оказалась вычеркнута из активной исторической памяти молодого поколения. И тем показательнее, что многие молодые люди стремятся сохранить в целостности образ эпохи. Больше половины респондентов высказались против демонтажа символов и артефактов, ассоциирующихся с событиями 1917 г.

В связи с этим представляют определенный интерес, на наш взгляд, те различия в уровне осведомленности, которые проявляются при опросе разных возрастных подгрупп молодежи (табл. 2).

Таблица 2

Какой праздник в СССР отмечали 7 ноября? (%)

Варианты ответов	Возрастной интервал, лет					Средний показатель
	16–17	18–20	21–24	25–30	31–35	
День рождения В. И. Ленина	8	5	3	0	0	4
Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции	38	43	45	39	85	44
День народного единства	23	19	32	48	10	24
День согласия и примирения	4	3	3	0	0	3
Затрудняюсь ответить	27	30	17	13	5	25
ИТОГО	100	100	100	100	100	100

Отвечая на вопрос «Какой праздник в СССР отмечали 7 ноября?», представители старшей возрастной подгруппы молодежи в 2 раза чаще, чем представители более младших подгрупп, выбирают вариант «Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции». Социализация 30–35-летних молодых людей проходила в иных социокультурных условиях и в несколько ином символическом пространстве нашей страны, что, безусловно, сказалось на их представлениях

об истории революции. Праздник 7-е Ноября длительное время в России был одним из самых значимых символов истории революции 1917 г. Интерпретируя эмпирические данные, обратимся к идеям Д. Подвойского о том, что сконструированные однажды образы прошлого нельзя полностью видоизменить. Имеет место частичная «реификация» некоторых компонентов исторической памяти молодых людей [3, 64].

Образ тех или иных исторических событий, который сформировался у молодого поколения, является результатом кумулятивного эффекта стратегий разнообразных агентов и институтов социализации, апеллирующих к прошлому (табл. 3). Свое представление и, как следствие, отношение к революции 1917 г. подавляющее большинство молодых людей формирует на основе знаний, полученных самостоятельно из учебников и на уроках истории в различных образовательных учреждениях (школе, колледже, вузе). Здесь возникает явное противоречие. С одной стороны, для 85 % респондентов основной источник информации о революции 1917 года — учебники, в которых представлено систематизированное и устойчивое знание о ходе, причинах, итогах этого события. На занятиях в образовательных учреждениях историческая память должна формироваться не стихийно, спонтанно, а целенаправленно и рационально. С другой стороны, молодежь демонстрирует крайне низкий уровень знаний о фактах и событиях этого периода истории.

Таблица 3

**Из каких источников вы получили представления
о событиях революции 1917 г.?**

Источники информации о прошлом	% от опрошенных
Учебники, преподаватели истории	85
Интернет-ресурсы	34
Кинофильмы	28
Телевизионные передачи	23
Художественная литература	22
Рассказы родственников, знакомых	21

Снижение уровня осведомленности о событиях истории революции закономерно в условиях сокращения представленности данного феномена в символическом пространстве современной России. Кроме того, краткое по количеству академических часов время, которое отводится на изучение данного периода истории страны, не позволяет сформировать у обучающихся целостный и законченный образ революционных событий 1917 г. Учебники предлагают обезличенное и абстрактное знание, ориентированное на рациональное осмысление событий исторического прошлого и наполняющее память лишь отдельными фактами истории, без эмоционального восприятия, интерпретации и сопереживания страданиям своего народа в период социального потрясения.

Целостность анализа представлений молодежи о революции 1917 г. обусловила необходимость связи исторической памяти с ценностными ориентациями, нормами поведения молодых людей. Социологи не раз отмечали утилитарность и прагматизм современной молодежи. Не случайно интерес молодежной аудитории к событиям прошлого определяется тем, насколько приобретенные знания можно использовать в повседневных практиках. Так, 67 % респондентов считают, что события революции 1917 г. происходили давно, знания о них не востребованы в данный момент времени.

Второе место по значимости влияния на процесс формирования образов прошлого у молодых людей, как и ожидалось, занимают интернет-ресурсы. Представленная в виртуальном пространстве информация бессистемна и зачастую отрывочна, что приводит к закреплению в исторической памяти молодежи противоречивых образов.

Формирование представлений о революционных событиях 1917 г., сохранение их в исторической памяти детерминируется воздействием на сознание молодых людей специфических культурных продуктов и практик, прежде всего, произведений литературы и искусства. Каждый четвертый респондент получает знания о революции 1917 г., ориентируясь на визуальный ряд. Речь идет о просмотре кино- и телефильмов о революционных событиях, преимущественно снятых в советский период истории нашей страны.

Художественная интерпретация революционных событий позволяет сформировать устойчивые стереотипы восприятия данного периода истории. Однако следует отметить довольно узкий диапазон произведений (в основном кино- и телефильмов), оказывающих влияние на формирование образа революционных событий 1917 г. Так, в круг названных респондентами художественных произведений о революционных событиях 1917 г. вошли 26 наименований (табл. 4).

В историческом сознании молодежи революционные события охватывают период с 1905 по 1925 г., включающий революцию 1905–1907 гг., Первую мировую войну, Февраль и Октябрь 1917 г., Гражданскую войну. Как следствие, наблюдается смещение во времени и историческом пространстве. Этим можно объяснить появление в ответах респондентов произведений военной тематики — фильмов «Война и мир» (по роману Л. Н. Толстого), «Броненосец Потемкин» (о событиях в 1905 г.), «Служили два товарища», «Сталинград», «Пепел и алмаз» (о событиях 1941–1945 гг.), поэмы А. Ахматовой «Реквием», серии книг «Тайны советской эпохи» (о 1950–1970-х гг.). Хотя молодые люди редко упоминают эти произведения (каждое в одной — двух анкетах).

На выбор респондентов оказывают влияние разные факторы — индивидуальные предпочтения, и репертуарная политика телевидения, и содержание учебных программ. Значимыми для молодежи агентами конструирования образов прошлого являются Интернет и телевидение. Однако киноиндустрия фактически не проявляет интереса к событиям революции 1917 г. Среди названных художественных фильмов и телесериалов лишь единицы сняты в последние годы.

Таблица 4

**Какие фильмы и художественные произведения о революционных событиях
1917 г. вы знаете?**

Варианты ответов	% от опрошенных
Кинофильм «Тихий Дон» (1957)	20
Кинофильм «Ленин в Октябре» (1937)	18
Кинофильм «Адмирал» (2008)	18
Кинофильм «Человек с ружьем» (1938)	16
Кинофильм «Октябрь» (1927)	16
Телесериал «Белая гвардия» (2012)	13
Кинофильм «Юность Максима» (1934)	8
Поэма А. Блока «Двенадцать» (1918)	8
Кинофильм «Собачье сердце» (1988)	7
Телесериал «Рожденная революцией» (1974)	7
Сборник рассказов Л. Разгона «Молодость Республики» (1976)	5
Кинофильм «Неуловимые мстители» (1966)	3
Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» (1945–1955)	3
Трилогия А. Н. Толстого «Хождение по мукам»	3
Кинофильмы «Чапаев» (1934), «Щорс» (1939), «Бег» (1970), «Выборгская сторона» (1938), «Адъютант его превосходительства» (1969), «Большевики» (1987), «Романовы» (2013), «Ангелы революции» (2015), «Батальон» (2015), «Офицеры» (1971), роман А. Солженицына «Красное колесо», книга Г. Уэллса «Россия во мгле» (1964)	1

В историческом сознании современной молодежи революция 1917 г. представлена как феномен отдаленного прошлого, поэтому не является объектом их семейного опыта. Непосредственных носителей памяти, участников этого исторического события в живых не осталось, артефактов в личных вещах практически нет. Лишь каждый пятый респондент отметил, что его представления о событиях данного периода истории нашей страны сформировались в процессе общения с родственниками, большинство молодых людей не знают, участвовали ли их близкие в революционных действиях. С одной стороны, информация и интерпретации событий, которые воспринимает молодой человек в процессе непосредственной коммуникации в собственной семье, непоследовательны и субъективны. С другой стороны, погружение в прошлое через историю своей семьи позволяет сформировать более четкий, личностно значимый и, как следствие, эмоционально окрашенный конструктор образа Революции.

Значительный разрыв в приоритетности источников формирования представлений о революции 1917 г. свидетельствует не столько о стремлении молодежной аудитории получить объективные, научно обоснованные сведения о рассматриваемых событиях, сколько о последствиях технологии забвения, своеобразного

«стирания» символов революционных событий 1917 г. из повседневной жизни. Историческая память мозаична; какими будут ее составляющие — во многом определяется изменением актуальной модели социального времени, политико-идеологическими целями властных структур.

Содержание конструкторов исторической памяти молодого поколения определяет особенности эмоционального восприятия событий прошлого. Только для трети опрошенных образ революции закрепился на уровне эмоций, чувств, самосознания. Исследование показало значительную противоречивость в спонтанных мыслях и эмоциях, которые переживают молодые люди во время воспоминания и осмысления данного периода в истории нашей страны.

Революция 1917 г. — весьма неоднозначное историческое событие, полное драматизма и внутренних противоречий, повлекшее за собой большие нравственные, человеческие и материальные утраты. Не случайно молодое поколение воспринимает историю революции сквозь призму «великих потрясений». Современная молодежь пытается осмыслить с нравственной точки зрения те события, которые происходили в 1917 г. Поэтому революция оценивается определенной частью молодых людей (17 %) как социальная травма, период страшных потрясений общества (красный террор, братоубийства во время Гражданской войны). Тем не менее 10 % респондентов воспринимают революцию как социально значимое событие, которое обусловило появление у людей шансов на изменение социального статуса, как время перемен, активных действий, новых возможностей. Еще 6 % опрошенных молодых людей выражают чувства сожаления из-за многочисленных жертв, но считают, что революция на тот момент была единственно верным решением.

Еще один аспект анализа — насколько актуализирована тема революции 1917 г. не только в академическом дискурсе, но и в обыденном сознании, и каково отношение к ней как к символическому событию в истории нашей страны. Есть ли сейчас необходимость вспоминать и активно артикулировать проблематику революционных событий 1917 г.? Мнения молодых людей разнообразны. Нельзя недооценивать присущий исторической памяти так называемый оптический обман, когда непосредственно воспринимаемые события оцениваются как более значимые.

И тем показательнее ответы на вопрос «Согласны ли вы с тем, что революционные события 1917 г. были давно, поэтому вам они неинтересны?». Только 13 % считают, что давность снижает интерес к событиям революции 1917 г., которые заслоняются повседневными, злободневными проблемами. Половина респондентов нейтральна в своих оценках актуальности знаний об истории революции. Треть опрошенных молодых людей проявляет интерес к событиям этого исторического периода.

Анализ ответов на вопрос «Как вы считаете, стоит ли отмечать 100-летие революционных событий на государственном уровне?» показал значимость революции 1917 г. как элемента исторической памяти молодого поколения. Треть респондентов считает, что революция, несмотря на ее трагические последствия, является важным феноменом в истории развития России, поэтому отмечать ее годовщину нужно на государственном уровне.

Выводы

Образ революции 1917 г. в исторической памяти молодежи сформирован в самом общем виде, не детализирован, противоречив. Представления молодого поколения об отдельных событиях, общественных и политических деятелях прошлого стереотипны и поверхностны.

Тем не менее молодые люди проявляют устойчивый интерес к проблематике истории революции. Важно, чтобы ответом на сформированные познавательные потребности молодежи была подлинная, а не искаженная идеологическими интерпретациями историческая информация. Глубокие знания о разных периодах истории своей страны, в том числе о революционных событиях 1917 г., представляют собой необходимое условие для формирования исторического сознания и гражданственности молодого поколения. Необходимым является поиск наиболее оптимальных в современных условиях форм изучения исторического материала в образовательных учреждениях, создание специфической информационной среды, наполненной не только конкретными фактическими данными о событиях революции, но и художественными образами. Осознанное отношение к прошлому нашей страны важно для современного молодого человека именно потому, что оно позволяет ощутить закономерность исторических событий, которые определили современное состояние общества.

1. *Вельцер Х.* История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/vel3.html> (дата обращения: 25.11.2017).

2. *Нора П.* Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 25.11.2017).

3. *Подвойский Д.* Хвост, виляющий собакой: как актуальное настоящее формирует изменчивое прошлое // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? : материалы социол. чтений памяти В. Б. Голофаства / ред. О. Б. Божков. СПб., 2015. С. 53–64.

4. *Тощенко Ж. Т.* Историческое сознание и историческая память // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург, 2015. С. 40–43.

5. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 25.11.2017).

6. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., 2007. 348 с.

Статья поступила в редакцию 12.12.2017 г.

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 377.018.42 + 377.1 + 316.444.5

Л. Н. Банникова

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В РЕГИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Рассматриваются проблемы, стоящие перед современной системой среднего профессионального образования: дефицит квалифицированных рабочих кадров, «академический дрейф», понижающееся качество подготовки и др. Анализируются возможности ее модернизации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: среднее профессиональное образование; вызовы; качество подготовки; дуальное образование.

В системе среднего профессионального образования в последние годы происходят структурные изменения, обусловленные переходом от двух уровней (начальное и среднее профессиональное образование) к одному уровню — среднее профессиональное образование (СПО), с реализацией двух типов программ: подготовки квалифицированных рабочих, служащих (СПО-ППКРС) и подготовки специалистов среднего звена (СПО-ППССЗ). Сегодня средний контингент колледжа составляет 1,0 тыс. человек против 400 человек пять лет назад.

В 2007–2012 гг. образовательные учреждения профессионального образования были постепенно переданы на региональный уровень. Процесс регионализации позволяет при сохранении единой государственной политики планировать структуру и объемы подготовки кадров в субъектах Российской Федерации на основе прогнозирования потребностей регионального рынка труда.

Оценивая ситуацию в системе подготовки специалистов среднего уровня, исследователи отмечают существование устойчивого отрицательного тренда,

* Работа выполнена в рамках проекта № 15-03-00069, поддержанного РГНФ.

БАННИКОВА Людмила Николаевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (e-mail: urfu.bannikova@bk.ru).

© Банникова Л. Н., 2018

связанного с сокращением приема и сокращением численности выпускников учреждений среднего профессионального образования. Это вызвано неблагоприятной демографической ситуацией (длительный период спада рождаемости в стране и регионе в 2000-х гг.), а также предпочтением выпускниками школ получения высшего, а не среднего профессионального образования [2].

Данные официальной статистики позволяют провести анализ динамики численности студентов по программам средней профессиональной школы лишь до 2014 г. По этим статистическим данным за период с 2000 по 2014 г. численность студентов, обучающихся на программах подготовки квалифицированных рабочих, служащих, в целом по стране сократилась в два раза, в том числе и по всем субъектам Уральского федерального округа. Сокращение контингента студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена, менее масштабное: на 16 % по РФ и на 11 % по Уральскому федеральному округу (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности студентов, обучающихся по программам среднего профессионального образования, тыс. чел.*

Субъекты РФ	СПО-ППКРС			СПО-ППССЗ		
	2000	2014	Изменение, %	2000	2014	Изменение, %
Российская Федерация	1679	774	-54	2361	1982	-16
Уральский федеральный округ	164	74	-55	217	193	-11
Свердловская область	62	25,5	-59	91	78	-14
Тюменская область с округами	34	21	-39	39	46	+18
Челябинская область	53	21	-60	69	55	-20
Курганская область	13	6,5	-50	18	13	-28

* Составлено автором по: [8, 307–343].

Эксперты Центра социального прогнозирования и маркетинга, на основании прогноза Росстата численности населения Российской Федерации до 2030 г., динамики статистических показателей системы образования Российской Федерации за период с 2000 г., осуществили прогноз численности учащихся и персонала образовательных учреждений Российской Федерации до 2020 г. По их оценкам, количество выпускников учреждений СПО будет сокращаться до 2018 г. В последующем начнется их численный рост, однако даже в 2025 г. он не достигнет уровня 2010 г., будет меньше на 15,4 % [11, 45].

В минувшее десятилетие, несмотря на уменьшение абсолютных показателей приема в системах среднего профессионального и высшего образования, набор на программы подготовки специалистов среднего звена оказался наиболее устойчивым. Прием абитуриентов на данные программы сокращался, но это сокращение было гораздо менее значительным, чем сокращение на программах подготовки квалифицированных рабочих, служащих, а также программах высшего

образования. На общем фоне уменьшения численности возрастной когорты сокращение числа обучающихся в системе профессиональной подготовки значительно варьируется по программам подготовки. Резко изменяются пропорции, соотношение количества студентов программы подготовки квалифицированных рабочих, служащих (ППКРС) и программы подготовки специалистов среднего звена (ППССЗ) (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение численности студентов в системе среднего профессионального образования, обучающихся по образовательным программам разного уровня (2000–2014 гг.)*

Субъекты РФ	Соотношение числа студентов, обучающихся по программам ППКРС и ППССЗ	
	2000	2014
Российская Федерация	1 : 1,4	1 : 2,5
Уральский федеральный округ	1 : 1,3	1 : 2,6
Свердловская область	1 : 1,5	1 : 3
Тюменская область с округами	1 : 1,1	1 : 2,2
Челябинская область	1 : 1,3	1 : 2,6
Курганская область	1 : 1,4	1 : 2

*Рассчитано автором по: [8]. За единицу принята численность студентов ППКРС.

В значительной степени эта тенденция объясняется стремительно растущей долей выпускников 9-х классов, поступающих на программы подготовки специалистов среднего звена с тем, чтобы после окончания колледжа поступить в вуз. На сегодняшний день количество учащихся, поступающих на программы среднего профессионального образования на базе 9-го класса, практически сравнялось с количеством школьников, переходящих из 9-го в 10-й класс средней школы [9, 6].

Растущая доля выпускников 9-х классов, поступающих на программы подготовки специалистов среднего звена, становится массовой образовательной траекторией, трендом прошедшего десятилетия. Число студентов, совмещающих при освоении программ подготовки специалистов среднего звена получение среднего общего и среднего профессионального образования, неуклонно растет.

Для техникумов и колледжей это определенный вызов, поскольку теперь они в массовом порядке вынуждены обучать не только по своим профильным программам, но и по программе среднего общего образования. Колледжи становятся своеобразными образовательными посредниками, мостиком между общим и вузовским образованием. Студенты нередко используют обучение на программах специалистов среднего звена, чтобы избежать сдачи ЕГЭ. Если в середине 1990-х гг. 60 % юношей и девушек продолжали учебу в 10-м классе, четверть поступали в учреждения начального профессионального образования и 12,8 % становились студентами средних специальных учебных заведений, то в 2016 г.

лишь 55 % выпускников перешли в 10-й класс, а 31,6 % — поступили в СПО на программы подготовки специалистов среднего звена [12].

Даже после отмены в 2014 г. льгот при переходе из образовательных организаций по подготовке специалистов среднего звена в вуз выбор указанной подготовки сохраняет свою роль альтернативной образовательной стратегии «в университет через колледж». В 2001–2014 гг. в среднем 31 % выпускников программ СПО-ППССЗ в год окончания колледжа сразу же поступали в вузы. По данным социологического исследования проблем профессиональных ориентаций и планов выпускников средней профессиональной школы, проведенного коллективом Института социологии РАН, образование, полученное в учреждении СПО, считают достаточным для успеха в жизни менее 10 % выпускников. Значительное большинство (более 70 %) говорят о необходимости высшего образования [3]. При этом подготовку в СПО-ППССЗ получают, как правило, очно, а высшее образование по большей части — заочно. Этот трек служит альтернативным, безопасным каналом социальной мобильности для социальных групп с ограниченными ресурсами [12].

Проведенный анализ позволяет сделать заключение, что для большинства учащихся колледжей система среднего специального образования является промежуточным этапом в планируемой жизненной и образовательной траектории. Значительная часть (46 %) выпускников демотивированы, не планируют в перспективе работать по получаемой специальности [3]. В результате большая часть функционирования системы СПО (главным образом по программам подготовки специалистов среднего звена) не служит выполнению ее основного назначения — снабжать экономику и общество специалистами такого рода.

Наряду с тенденцией «академического дрейфа» и как следствие — демотивацией учащихся, не менее острой для системы СПО остается проблема качества подготовки специалистов, их востребованность на региональном рынке труда. Несмотря на то, что спрос на выпускников СПО существенно превосходит предложение, почти половина всех зарегистрированных безработных Свердловской области имеют такое образование. В составе безработных граждан доля имеющих высшее профессиональное образование составила 19,3 %, среднее профессиональное образование — 43,1 %, среднее общее образование — 18,1 %, основное общее образование — 17,4 %, не имеющих основного общего образования — 2,1 % [4]. Невостребованность на рынке труда может быть связана как с несоответствием квалификации и компетенций этих людей запросам рынка, так и с нежеланием выпускников СПО трудоустроиваться официально.

Как правило, для оценки эффективности систем СПО используются показатели ресурсов и условий обучения в учреждениях этой системы, т. е. учитывается потенциал, а не эффекты для потребителя — рынка труда и учащихся. Проектом «Социальный навигатор» при поддержке Межрегиональной ассоциации мониторинга и статистики образования (МАМСО) подготовлен рейтинг региональных систем СПО с позиции востребованности их услуг семьями и работодателями [10]. Проведена сравнительная оценка региональных систем среднего профессионального образования с позиций их соответствия по масштабам, качеству и структуре

подготовке требованиям рынка труда и населения. Данные этого исследования по субъектам Уральского федерального округа (УрФО) представлены в табл. 3.

Таблица 3

Рейтинг востребованности систем СПО по Уральскому федеральному округу*

Субъекты УрФО	Численность учащихся по программам СПО на 10 тыс. населения	Индекс востребованности рынком труда	Индекс востребованности населением	Сводный индекс
Свердловская область	167	0,59	0,36	0,48
Челябинская область	155	0,79	0,33	0,56
Тюменская область (без ХМАО и ЯНАО)	134	0,47	0,27	0,37
Курганская область	162	0,57	0,38	0,48
ХМАО	121	0,38	0,21	0,3
ЯНАО	92	0,14	0,10	0,12

* Составлено автором по: [11].

Эксперты уточняют, что однозначных выводов об эффективности или неэффективности той или иной региональной системы профессионального образования не стоит делать. Причин этому две. Во-первых, образовательные организации имеют разную ведомственную принадлежность и невозможно определить, кто отвечает за состояние данной региональной системы в целом. Во-вторых, колледжи и техникумы все еще выполняют социальную функцию. Тем не менее по представленной информации можно оценить уровень доступности программ СПО для населения, а также разрыв между запросами рынка труда и востребованностью образовательных программ средней профессиональной школы населением региона [10].

Вызовы, стоящие перед современной системой среднего профессионального образования (дефицит квалифицированных рабочих кадров, «академический дрейф», демотивация учащихся, понижающееся качество подготовки), актуализировали потребность ее модернизации.

Модернизация системы среднего профессионального образования должна в ближайшее время стать основой национальной образовательной системы. Перед колледжами и техникумами поставлена задача создания новой рабочей интеллигенции, которая примет активное участие в модернизации экономики и развитии общества. Направления развития системы профессионального образования, определенные в 2013 г. Стратегией подготовки рабочих кадров и развития прикладных квалификаций, закреплены в Комплексе мер, направленных на совершенствование системы среднего профессионального образования на 2015–2020 годы [5]. Одно из приоритетных направлений деятельности в сфере СПО — внедрение новых требований к качеству образования через введение новых ФГОС (федеральных государственных образовательных стандартов). По прогнозам, к 2020 г. 50 %

выпускников колледжей и техникумов должны иметь квалификацию мирового уровня, и начать предложено с так называемых «наиболее перспективных и востребованных на рынке труда профессий и специальностей». Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации утвержден список «50 наиболее востребованных на рынке труда, новых и перспективных профессий, требующих среднего профессионального образования» [6].

Все профессии из списка топ-50 условно можно разделить на несколько отдельных отраслей. Самой большой группой востребованных профессий остаются рабочие специальности в сфере промышленного производства в самых разных отраслях. Почти половина специальностей, указанных в топ-50, относится к этой категории. Эти профессии затрагивают весь цикл промышленного производства — от операторов и сборщиков до техников по контролю качества. Кроме того, это специалисты IT-отрасли: администратор баз данных, программист, разработчик веб- и мультимедийных приложений, сетевой и системный администратор, специалист по информационным ресурсам, специалист по информационным системам.

Однако существуют серьезные негативные факторы, влияющие на способность системы СПО успешно решать поставленные перед ней задачи. Важнейшим из них является недостаточная привлекательность профессий рабочих и специалистов среднего звена для населения, незаинтересованность (инерционность) самих образовательных организаций, а также нежелание работников компаний работать со студентами и, как следствие, медленный темп становления модели практико-ориентированного профессионального (дуального) образования. Большая часть работодателей по-прежнему предпочитают доучивать и переучивать своих работников на базе собственных образовательных подразделений.

Термин «дуальное образование (обучение)» пока не определен на федеральном и региональном уровне, и на сегодняшний момент в Российской Федерации отсутствует опыт разработки документов, закрепляющих требования к дуальной модели образования (обучения). На сайте Агентства стратегических инициатив (АСИ) дуальное образование определяется как вид профессионального образования, при котором практическая часть подготовки проходит на рабочем месте, а теоретическая часть — на базе образовательной организации. Система дуального образования предполагает совместное финансирование программ подготовки кадров под конкретное рабочее место коммерческими предприятиями, заинтересованными в квалифицированном персонале, и региональными органами власти, заинтересованными в развитии экономики и повышении уровня жизни в регионе [6].

С 2013 г. в ряде субъектов РФ, в том числе и в Свердловской области, реализуется эксперимент по внедрению технологий дуального обучения в образовательный процесс. Наряду со значительным перечнем ожидаемых положительных следствий внедрения новой модели подготовки, таких как повышение степени соответствия подготовки выпускников по уровню квалификации требованиям современной экономики в целом и конкретного работодателя в частности, сокращение периода адаптации выпускников на рабочем месте, отсутствие необходимости «доучивания» молодых специалистов, существует ряд ограничений,

проблемных моментов. Это и снижение адаптационных способностей выпускника за пределами полученной профессии (специальности), значительное ограничение возможностей выпускника для продолжения образования по профессиональным программам более высокого уровня, риск личностной стагнации и деградации обучающегося [1].

Очевидно, что перспективы развития средней профессиональной школы связаны, прежде всего, с модернизацией содержания подготовки, желанием и умением образовательных организаций находить компромисс между востребованной сегодня технологической составляющей специализации и формированием универсальных когнитивных и иных компетенций работника среднего уровня квалификации, позволяющих ему развивать свой человеческий капитал, не быть привязанным к конкретному рабочему месту.

В Свердловской области накоплен определенный опыт работы в новых форматах подготовки технических специалистов, в том числе по дуальной модели подготовки. На сегодняшний день завершается пилотный этап реализации программы «Уральская инженерная школа». Проведено значительное количество мероприятий по созданию в регионе непрерывной системы подготовки новой генерации инженерных кадров. Результаты регулярного систематического наблюдения количественных и качественных параметров развития региональной системы СПО позволят сформировать предложения по снятию или сглаживанию наиболее острых межинституциональных противоречий (работодатели и система среднего и высшего профессионального образования), избежать появления новых проблем внутри системы профессионального образования.

1. Актуальные вопросы развития среднего профессионального образования : практ. пособие / под общ. ред. А. Н. Лейбовича. М., 2016.

2. *Бондаренко Н. В.* Анализ взаимодействия системы среднего профессионального образования и работодателей, использующих труд работников массовых профессий и специальностей // Мониторинг экономики образования : информ. бюл. 2017. № 6 (105). С. 4–42.

3. *Гаспаривили А. Т.* Ссузы глазами выпускников: работа vs продолжение образования // Вестн. Ин-та социологии. 2016. № 19. С. 53–74.

4. Занятость и безработица в Свердловской области : экспресс-информация. 2017. № 8 : [интерактив. портал Департамента по труду и занятости населения Свердл. обл.]. URL: https://www.szn-ural.ru/cms_data/usercontent/regionaleditor/документы%20департамент/отдел%20программ%20занятости/2017/экспресс-информация%20о%20ситуации%20на%20рынке%20труда%20свердловской%20области%20за%20январь-август%202017.pdf (дата обращения: 20.10.2017).

5. Комплекс мер, направленных на совершенствование системы среднего профессионального образования на 2015–2020 годы : утв. распоряжением Правительства РФ от 3 марта 2015 г. № 349 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 19.10.2017).

6. Методические рекомендации по реализации дуальной модели подготовки высококвалифицированных рабочих кадров [Электронный ресурс]. URL: <http://asi.ru/staffing/dualeducation/> (дата обращения: 20.10.2017).

7. Об утверждении списка 50 наиболее востребованных на рынке труда, новых и перспективных профессий, требующих среднего профессионального образования» : приказ Минтруда России № 831 от 2 нояб. 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/436> (дата обращения: 20.10.2017).

8. Образование в Российской Федерации: 2014 : стат. сб. М., 2014.
9. Программы подготовки специалистов среднего звена: как меняется количественный и качественный состав студентов? // Факты образования. 2015. Вып. 3.
10. Рейтинг региональных систем СПО с позиции востребованности их услуг [Электронный ресурс]. URL: https://gia.ru/sn_edu/20131029/968262805.html (дата обращения: 19.10.2017).
11. Савинков В. И., Ключарев Г. А. Анализ и прогноз численности студентов и преподавательского персонала учреждений профессионального образования. М., 2014.
12. Чередищиченко Г. А. Российская молодежь в системе образования: от уровня к уровню // Вopr. образования / Educational Studies Moscow. 2017. № 3. С. 152–182.

Статья поступила в редакцию 25.10.2017 г.

УДК 378.111 + 378.115.15 + 316.444.5

Г. Е. Зборовский

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ В ВУЗАХ УРАЛЬСКОГО МАКРОРЕГИОНА: ПРЕДПОСЫЛКИ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ*

Цель статьи состоит в анализе связи и зависимости между стратегиями развития вузовских образовательных общностей (научно-педагогического сообщества и студенчества) и трансформациями высшего образования в Уральском макрорегионе (Уральском федеральном округе). Показывается сопряжение между двумя типологиями вузов УрФО: относящимися к ядру пространства высшего образования, его полупериферии и периферии, с одной стороны, и к типологии «университет 1.0», «университет 2.0», «университет 3.0» — с другой. Доказывается, что только переход вуза к типу «университет 3.0» способен генерировать появление новых стратегий развития образовательных общностей в условиях включенности их в решение задач социально-экономического и социокультурного развития макрорегиона и региона.

Ключевые слова: стратегии развития образовательных общностей; высшее образование; Уральский макрорегион; научно-педагогическое сообщество; студенчество.

Развитие Уральского макрорегиона в исторически обозримом будущем во многом зависит от эффективности работы его вузов, их трансформации на пути перехода к новому этапу высшего образования. Этот этап мы связываем со становлением нелинейной модели его развития, с формированием в Уральском федеральном округе (УрФО) системы высшей школы [1, 4]. Ее мы рассматриваем как взаимосвязь образовательных организаций, образовательных общностей,

*Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10046 «Формирование нелинейной модели российского высшего образования в регионе в условиях экономической и социальной неопределенности».

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (e-mail: garoldzborovsky@gmail.com).

управления высшим образованием в Уральском макрорегионе. Саму нелинейную модель функционирования высшего образования мы характеризуем как такой социальный феномен, в котором системообразующим фактором высшего образования станут образовательные общности, прежде всего две наиболее значимые среди них — студенчество и научно-педагогическое сообщество.

Наряду с ними в вузах существуют и другие общности: менеджеры (управленцы), учебно-вспомогательный персонал, административно-хозяйственные работники. Однако при всей их значимости определяющую, «вузообразующую», «вузосохраняющую», «вузоразвивающую» роль играют студенты и педагоги. Они относятся к числу так называемых парных общностей, основной принцип бытия которых определяется невозможностью функционировать друг без друга. В этом смысле образовательная общность преподавателей может существовать только тогда, когда есть общность студентов, и наоборот.

Каждая из этих общностей характеризуется наличием у нее определенной жизненной стратегии. «Жизненная стратегия социальной общности, — пишет П. А. Амбарова, — представляет собой главную линию ее поведения и жизнедеятельности, интегрирующую в себе жизненные планы и программы социальной общности для достижения основных целей и преодоления противоречий, характерных для нее» [5, 41].

Основными элементами структуры жизненной стратегии социальной, в том числе образовательной, общности выступают ее цели и способы их достижения. Что касается факторов реализации жизненной стратегии общности, то в таком качестве могут рассматриваться: ценностные ориентации данной общности; ее возрастные особенности; коллективный опыт ее развития в обществе; место в его социальной структуре; характер и степень жизненной остроты проблем и целей, стоящих перед данной общностью; наличие у общности тех или иных стратегически значимых ресурсов, влияющих на объем и качество ее человеческого капитала. Все эти и ряд иных факторов оказывают серьезное воздействие на развитие рассматриваемых нами образовательных общностей в вузах.

Чтобы лучше понять стратегии развития вузовских образовательных общностей, необходимо ответить на ряд вопросов, касающихся университетов в УрФО. Вот лишь некоторые из них: что представляют собой сегодня в самом общем виде, с точки зрения количественных характеристик, вузы Уральского макрорегиона, в которых учатся и работают интересующие нас образовательные общности студентов и педагогов? Отвечают ли они требованиям развивающихся вузов? Какая модель высшего образования является сегодня в УрФО наиболее распространенной? Ответы на поставленные вопросы помогут понять масштабный характер задач, появляющихся перед образовательными общностями вузов Уральского макрорегиона в связи с изменением стратегий их развития.

Вначале представим самую общую картину высшего образования макрорегиона. В первую очередь следует отметить наличие в нем в настоящее время 53 самостоятельных вузов, расположенных в пяти субъектах Федерации, относящихся к УрФО: Свердловской, Челябинской, Тюменской, Курганской областях и Ханты-Мансийском автономном округе. Еще один, шестой субъект

Федерации в рамках Уральского макрорегиона, Ямало-Ненецкий автономный округ, не имеет самостоятельных вузов. На его территории расположено лишь несколько филиалов вузов из других регионов УрФО и городов, находящихся вне его территории.

Существует заметная тенденция сокращения числа самостоятельных образовательных организаций и филиалов вузов в Уральском макрорегионе. За последние 4 года количество вузов снизилось с 71 до 53 [1, 74; 6, 184].

Что касается общего количества вузовских филиалов, находящихся в УрФО, то оно не поддается строгому и точному учету вследствие быстрых изменений, которые происходят в их статусе и нахождении в информационном пространстве (а то и просто в их существовании). Если о числе вузов и его сокращении у нас есть точные цифры, то в отношении филиалов мы не располагаем достаточно обоснованными данными. Единственное, что можно достоверно утверждать, — это существенное уменьшение их числа.

Среди 53 вузов УрФО — федеральный, национальный исследовательский, два опорных университета, университеты, борющиеся за попадание в группу «5–100». Общую картину уральских вузов дополняет ряд их типологий [1, гл. 2, 3]. Они основаны на следующих критериях: уровень подчинения, размер, широта влияния, отраслевая структура, отраслевая направленность, ориентация на различные виды инженерной подготовки, отражающие специфику УрФО. На основании шести названных критериев резонно выделить соответственно шесть типологий.

Первая типология — по уровню подчинения — включает в себя шесть типов вузов, выделенных в зависимости от статуса учредителя вуза. Выявлено, что в УрФО функционируют вузы всех существующих ныне типов: федеральный (1 вуз), автономные (4), бюджетные (28), казенные (3), региональные (5), муниципальный (1), частные (11). Этим многообразием доказывается, с одной стороны, значительная дифференциация образовательного пространства УрФО, с другой — актуальность и необходимость поиска оптимальной модели (моделей) их развития.

В рамках второй типологии — по размеру — среди вузов УрФО можно выделить: очень крупные вузы (более 20 тыс. студентов) — 3 вуза; крупные (от 10 до 20 тыс. студентов) — 6 вузов; средние (от 5 до 10 тыс. студентов) — 10 вузов; малые (менее 5 тыс. студентов) — 34 вуза.

Третья типология основана на таком критерии, как широта влияния вуза (численность и география иногородних и иностранных студентов, наличие реальных связей с другими вузами и стейкхолдерами). В результате анализа в УрФО выделено: 3 очень крупных многопрофильных вуза; 17 вузов макрорегионального значения; 18 — регионального; 15 — локального значения. Наши исследования показали, что каждый вуз в зависимости от широты своего влияния (город, регион, макрорегион, другие макрорегионы) является необходимым звеном в развитии территории.

Четвертая типология вузов сформирована по критерию их отраслевой структуры. Выявлено, что в УрФО 12 многопрофильных вузов, 6 классических

университетов, 9 вузов с доминирующим профилем, 26 вузов одного профиля. Исследование показало, что профиль вуза является одним из основных факторов для выстраивания сетевых взаимодействий в рамках макрорегиона.

На основе пятой типологии — по критерию отраслевой направленности — выявлено 15 групп вузов и направлений подготовки (инженерные, транспортные, медицинские, юридические, творческие и др.), в рамках которых вузы могут быть объединены в сети. Внутри каждой из этих сетей определены вузы-доноры, акцепторы и партнеры. Каждый вуз вне зависимости от своих характеристик и показателей получает особую роль в системе высшего образования УрФО.

Шестая типология вузов, которая отразила специфику УрФО как индустриального макрорегиона, основана на критериях, характеризующих образовательные организации, ориентированные на подготовку инженерно-технических кадров. В результате анализа вузы УрФО были поделены на четыре кластера: вузы, где не ведется подготовка по инженерно-техническим направлениям (21 образовательная организация); вузы базового инженерно-технического образования (7); вузы основного инженерно-технического образования (10); вузы общего инженерно-технического образования (15). Исследование показало, что наиболее значительные ресурсы для высшего инженерно-технического образования сосредоточены точно, в отдельных группах вузов.

В образовательных организациях Уральского макрорегиона обучается порядка 330 тыс. студентов и работает около 18 тыс. преподавателей. По количеству студентов и преподавателей регионы округа расположились в порядке убывания следующим образом: Свердловская, Челябинская, Тюменская области, Ханты-Мансийский автономный округ, Курганская область, Ямало-Ненецкий автономный округ.

Эмпирической базой материалов, положенных в основу данной статьи, явились результаты социологического исследования, проведенного в 2017 г. научным коллективом Уральского федерального университета под руководством автора этой статьи в вузах УрФО. В выборочную совокупность попали студенты и преподаватели вузов из пяти регионов УрФО — Свердловской, Челябинской, Тюменской, Курганской областей, Ханты-Мансийского автономного округа. Еще один субъект Федерации — Ямало-Ненецкий автономный округ — не попал в выборку из-за отсутствия в нем самостоятельного вуза. Квотная выборка формировалась на основе статистических данных об образовательных общностях пяти регионов УрФО. Внутри каждого региона осуществлялось квотирование по направлениям подготовки (инженерно-техническому, естественно-научному, гуманитарному, социально-экономическому). Объем выборочной совокупности студентов составил 1860 чел., преподавателей — 810 чел.

Рассматривая стратегии образовательных общностей в вузах Уральского макрорегиона, которые могут сформироваться в ближайшем будущем (поскольку речь идет об их развитии), будем связывать эти стратегии с моделями высшего образования (моделями университетов), которых придерживаются конкретные образовательные организации. Эти модели отражают определенную дифференциацию высшей школы, образовательное и социальное неравенство вузов

в макрорегионе, за которым стоит и определенное неравенство образовательных общностей в них.

Рассматривая дифференциацию высшего образования УрФО и неравенство вузов в структуре его образовательного пространства, мы предлагаем выделить в нем ядро, прилежащую к нему полупериферию и периферию. К ядру отнесем Уральский федеральный, Южно-Уральский национальный исследовательский университеты, два опорных университета — Тюменский индустриальный и Магнитогорский технический, Тюменский госуниверситет, участвующий в проекте «5–100». Эти вузы относятся к числу очень крупных и крупных университетов (по приведенной выше типологии) и способны оказать существенное воздействие на жизнь макрорегиона, трансформируя ее, — при условии заметных перемен внутри себя, касающихся содержания и направленности собственной деятельности.

Помимо названных университетов, в каждом регионе есть несколько других, играющих ведущую либо значимую роль в жизни субъекта Федерации или даже всего УрФО. Они и составляют полупериферию и вполне могут оказывать серьезное влияние на трансформацию макрорегиона. Все остальные вузы относятся к периферии и оказывают влияние, прежде всего, на изменения в собственном регионе. Впрочем, сказанное вовсе не означает, что мы принижаем их значение. В конце концов количественные показатели являются далеко не единственными и не всегда определяющими роль, место и значение вуза в высшем образовании и в целом всей жизни Уральского макрорегиона.

Характеризуя группы вузов, относящихся к ядру, полупериферии и периферии, мы считаем возможным их сопряжение с известной типологией университетов, включающей образовательные организации трех типов: «университет 1.0», «университет 2.0», «университет 3.0». В случае такого сопряжения периферию будут составлять вузы, относящиеся к модели «университет 1.0». В них осуществляется преимущественно обучение, образовательная деятельность является доминирующей над всеми другими. Полупериферию образуют вузы модели «университет 2.0». В них активно ведется как образовательная, так и научно-исследовательская деятельность. Ядро же высшего образования Уральского макрорегиона составляют вузы, стремящиеся к модели «университет 3.0».

Эта модель распространяется на университеты, осуществляющие третью миссию — социально-экономическое развитие общества, включая регионы и макрорегионы. По мнению А. О. Карпова, у нас в стране таких вузов еще нет [2]. Соглашаясь с этим автором, отметим, что, по нашему мнению, для отечественных ведущих вузов — флагманов высшего образования становится характерной некая промежуточная модель, назовем ее «университет 2,5». Она выступает как вариант постепенного приближения к модели университета 3.0. Проблема состоит в том, что в университетах, работающих по модели 2.0, исследовательское обучение не имеет, как правило, вектора социально-экономического преобразования регионов и макрорегиона. Следовательно, новая модель университета должна быть сопряжена с его инновационно-предпринимательской деятельностью, учитывающей специфику макрорегиона.

Переход к новой модели университета в макрорегионе мы связываем с изменениями стратегий его основных образовательных общностей. Эти изменения (и выбор новых стратегий) в условиях трансформации университетов, перехода их от одной модели к другой, более развитой, зависят как от самой общности, ее представителей, их ориентаций и интересов, так и от требований конкретного университета и соответствующей модели. Понятно, что за этими требованиями скрываются потребности конкретных общественных структур, в том числе макрорегионов и регионов.

Возникает вопрос о том, как построить процесс взаимодействия преподавателей и студентов, чтобы он способствовал решению проблем самого университета и макросреды его деятельности. При этом речь идет не просто о подготовке соответствующих кадров молодых специалистов (сегодня это уже вчерашний день). Необходимо совместное (преподавателей и студентов) конструирование и конституирование нового научно-образовательного процесса в интересах реализации социально-экономических и социокультурных проектов развития страны, ее конкретных макрорегионов и регионов. Для осуществления этой новой миссии университета нужны новые стратегии развития обеих образовательных общностей, в основе которых — усиление их взаимосвязей и взаимодействий.

Существуют ли сегодня необходимые предпосылки для достижения этой цели? Наши исследования показывают, что они есть, хотя и в весьма ограниченном виде. Сами предпосылки появления новых стратегий основных образовательных общностей имеют как объективный, так и субъективный характер.

Под объективными предпосылками мы понимаем, прежде всего, изменение направленности научно-образовательного процесса в сторону взаимодействия университетов, стейкхолдеров, макрорегиональных и региональных властей с целью решения стратегических социально-экономических и социокультурных задач развития макрорегиона и регионов. Для этого нужна, с одной стороны, новая нормативная база, предполагающая возможности (в том числе финансовые) взаимодействия трех основных названных выше агентов. С другой стороны, такое взаимодействие требует серьезных перемен характера самого научно-образовательного процесса в университетах, его основных параметров.

Говоря о субъективных предпосылках появления новых стратегий образовательных общностей, мы имеем в виду их меняющиеся жизненные планы, ценностные ориентации, мотивацию поведения, связанные с осмыслением новых задач, стоящих перед ними в условиях трансформации научно-образовательного процесса в университете, а через него — и высшего образования в вузе, регионе и макрорегионе. Субъективные предпосылки новых стратегий университетских образовательных общностей — это их реально существующая предрасположенность к изменению характера межобщностного и межличностного взаимодействия с учетом требований научно-образовательного процесса, направленного на изменения самих университетов, а через них — и регионов и макрорегионов.

Доказательствами наличия такой предрасположенности являются принципы, на которых строятся отношения между студентами и преподавателями, и их готовность взаимодействовать друг с другом.

Приведем вначале мнение студентов, а затем и преподавателей на этот счет. Как следует из табл. 1, основными характеристиками отношений студентов с преподавателями, по мнению первых, являются глубоко позитивные принципы взаимопонимания, взаимопомощи, взаимоуважения, доверия, партнерских отношений, информационной открытости, толерантности.

Таблица 1

Мнение студентов о принципах, на которых строятся их отношения с преподавателями

Принципы, на которых строятся отношения между студентами и преподавателями	% от числа ответов
Взаимопонимание, взаимопомощь, взаимоуважение	48
Доверие, партнерские отношения	45
Информационная открытость	44
Соблюдение формальных правил взаимодействия	39
Толерантность	35
Соблюдение социальной дистанции	25
Жесткая регламентация отношений	12
Корпоративная закрытость	4
Итого	252*

* Сумма больше 100 %, так как респонденты могли выбрать более одного варианта ответа.

По данным исследования, 3/4 студентов удовлетворены характером социально-педагогического взаимодействия с преподавателями и высоко оценивают их роль в своем личном и профессиональном становлении. 60 % опрошенных студентов отмечают большую роль педагогов в руководстве их научными исследованиями. Отсюда становится понятным и высокий уровень доверия со стороны студентов к их наставникам. Его отмечают 74 % ответивших респондентов. Индекс доверия, как показывает табл. 2, у преподавателей и студентов (сокурсников) одинаково высок и заметно превышает уровень доверия к администрации (индекс доверия к преподавателям +0,6 против индекса доверия к администрации +0,1).

Таблица 2

Студенты УрФО о доверии к образовательным общностям, % от числа ответивших

Испытываете ли вы чувство доверия к...	Скорее да	Скорее нет	Затрудняюсь ответить	Индекс доверия*
Сокурсникам	74	18	8	+0,6
Преподавателям	74	15	11	+0,6
Администрации вуза	40	30	30	+0,1

* Индекс рассчитан как условная средняя по порядковой шкале, колеблется в границах от -1 до +1.

Можно сказать, что преподаватели также высоко оценивают свои отношения со студентами (табл. 3). В основе этих отношений доминирующие позиции занимают (как и у студентов) принципы доверия, партнерства, информационной открытости, взаимопонимания, взаимопомощи, взаимоуважения, толерантности. Причем уровень этих оценок вполне сопоставим с оценками отношений к коллегам-преподавателям и намного выше, чем к руководству вуза. Об этом свидетельствует индекс отношений между образовательными общностями (между преподавателями +1,5, между преподавателями и студентами +1,1, между преподавателями и руководством вуза –0,9).

Таблица 3

Мнение преподавателей УрФО о принципах, на которых строятся отношения в системе высшего образования, % от числа ответов*

Принципы, на которых строятся отношения в системе высшего образования	Между преподавателями	Между преподавателями и студентами	Между руководством вуза и преподавателями
Доверие, партнерские отношения	62	54	18
Взаимопонимание, взаимопомощь, взаимоуважение	54	41	13
Толерантность	39	39	17
Информационная открытость	35	43	18
Соблюдение формальных правил взаимодействия	23	30	45
Соблюдение социальной дистанции	10	22	39
Корпоративная закрытость	6	6	31
Жесткая регламентация отношений	5	9	44
Итого	234	244	225
<i>Индекс отношений между образовательными общностями**</i>	+1,5	+1,1	–0,9

* Сумма больше 100 %, так как респонденты могли выбрать более одного варианта ответа.

** Индекс рассчитан как условная средняя между позитивными и негативными принципами.

Во многом приведенные выше оценки отражены и в индексах доверия (табл. 4) со стороны преподавателей к коллегам (+0,8), студентам (+0,7), руководству (+0,1).

Таблица 4

Преподаватели УрФО о доверии к образовательным общностям, % от числа ответивших

Испытываете ли вы доверие к...	Скорее да	Скорее нет	Затрудняюсь ответить	Индекс доверия*
Коллегам по работе	85	6	9	+0,8
Студентам	75	10	15	+0,7
Администрации вуза, в котором вы работаете	47	34	19	+0,1

* Индекс рассчитан как условная средняя по порядковой шкале, колеблется в границах от –1 до +1.

Объективные и субъективные предпосылки формирования стратегий развития образовательных общностей студентов и преподавателей тесно связаны между собой. Они (предпосылки) зависят друг от друга. При этом взаимозависимость предпосылок, как нам представляется, гораздо больше, чем взаимозависимость стратегий образовательных общностей. В первом случае трудно определить первичную, определяющую роль объективных/субъективных предпосылок, настолько они связаны между собой, а эффективность реализации одних зависит от успешности осуществления других. Перестройка научно-образовательного процесса, его глубокая трансформация во многом определяются «перестройкой» и «трансформацией» мышления его основных субъектов, которые сами, в свою очередь, зависят от создаваемых для этих процессов благоприятных условий.

Что касается взаимосвязи между стратегиями развития образовательных общностей, то здесь заметную опережающую роль играет научно-педагогическое сообщество. Оно выступает лидером во всех отношениях: в плане осознания необходимости трансформации научно-образовательного процесса, выявления основных направлений совместных со студентами исследований в интересах региона и макрорегиона и совместной публикационной активности, умения заинтересовать молодых людей новой для них деятельностью.

Поэтому университетский менеджмент должен создать для образовательной общности педагогов необходимые условия: освободить от «ига», «гнета», засилья документации и отчетности, вузовской бюрократии, жесткого контроля-прессинга, излишней регламентации научно-педагогической деятельности.

Проведенный анализ дает основание сделать следующие выводы:

1. Существует объективная необходимость трансформации высшего образования в Уральском макрорегионе. Она обуславливает возможность создания в УрФО макрорегиональной системы высшей школы. Эта система, включающая в себя образовательные организации, образовательные общности и управление высшим образованием, может рассчитывать на успешную деятельность только в том случае, если ее основной субъект — образовательные общности — возьмет на себя роль лидера, трансформирующего систему в соответствии с социально-экономическими и социокультурными потребностями Уральского макрорегиона и регионов, входящих в его структуру.

2. Вузовские образовательные общности могут взять на себя такую роль, лишь трансформировав собственные стратегии деятельности. Эта трансформация касается изменения и направления деятельности каждой из них в отдельности, и характера взаимодействия в главной сфере их интересов — научно-образовательном процессе.

3. Для этого необходимо использовать складывающиеся объективные предпосылки превращения университетов в инновационные центры развития регионов и макрорегионов, перестройки учебно-воспитательного и научно-исследовательского процессов с акцентом на удовлетворение потребностей университетов в новых кадрах, решение экономических, социальных, культурных задач в целях развития территорий. В связи с этим вполне уместным становится

принцип деятельности образовательных общностей: перестраивая, трансформируя, изменяя собственный университет, мы можем и должны изменять свой регион и макрорегион.

1. Актуальные проблемы трансформации высшего образования в макрорегионе. Екатеринбург, 2017. 400 с.

2. Карпов А. О. Университет 3.0 — социальные миссии и реальность // Социол. исслед. 2017. № 9. С. 114–115.

3. Каташинских В. С. Дизайн макрорегиональных образовательных систем: проблемы типологии // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 1 (107). С. 126–137.

4. Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности. Екатеринбург, 2016. 336 с.

5. Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности. Екатеринбург, 2014. 200 с.

6. Численность обучающихся, педагогического и профессорско-преподавательского персонала, число образовательных организаций Российской Федерации: (Прогноз до 2020 года и оценка тенденций до 2030 года). М., 2015. 288 с.

Статья поступила в редакцию 21.12.2017 г.

СВЕРХБЮРОКРАТИЗАЦИЯ КАК АНОМАЛИЯ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ*

В статье раскрывается один из результатов исследования барьеров развития высшего образования в современной России. Автор рассматривает бюрократизацию взаимодействий в высшем образовании как серьезное препятствие перехода к его нелинейной модели. Эта модель, внедрение которой так необходимо российскому обществу, характеризуется гибкостью, открытостью, вариативностью, способностью к изменениям. Названные свойства во многом обеспечиваются за счет снижения формализации отношений между образовательными общностями, образовательными институтами, между высшим образованием и другими социальными институтами общества. Проблема исследования заключается в противоречии между критически высоким уровнем бюрократизации внутри- и межинституциональных взаимодействий в российском высшем образовании и необходимостью проведения гибких, органических изменений и инноваций в нем. Сверхбюрократизация выражается в использовании комплекса бюрократических инструментов как основного или порой единственного регулятора отношений внутри университетов, между университетами и структурами управления высшим образованием. Бюрократизация рассматривается как социальный механизм, компенсирующий недостатки неэффективного менеджмента в высшем образовании России. Она «нейтрализует» недостаток профессиональной компетентности чиновников сферы образования и отсутствие продуктивных технологий управленческого контроля и управления изменениями в высшем образовании.

К л ю ч е в ы е с л о в а: сверхбюрократизация; межинституциональные взаимодействия в высшем образовании; нелинейная модель высшего образования; инновации в высшем образовании; управление изменениями в высшем образовании.

Современные эффективные системы высшего образования строятся, как минимум, на трех основаниях: флексибельная, органичная связь с внешней средой (экономикой, культурой, социальными институтами), ориентация научной и образовательной подсистем на инновационность и опережение, а также способность системы к быстрым изменениям. Названные характеристики являются не единственными, но очень важными для высшего образования в России и могут служить признаками его нелинейной модели. Эта модель, внедрение которой так необходимо российскому обществу, характеризуется гибкостью, открытостью, вариативностью, способностью к изменениям. Такая модель предлагает принципиально иной тип структурирования института высшего образования и его воплощения в конкретном университете.

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10046 «Формирование нелинейной модели российского высшего образования в регионе в условиях экономической и социальной неопределенности».

АМБАРОВА Полина Анатольевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (e-mail: borges75@mail.ru).

© Амбарова П. А., 2018

Выделяя в качестве основных элементов системы высшего образования *управление, образовательные организации* (университеты) и *образовательные общности*, мы считаем, что ядром нелинейного высшего образования должны быть взаимодействующие люди и социальные общности. Управление же перестает быть доминантным элементом структуры. Его основной функцией становится не распорядительство и тотальный контроль, а обеспечение условий для формирования органичных связей и взаимодействий между образовательными институтами, организациями (университетами) и общностями.

Зачем нужна нелинейная модель российскому высшему образованию? В условиях социальной и экономической неопределенности она обладает возможностями и ресурсами для преодоления кризиса в высшем образовании. Экономические и финансовые ограничения компенсируются использованием (пока что сохраняющегося) человеческого, темпорального, интеллектуального и социального капитала российских университетов. Риски ситуации социальной неопределенности минимизируются за счет использования процессов самоорганизации и саморегуляции, к которым способны образовательные системы и образовательные общности.

Главным условием, при котором новая ресурсность нелинейной модели высшего образования может быть мобилизована, является смена парадигмы управления высшим образованием и университетского управления, снижение ее «жесткости», авторитарного характера. Свойства нелинейной модели высшего образования (гибкость, открытость изменениям, инновациям, вариативность) во многом обеспечиваются за счет снижения формализации отношений между образовательными общностями, образовательными институтами, между высшим образованием и другими социальными институтами общества. В реальности в российском высшем образовании происходит противоположный процесс — усиливается вертикаль власти, ужесточается управленческий контроль, наблюдается сверхбюрократизация управления и отношений между образовательными институтами и общностями. Анализ этого противоречия является целью данной статьи.

Объектом исследования выступает система высшего образования в современной России, предметом — аномальное явление сверхбюрократизации межинституциональных и межобщностных взаимодействий в сфере высшего образования. Задачами исследования являются: 1. Интерпретация понятия сверхбюрократизации высшего образования как социальной аномалии. 2. Выявление причин и эволюции данного явления. 3. Изучение конкретных форм сверхбюрократизации и образовательных практик, в которых она проявляется.

В исследовании проблемы мы учитывали степень ее научной разработанности. Отдельные аспекты данной темы интересуют исследователей из тех стран (в основном развивающихся), в которых традиции и модели управления различными социальными системами схожи с российскими. Бюрократия часто воспринимается как характеристика управления в высшем образовании [2, 5]. Эта проблема рассматривается также в контексте реформирования и децентрализации высшего образования [4, 6, 9]. Явления, близкие по своей сути к сверхбюрократизации,

описываются как менеджериализм и получают негативную оценку, поскольку служат барьерами стратегического развития университетов [3].

Теоретическую рамку исследования составили классические теории рациональной бюрократии М. Вебера и В. Вильсона, главные идеи которых связаны с позитивной оценкой бюрократии, а также нигилистические теории К. Маркса и Р. Мертона, которые, напротив, критически оценивали существование и роль бюрократии. Важными для решения задач исследования стали концепции «отзывчивости» администрации, полицентризма, «плоских структур» в самоуправляющемся обществе, в которых излагаются идеи нового подхода к управлению (Д. Вальдо [8], В. Остром [7]). Их авторы обосновывают сохранение принципов рациональной бюрократии в сочетании с децентрализацией управления, приближения его к людям и их проблемам.

Эмпирическими данными для данной статьи послужили результаты исследования, проведенного в рамках проекта «Формирование нелинейной модели высшего образования в регионе в условиях экономической и социальной неопределенности». Было проведено экспертное (глубинное полуформализованное) интервью с сотрудниками российских университетов. Информантами стали ректоры, проректоры, директора институтов, деканы факультетов, заведующие кафедрами, ведущие профессора (всего 80 интервью). Полученные результаты репрезентативно раскрывают исследуемую нами проблему. Также были проанализированы интервью с представителями вузов, опубликованные в средствах массовой информации в открытом доступе и контент блогов и форумов, в которых размещены посты и сообщения преподавателей различных российских вузов.

Сверхбюрократизация высшего образования — это процесс чрезмерной (излишней) бюрократизации деятельности, отношений и взаимодействий внутри системы высшего образования. Он происходит внутри образовательных организаций, институтов и общностей и охватывает также связи между ними. Сверхбюрократизация отличается гипертрофированными признаками бюрократизации:

- стремительным, интенсивным увеличением численности управленцев, даже вопреки организационным попыткам ее сокращения;
- искусственным усложнением организационных структур, которое приводит к глубоким разрывам в коммуникациях и нерациональной потере времени;
- тотальной формальной регламентацией и стереотипизацией всех видов и всех уровней деятельности, даже тех, которые априори находятся в зоне неформальных правил и отношений;
- превращением управленческого аппарата в самодостаточную структуру, чей статус и интересы доминируют над статусом и интересами научно-педагогического сообщества (главного «производителя» интеллектуальных и образовательных благ);
- высоким уровнем отчуждения и недоверия на общностном, организационном и институциональном уровне;
- использованием средств и методов управления, не соответствующих процессам самоорганизации в системе образования и внутренним смыслам и целям образовательной и научной деятельности.

Сверхбюрократизация является аномалией в развитии системы высшего образования. С одной стороны, мы можем говорить о ней как о следствии неэффективных реформ в сфере российского высшего образования. С другой стороны, мы рассматриваем ее как фактор, деструктивно влияющий на другие процессы изменений в высшем образовании. Трудно назвать модель управления высшим образованием в России рациональной бюрократией (в веберовском смысле). Все процессы управления, называемые с помощью приставки «сверх-», по своей сути деструктивны. Они осложняют и без того болезненную трансформацию российского высшего образования. Сверхбюрократизация усиливает негативные эффекты образовательной реформы и препятствует реализации позитивных ее процессов. В чем это выражается конкретно, мы покажем далее на эмпирическом материале.

Сейчас же мы хотим показать границу между рациональной и аномальной бюрократией. Во-первых, эта граница устанавливается через функциональность/дисфункциональность управления. Во-вторых, граница между обычной бюрократизацией и сверхбюрократизацией пролегает через область необходимого/достаточного. Иначе говоря, если какой-то бюрократический элемент или процесс убрать, то что из этого последует? Как это скажется — позитивно или негативно — на образовательной или научной деятельности? Если исчезновение бюрократических элементов и процессов *не ухудшает* образовательную и научную деятельность, более того — *еще и улучшает* условия ее реализации, то, безусловно, эти управленческие элементы и процессы нужно отнести к сверхбюрократии. Они являются лишними в системе высшего образования.

Сверхбюрократизация высшего образования в России как социальная аномалия имеет свои исторические предпосылки. Актуализация же этой проблемы происходит в силу того, что в современном обществе сложился благоприятный для нее социальный контекст. В 1990-е гг. система высшего образования оказалась брошенной на произвол судьбы. Из-за экономического кризиса снизился уровень государственного финансирования, интересы государства сдвинулись с социальных вопросов в сферу распределения экономических и политических ресурсов. Высшее образование оказалось «один на один» со своими проблемами — финансовыми, кадровыми, образовательными, научными. Целое десятилетие оно «училось» выживать, постепенно становясь полноценным субъектом рыночных отношений, формируя образовательный рынок и правила игры на нем, включаясь в конкурентную борьбу. К 2000-м гг. в России сформировался сектор коммерческого высшего образования (в виде коммерческих вузов и платных образовательных услуг, предоставляемых государственными вузами). Такая эволюция привела российское высшее образование, наряду с определенными потерями и деформациями, к важному результату: российские вузы научились выживать, зарабатывать, стали динамично развивающимся сектором экономики.

Для российской государственной бюрократии и менеджмента это был своеобразный сигнал: сфера высшего образования стала привлекательным для них ресурсным объектом. Начиная с 2000-х гг. государство «возвращается» в систему высшего образования, но выстраивает отношения с ней и внутри ее по самой

худшей модели — сверхбюрократии. Почему именно эта модель стала доминирующей?

Высшее образование представляет собой сложную самоорганизующуюся, самонастраивающуюся систему. Производство и конвертация в ней ресурсов также представляют собой процесс саморегуляции. Бюрократия, для которой высшее образование как ресурсный объект стало привлекательным, не владеет инструментами «мягкого» управления такими сложными системами. Она может использовать только инструменты традиционного управления, основанного на парадигме «жесткого» администрирования. Поскольку и сама система высшего образования, и ее институты, и образовательные общности оказывают сопротивление бюрократии как чужеродному компоненту системы, главным средством удержания власти становится сверхбюрократизация. Она превращается в средство, парализующее процессы самоорганизации и саморегуляции высшего образования.

Прежнее управление тоже было «образовательной бюрократией», но бюрократией иного качества. Основной ее состав был образован представителями научно-педагогического сообщества, которые изнутри знали и учитывали интересы и специфику образовательных общностей, прежде всего профессорско-преподавательского состава. Университеты были для них органичной социальной средой. Университетская среда «производила» ректоров и проректоров, министров образования и их заместителей. Именно с этой средой «образовательная бюрократия» идентифицировала себя, связывала свое прошлое, настоящее и будущее. С начала 2000-х гг. управление российскими университетами стремительно начало изменяться. В управление высшим образованием и университетами вошли государственные чиновники и менеджеры с присущей им идеологией и методологией бюрократического управления и менеджериализма. Особенно это коснулось ведущих университетов России — федеральных, национальных исследовательских и опорных. Концептуально изменения кадрового состава руководства этих университетов были закреплены в проекте «Университетский клуб 5–100», инициированном Министерством образования Российской Федерации. Цель проекта состоит в повышении кадрового потенциала университетов — участников проекта 5–100 через привлечение в университеты компетентных управленцев из бизнес-среды. С момента, когда совершился «бюрократический переворот» в высшем образовании, в нем начал развиваться внутрисистемный конфликт между бюрократией и образовательным сообществом, способом разрешения которого и стала сверхбюрократизация.

Коллизии между академической автономией и административными процедурами [1] внутри университетов разворачиваются по нескольким направлениям.

Первое направление сверхбюрократизации — это введение жесткой и тотальной системы регламентации и контроля практически по всем видам академической деятельности — научной, образовательной, воспитательной, общественной. К ним относятся балльно-рейтинговая система, другие виды оценивания учебных достижений студентов, мониторинг эффективности образовательной и научной деятельности каждого преподавателя, кафедры, института, университета. При этом административные отчеты по проведенному контролю, как правило, носят

бессодержательный и обезличенный характер — в виде одних только числовых показателей. Дизайн отчетных формуляров и регулярность их заполнения варьируются в разных университетах, но их прессинг отмечается большинством преподавателей.

Приведем другой факт. Уже прошло несколько лет, как в России были введены обязательные справки об отсутствии судимости у преподавателей, а также медицинские справки, в том числе с отметкой нарколога. Такие справки должны предоставить все преподаватели, вновь заключившие контракт с вузом. Учитывая, что в некоторых вузах России вводится годовой контракт с преподавателем, становится понятным отсутствие здравого смысла и рациональности в таком бюрократическом требовании. Именно об этом свидетельствует отрывок из текста, размещенного на одном из форумов:

Конечно, попытка государства сделать из ученых и преподавателей академических чиновников очевидна, но все больше это похоже на чиновничий маразм. Например, требуется справка о флюорографии, а в некоторых вузах — даже об отсутствии сифилиса. Будем изящно прикалывать ее поверх академического CV на трех языках. В нескольких вузах от преподавателей потребовали справки, что они не педофилы (!). В других потребовали пройти полный медосмотр, включая стоматолога (А. А., доцент).

В отдельных вузах введен даже дресс-код, с которым знакомят под роспись:

...в одном из федеральных университетов преподаватели женского пола обязаны ходить на работу в колготках и юбках по колено. А если за окном минус 35? Длина юбки не дает покоя множеству ректоров, и они выпускают распоряжения, регламентирующих такое поведение. Такие служебные инструкции учитывают малейшие нюансы, вызывающие смех. Например, нельзя, чтобы бюстгальтер выглядывал из-под одежды. Конечно, проследить за выполнением этих инструкций трудно, хотя меня однажды выгнали из отдела кадров университета, когда я пришла туда в модных джинсах с разрезами на коленках (А. А., доцент).

Такая система регламентации и контроля воспринимается как наступление на университетскую автономию и противоречит процессам самоорганизации и саморегуляции в научно-педагогическом сообществе. Она отнимает огромное количество рабочего и свободного времени у сотрудников, формирует конфликт внутри подразделений — между руководителями кафедр и рядовыми преподавателями, которые либо не успевают выполнять, либо открыто саботируют требование предоставлять запрашиваемые отчеты.

Второе направление действия сверхбюрократии — это жесткий контроль и регламентация образовательного пространства вуза и перемещения в нем и за его пределами. Перенос занятия или экзамена в более удобное место и на более удобное время, проведение занятий вне стен университета требуют огромного количества времени и такого же количества виз административных работников. Трудоемкой процедурой является оформление документов для командировок (внутренних и зарубежных). Оно требует многодневного хождения по отделам, сбора многочисленных виз, разрешений, согласований, переделывания

документов. Для оформления отчетов по научным командировкам требуется не меньше усилий и времени.

В связи с этим в одном из интервью информант возмущенно сообщает:

...недоверие к ученым дошло до того, что в очередном отчете о научно-исследовательской работе к сведениям об участии в конференции надо приложить не только программу, но и свою фотографию на фоне конференции. Скоро, очевидно, потребуется акт экспертизы, не фальшивая ли это фотография... (А. Ф., доцент).

Третье направление складывается из того, что сверхбюрократическая система охватывает не только внешние, формальные стороны вузовской жизни, но и ее содержательную сторону. Это проявляется в огромном количестве стандартов, учебной документации. Учебный процесс «обрастает», как ракушками, многочисленными стандартами, регламентами, программами, рекомендациями. Все они представляют собой многостраничные документы с многочисленными таблицами и перечнями чего-либо. При этом если хотя бы в одном из этих документов меняется один пункт, все остальные документы также необходимо переделывать. Все эти документы готовятся, проверяются, загружаются в электронные образовательные среды целой «армией» служащих. Из всего этого бумажного «архитектурного ансамбля» в реальности студенты и преподаватели пользуются только тематическим планом, занимающим 1–2 печатные страницы. Что изменится в учебном процессе и качестве обучения в высшей школе, если исключить описанные сверхбюрократические процедуры? Ничего. Реального влияния на результаты и качество образовательного процесса они не оказывают. Однако их введение и строгий контроль за их выполнением с применением санкций (выговоров, предупреждений, лишения права читать дисциплины) оправдывает существование сверхбюрократии в вузе. В связи с этим выводом представим отрывок из интервью:

Мы только пишем и переписываем программы, точнее, меняем в них таблички и списки компетенций. А качественно подготовиться к лекциям, прочитать новую статью или монографию некогда. Провести серьезную консультацию со студентами, магистрантами некогда. А кто заглядывает в эти программы? Кто ими руководствуется? Кому они нужны? Только проверяющим, комиссиям и нашим шкафам, в которых все эти программы хранятся (Н. М., доцент).

Сверхформализм затрагивает все уровни высшего образования в России, начиная от бакалавриата и заканчивая аспирантурой и докторантурой и далее — системой защиты научных диссертаций. По мнению ученых секретарей диссертационных советов, их работа может быть приравнена к профессиям повышенного риска: каждая малейшая ошибка в оформлении документов может повлечь драматические последствия для диссертационного совета и диссертанта. Количество же формальных требований растет с каждым годом, создавая серьезные барьеры в работе научного сообщества. Сверхбюрократия таким образом проникла в ту сферу академической работы, где нормы и правила всегда устанавливались самим научным сообществом. Сейчас в этой сфере доминирует бюрократия, которая

к тому же узурпировала право сомневаться в честности и компетентности самих ученых:

Сейчас подготовить и защитить кандидатскую диссертацию трудно, а докторскую — это просто подвиг. Люди не идут в аспирантуру, докторантуру. Складывается впечатление, что государство не заинтересовано в увеличении числа преподавателей, имеющих ученые степени. Иначе бы оно такие бюрократические препоны не ставило ни для работы диссоветов, ни научных руководителей, ни для самих соискателей. Поддержки и понимания нет. Мы поставлены в ситуацию преступления и наказания. Дискредитируется наука, ученые как профессиональная группа, управление системой высшего образования (О. В., профессор).

Следствием сверхбюрократизации стал высокий уровень разобщенности и недоверия между управлением и профессорско-преподавательским сообществом. Ранее этот разрыв был порожден неравенством в оплате труда и статусных привилегиях, а сегодня усилился благодаря сверхбюрократии. О характере межобщественных отношений свидетельствуют некоторые высказывания, размещенные на интернет-форумах:

...в сфере высшего образования мы имеем не менеджмент, но обычный российский чиновничий бюрократизм. Разница между менеджером и бюрократом известна. Первый ставит перед собой цель — сделать эффективной деятельность организации; второй стремится лишь к собственному обогащению, попутно наслаждаясь властью. Но поскольку бюрократ знает систему позитивных ценностей современного общества, он разглагольствует о государственных интересах, благосостоянии народа и т. п. (В. Г.).

Среди интернет-переписки мы обнаружили более резкие высказывания относительно отношений между сверхбюрократией и преподавателями:

К нам (преподавателям) относятся как к невоспитанным детям — прививают нам начальные правила гигиены, показывают, как одеваться, проверяют на опасные болезни, скоро, возможно, форму введут. Такая покровительственно-презрительная интонация власти по отношению к университетской интеллигенции отчетливо видна (А. А.).

Раскроем еще одно — четвертое — направление действия сверхбюрократии в российском высшем образовании. Оно связано с использованием бюрократических процедур для обоснования оптимизации системы высшего образования. Начиная с 2010 г. в России происходит сокращение числа вузов. Процесс осуществляется путем ликвидации или объединения вузов, лишения лицензии, дающей право выдавать дипломы государственного образца. Принципы мониторинга и процедуры «выбраковки» вузов укладываются в идеологию сверхбюрократизма. Чиновниками без согласования с общественностью, представителями вузов и научно-педагогического сообщества выработана система показателей эффективности вузов. Она «вслепую» накладывается на деятельность университетов, без учета их местоположения, ресурсности, статуса, стратегии развития, профиля и других характеристик. Однако именно эти, «невидимые» бюрократии

характеристики и особенности и составляют основу нелинейной модели высшего образования, которая базируется на многообразии и вариативности.

Даже сильные ресурсные российские вузы испытывают страх перед очередным этапом министерского мониторинга и очередным навешиванием на какой-то университет ярлыка «неэффективный вуз». Страх порожден необоснованностью показателей эффективности и трудностью их выполнения в сложных социальных и экономических условиях. Складывается впечатление, которое подтверждается мнением опрошенных экспертов, что такая система мониторинга — инструмент контроля некомпетентных менеджеров в системе высшего образования. Не знающие систему изнутри, не способные адекватно оценить все ее внутренние проблемы и противоречия, но стремящиеся сохранить контроль над ней, чиновники прибегают к формальным наборам показателей. Именно эти показатели дают иллюзию понимания того, что происходит в объекте управления. И бюрократия уверена в том, что она умеет правильно изучить, проконтролировать и оценить вузы.

Научно-педагогическое сообщество, наряду с признанием необходимости повышения качества высшего образования, тем не менее критически относится к системе мониторинга и четко определяет ее сверхбюрократизированную сущность. Таким образом, сверхбюрократизация выражается в использовании комплекса бюрократических инструментов как основного или порой единственного регулятора отношений внутри университетов, между университетами и структурами управления высшим образованием. Бюрократизация рассматривается как социальный механизм, компенсирующий недостатки неэффективного менеджмента в высшем образовании России. Она «нейтрализует» недостаток профессиональной компетентности чиновников сферы образования и отсутствие продуктивных технологий управленческого контроля и управления изменениями в высшем образовании.

Последствия сверхбюрократизации в высшем образовании весьма плачевны как для самой системы, так и для ее связей с другими подсистемами и институтами общества. Введение огромного количества регламентов и кодексов правил, отчетной документации, изоцированной системы формальных показателей эффективности вузов и преподавателей, формализация оснований для распределения финансовых средств в системе высшего образования приводят к ряду аномалий. Во-первых, к нерациональному использованию временных и человеческих ресурсов. Заорганизованность требует не только дополнительных времени и сил, но и снижает уровень рефлексии по отношению к правомерности действий администрации и купирует попытки сопротивления им.

Во-вторых, происходит сильное снижение мотивации образовательных общностей к повседневной деятельности и инновационному поведению. Есть русская поговорка: «За деревьями леса не видно». Она хорошо отражает сдвиг внимания субъектов образования с содержательной стороны образовательной и научной деятельности на ее формальные характеристики и их «шлифование». Преподавателей и студентов демотивируют не трудности модернизации высшего образования, а потеря смысла академической деятельности и замещение его формальными

конструкциями. Заметим к тому же, что инновационная активность, столь необходимая современным российским вузам, может развиваться преимущественно в неформальном или слабо регламентированном пространстве. Чем меньше бюрократизация, тем больше эффект от инновационной деятельности, выше уровень инновационной культуры и поведения представителей образовательных общностей. Если же доминирует сверхбюрократизация, то инновационная активность отсутствует. Здесь существует прямая связь.

В-третьих, сверхбюрократизация приводит к имитации различных видов академической деятельности, появлению образовательных симулякров. Эти симулякры представляют собой аномальные явления, возникающие вследствие парадоксальных разрывов и синтезов в системе высшего образования и деформирующие ее социальные функции. Образовательные симулякры фиксируются обыденным сознанием людей, вовлеченных в образовательную сферу, и часто обозначаются словами «мыльный пузырь», «пустышка», «как будто». Их сущность заключается в *имитации* форм и функций образовательной, научной и управленческой деятельности в университетах.

В-четвертых, вследствие сверхбюрократизации снижается доверие между научно-педагогическим, студенческим и управленческим сообществами, ухудшается их социальное самочувствие. Появляется такая негативная социальная эмоция, как страх — страх перед проверками, конкретными людьми, последствиями их действий. Возникает ряд неприятных морально-нравственных явлений, не свойственных образовательной среде, — коррупция, угодничество, конкуренция.

В-пятых, исследуемое явление «не проходит мимо» стейкхолдеров. С одной стороны, они заинтересованы в развитии партнерских связей с университетами, с другой — обескуражены отсутствием живой заинтересованности со стороны вуза к ним самим, если только эти связи и отношения не несут прямой выгоды для «образовательной бюрократии». Мощным барьером на пути развития партнерских связей с субъектами внешней среды выступает фактор использования времени, точнее, медлительность и неповоротливость университетской бюрократии.

В заключение отметим шестое следствие (логично вытекающее из предыдущих) из рассматриваемого противоречия. Сверхбюрократия порождает открытое и латентное сопротивление образовательных структур любым реформам, даже имеющим позитивную направленность. Происходит это потому, что в сознании образовательных общностей современная «образовательная бюрократия» тесно ассоциируется с авторитарным государством, непопулярными процессами реформирования российского образования, всем тем, что противоречит истинным интересам университетов как организаций, студентов и преподавателей — как представителей образовательных общностей.

1. *Абрамов Р.* Менеджерализм и академическая профессия. Конфликт и взаимодействие // Социол. исслед. 2011. № 7. С. 37–47.

2. *Carvalho T., Santiago R.* Transforming professional bureaucracies in hospitals and higher education institutions // Towards a comparative institutionalism: forms, dynamics and logics across

the organizational fields of health care and higher education / ed. by R. Pinheiro, L. Geschwind, F. O. Ramirez. 2016. Vol. 45. P. 243–269.

3. *Davis A., Rensburg M. J. van, Venter P.* The impact of managerialism on the strategy work of university middle managers // *Studies in Higher Education*. 2016. Vol. 41, № 8. P. 1480–1494.

4. *Jauhiainen A., Jauhiainen A., Laiho A. et al.* Fabrications, Time-Consuming Bureaucracy and Moral Dilemmas — Finnish University Employees' Experiences on the Governance of University Work // *Higher Education Policy*. 2015. Vol. 28, № 3. P. 393–410.

5. *Lane J. E., Stenlund H.* Bureaucratization of a system of higher-education // *Comparative Education*. 1983. Vol. 19, № 3. P. 305–323.

6. *Ordorika I.* Reform at Mexico's National Autonomous University: Hegemony or bureaucracy // *Higher Education*. 1996. Vol. 31, № 4. P. 403–427.

7. *Ostrom V.* *The Meaning of American Federalism: Constituting a Self-Governing Society*. San Francisco, 1991. 301 p.

8. *Waldo D.* *The Administrative State: a Study of the Political Theory of American Public Administration*. Piscataway (New Jersey), 2006. 251 p.

9. *Yat Wai Lo W.* Decentralization of higher education and its implications for educational autonomy in Taiwan // *Asia Pacific Journal of Education*. 2010. Vol. 30, № 2. P. 127–139.

Статья поступила в редакцию 27.12.2017 г.

УРАЛЬСКИЙ КОНТЕКСТ

УДК 778.5(470.54-25) + 008 + 351.85

Н. Б. Кириллова

СВЕРДЛОВСКАЯ КИНОСТУДИЯ КАК ПРОЕКТ СТАЛИНСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

В связи с юбилейными датами — 75-летием Свердловской киностудии и 85-летием Свердловской студии кинохроники — автор статьи обращается к истокам рождения кинопроизводства на Урале, рассматривая его как проект сталинской культурной политики 1930–1940-х гг. Определяющим для советской эпохи было отношение к кино как «важнейшему из искусств», как к эффективному средству пропаганды и воспитания человека. Вот почему хроникально-документальное кино Урала в годы войны являлось своеобразным идеологическим оружием «опорного края державы», а первый игровой фильм Свердловской киностудии «Сильва» (экранизация оперетты И. Кальмана) воспринимался как предвестник Победы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: кино Урала; сталинская культурная политика; Свердловская киностудия; киножурнал «Сталинский Урал»; музыкальная комедия «Сильва»; период «малюкартинья».

История Свердловской киностудии — это особая страница как отечественной, так и мировой культуры. Однако нельзя забывать того факта, что ее создание — результат целенаправленной культурной политики государства в сталинскую эпоху. Точкой отсчета в управлении экранной сферой стал известный декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 27 августа 1919 г. [3], а также знаменитая ленинская формула «из всех искусств для нас важнейшим является кино» [12], определившие на многие десятилетия вперед отношение к кинематографу как к социально-культурному феномену, являющемуся одновременно искусством и промышленностью, средством идеологического воздействия и фактором воспитания человека. Что касается проблемы «Сталин и кино», то многие документы, свидетельства близкого окружения вождя, воспоминания кинематографистов

КИРИЛЛОВА Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (e-mail: urfo@bk.ru).

© Кириллова Н. Б., 2018

доказывают, что значение, которое И. В. Сталин придавал кино, объяснялось не только его личной привязанностью к экранному искусству [10]. Сталин видел в кинематографе мощный политический рычаг воздействия на общественное сознание, о чем он достаточно четко заявил в 1924 г. на XIII съезде РКП(б), уже после смерти В. И. Ленина: «Кино есть величайшее средство массовой агитации» [5, 16]. На протяжении всех последующих лет эта идея стала основополагающей в структуре сталинской культурной политики, касающейся вопросов кинопроизводства.

Известно, что кино появилось на Урале еще в дореволюционный период: фильмы братьев Люмьер зрители Екатеринбург увидели в ноябре 1896 г., уже после Петербурга, Москвы и Нижнего Новгорода [7, 8]. Однако кинопроизводство на Урале возникло только в 1910-е гг., благодаря деятельности мастера документальной и художественной фотографии, предпринимателя и кинооператора В. Л. Метенкова [1], снявшего первые уральские документальные фильмы, такие как: «Масленица в Екатеринбурге» (1910), «Торжества в Екатеринбурге по поводу 50-летия отмены крепостного права в России» (1911), «Уличные акробаты-китайцы в Екатеринбурге» (1911), «Добыча мрамора в окрестностях Екатеринбурга» (1912), «Патриотическая манифестация» (1914; о вступлении России в мировую войну на стороне Антанты) и др. [7, 10].

Первой профессиональной киностудией на Урале стала Свердловская студия кинохроники, созданная в марте 1933 г. Первоначально она называлась «Уральская база “Союзкинохроники”». Потом появилось название «Свердловская студия хроникально-документальных фильмов», и уже в 1940 г. она стала Свердловской студией кинохроники. Уникальный материал об истории ее создания собрал основатель музея кино при киностудии Л. Н. Эглит [13]. Много сделал для развития хроникально-документального кино Г. Г. Цигель, который начал свой творческий путь в качестве ученика киномеханика в кинотеатре французского предпринимателя Кая Лоранжа (первом кинотеатре Екатеринбург), затем работал в системе кинопроката. Он был директором студии кинохроники с 1940 до 1951 г., пока она не объединилась со Свердловской киностудией, где Г. Г. Цигель стал заместителем директора по производству.

Студия кинохроники в 1930-е гг. наряду с документальными фильмами начинает выпуск киножурнала «Сталинский Урал». Лучшие кинооператоры студии — И. Косицын и Е. Мильков одновременно снимали сюжеты и для Центральной студии кинохроники в Москве. Особенно ценными стали киноматериалы уральцев в военный период. Так, в «Союзкиножурнале», № 66 за 1942 г., появляется сюжет И. Косицына «Урал — фронту», а в № 68 за 1943 г. есть снятый операторами И. Косицыным и Н. Салютиной материал «Уральцы — фронту». С киножурналом «Сталинский Урал» активно сотрудничают писатели: И. Ликстанов, А. Савчук, Н. Куштур, Ю. Хазанович и др. В годы войны было создано 242 (!) номера киножурнала «Сталинский Урал» [13, 333].

Кинохроника в годы Великой Отечественной войны была основным жанром, фиксирующим события на фронте и в тылу. Одним из лучших в этом ряду считается полнометражный документальный фильм «Урал кует Победу», вышедший

в 1943 г. под маркой Свердловской и Куйбышевской студий кинохроники (режиссеры В. Бойков, Ф. Киселев, Я. Бабушкин, операторы Н. Степанов и О. Рейзман). Название фильма точно передает его содержание, отвечающее духу военного времени, когда каждый человек — и на фронте, и в тылу — жил надеждой о скорой победе над фашизмом [7, 15].

Свердловская киностудия. Начало

Потребность в создании студии художественного кино на Урале у руководства страны была связана как с необходимостью показать на экране мощь оборонной промышленности «опорного края державы» в игровых фильмах, так и с активным развитием социально-культурной сферы региона. Дело в том, что в условиях войны на Урал были эвакуированы не только многие заводы страны, но и учреждения культуры (к примеру, Эрмитаж); среди эвакуированных было немало деятелей театра и кино из Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы; отсюда, из Свердловска, вел свои передачи прославленный диктор советского радио Юрий Левитан.

Свердловская киностудия, которая в течение нескольких десятилетий была единственной в Уральском регионе, была создана 9 февраля 1943 г. в переломный период Великой Отечественной войны, вопреки распространенному мнению «когда стреляют пушки, музы молчат». Именно в этот день было принято решение Правительства СССР об организации на Урале кинофабрики по созданию художественных фильмов. Символично то, что почти одновременно с киностудией, 11 марта 1943 г., был создан Уральский добровольческий танковый корпус, а 22 июля — прославленный Уральский народный хор.

Расположилась Свердловская киностудия в здании Клуба строителей — образце советского конструктивизма (сегодня здесь находится торговый «Сити-Центр»). Через полгода газета «Уральский рабочий» расскажет об этом событии в статье первого директора студии, бывшего конструктора Уралмаша Александра Сергеевича Шитова [15]. А в январе 1944 г. уральцы уже отчитывались Верховному главнокомандующему, маршалу Советского Союза товарищу Сталину: «В Свердловске, сердце сталинского Урала, пущен троллейбус, расширен водопровод, завершено строительство кинофабрики художественных фильмов...» [8]. Здесь же сообщалось о творческом составе киностудии: «В режиссерском коллективе объединились известные мастера советской кинематографии — орденносец А. Иванов, постановщик картин “На границе” и “Подводная лодка Т-9”, П. Петров-Бытов, снимавший “Каин и Артем” и “Разгром Юденича”, начальник сценарного отдела Лебедев-Шмитгоф, ставивший картину “Макар Нечай” и получивший Лауреатский диплом на Международном конкурсе за фильм “Концерт Бетховена”... Рабочие будни Свердловской киностудии художественных фильмов привлекали внимание горожан не меньше, чем репортажи о ситуациях на фронте или о трудовых подвигах уральцев, о чем свидетельствуют материалы “Уральского рабочего”» [9].

Художественным руководителем киностудии был назначен заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Сталинской премии Александр Викторович

Ивановский, кинорежиссер, которого зрители знали как постановщика фильмов «Музыкальная история» (где в главной роли снялся наш земляк, оперный певец Сергей Лемешев), «Антон Иванович сердится» и др. На уральской киностудии А. В. Ивановский неожиданно для многих решил экранизировать популярную в СССР оперетту «Сильва», основой которой была «Королева чардаша» венгерского композитора И. Кальмана, созданная в 1915 г. Существует мнение, что идея экранизировать «Сильву» родилась чуть ли не одновременно с идеей основать кинофабрику на Урале [6, 10]. На самом деле, до приезда в Свердловск А. В. Ивановского у руководства были другие репертуарные планы. О них сообщал директор А. С. Шитов в указанной нами газетной публикации в «Уральском рабочем»: «... Комитет по делам кинематографии готовит ряд сценариев, отражающих процесс оборонного завода-гиганта, чья продукция зимой 1941 г. помогла отразить и разгромить немцев под Москвой. На материалах уральских сказов лауреата Сталинской премии П. П. Бажова пишется сценарий, основной сюжет которого составлен из сказов “Горный мастер”, “Медной горы хозяйка” и “Каменный цветок”... Своей первоочередной задачей мы считаем и постановку современной музыкальной комедии... Писательницы Н. Попова и К. Филиппова работают над инсценировкой для кино пьесы «Сокровища Медвежьей горы», писательницы Б. Дижур и Л. Ашкенази готовят либретто об изумрудных копиях...» [15].

Однако предпочтение в репертуарном плане Всесоюзного кинокомитета было отдано экранизации оперетты. Это продиктовано не только жанровыми пристрастиями художественного руководителя киностудии, но и реальными возможностями города, где функционировали два музыкальных театра (оперный и музкомедии) и, соответственно, был потенциал творческих сил. Более того, коренной перелом в ходе войны (итоги Сталинградской битвы и сражения на Орловско-Курской дуге, освобождение Киева) настраивал общество на победу, и в этих условиях кинокомитет принимает решение увеличить количество сценариев для производства комедийных фильмов жизнеутверждающего содержания [11].

Фильм «Сильва», ставший визитной карточкой Свердловской киностудии, уже киноклассика. Его экранному успеху немало способствовали и актерские работы. В роли Сильвы снялась актриса московского музыкального театра Зоя Смирнова (Немирович-Данченко), Эдвина сыграл молодой актер Свердловского театра оперы и балета Нияз Даутов; популярный у кинозрителей Сергей Мартинсон снялся в роли Бони, Стаси сыграла студентка ГИТИСа Маргарита Сакалис. В большинстве других ролей выступили артисты свердловских театров: Сергей Дыбчо (Воляпюк), Георгий Кугушев (Ферри), Нина Динтан (Юлиана) и др.

Оформлением фильма руководил Владимир Егоров, народный художник СССР, еще до революции оформивший во МХАТе «Синюю птицу» М. Метерлинка, а в кино работающий с 1915 г. Хореографические номера поставил Владимир Кононович, главный балетмейстер Театра оперы и балета им. А. В. Луначарского. Съемки шли в ускоренном темпе.

Вот как об этом начальном периоде жизни Свердловской киностудии и о съемках фильма «Сильва» вспоминают очевидцы.

Ярополк Лапшин, кинорежиссер, народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии имени братьев Васильевых, получивший направление на Урал после окончания ВГИКа:

...Хмурым осенним днем 44-го года я впервые переступил порог этого странного здания. Его огромный нависший лоб в две строки пересекали метровые деревянные буквы «Свердловская киностудия». И сразу был оглушен музыкой, которой, казалось, было пропитано все здание. Она доносилась из съемочных павильонов, из проекционных, из монтажных комнат; каждый встречный напевал или насвистывал бессмертные мелодии Кальмана.

Суровая, мрачная жизнь окружала киностудию — голодные очереди бедно одетых людей; молодые инвалиды-фронтовики, ждущие милостыни на углах темных улиц с грохочущими трамваями; а здесь — дамы и кавалеры в роскошных туалетах, мундиры с позументами, лязг шпор, непрерывные танцы и пьянящая музыка.

Киностудия работала над своей первой картиной — экранизацией оперетты «Сильва».

Среди фраков и декольте странно выглядели черные шинели «ремесленников». Их юные обладательницы — вчерашние пэтэушницы — пришли на студию для переоборудования Дворца строителей под кинофабрику, и теперь осваивали кинематографические профессии — лаборанток, гримеров, монтажниц. Многие из них так и остались на студии — Нина Кузнецова (Беспалова), Мира Петкевич, Анна Зубатова и другие. Затем я увидел своих товарищей по Институту кинематографии — ассистентов режиссера Тамару Родионову и Анатолия Граника, ассистента оператора Михаила Ильина, художников Василия Зачиняева, Виктора Крылова, Евгения Владимировича. Молодая студия уже планомерно, с расчетом на будущее, укреплялась перспективными, квалифицированными кадрами. Несколько нелепым на этом фоне выглядел режиссер-постановщик — в длинном пальто с поднятым меховым воротником, в высоких ботах, похожий на ворона. Александр Ивановский представлял собой Ленинград, среди его творческого окружения были москвичи и киевляне, ленинградцы, одесситы — люди, которых эвакуировали с разных студий страны.

Сборным был и актерский состав группы, причем в групповых сценах мелькали совсем юные, свежие лица студентов Школы киноактера, уже созданной при студии. Эпоха «малюкартинья», к сожалению, не способствовала проявлению их талантов, хотя имена Нины Энгель-Утиной и Николая Бадьева (впоследствии народных артистов России), дикторов Тамары Останиной и Сергея Богомолова будут позже широко известны.

Работа над картиной уже заканчивалась, поэтому шла очень интенсивно, зачастую в две смены. Для ускорения использовались интерьеры студии — лестница, вестибюль второго этажа, даже — помещение столярного цеха. По условиям военного времени каждый день, а в выходные и праздничные дни посуточно назначались ответственные дежурные.

Запомнился показ готового фильма руководству области и города. За несколько часов до конца рабочего дня сотрудники НКВД удалили всех работников из здания, опечатали двери комнат, выставили посты на всех этажах. Начальство прибыло уже поздно вечером. Принаряженные студентки киношколы принимали их одежду, угощали пирожными. Ответственный просмотр проходил в малом зале (нынешнем ателье озвучания)...

Так началась жизнь фильма, тепло принятого зрителями всей страны. Нельзя забыть тот энтузиазм, с которым трудился весь коллектив — никто не считался со временем, никто не отказывался от любой работы, вплоть до разгрузки угля или переноски декораций.

И все делалось легко и весело. Ведь впереди была Победа, впереди была Жизнь, впереди было Будущее... [7, 18–20].

Нонна Никитина, монтажер:

...Сценарий «Сильвы» переделывался несколько раз, в конечном варианте текст арий и дуэтов остался в редакции Г. Ярона.

Съемочная группа состояла из известных и многоопытных кинематографистов, все ведущие — режиссер-постановщик, оператор и звукооператор носили значки «20 лет советского кино», и этим вызывали у всех нас уважение.

Постановщик Александр Викторович Ивановский, человек не первой молодости и не очень приятного характера, был таким чопорным бариним и не был душой коллектива. Вечно был чем-то недоволен, ему не нравилась наша студия и наш город, всегда давал понять, что он здесь главный, к коллегам относился свысока. Оператор Мартов Жозеф Климентьевич, уверенный в себе мастер, работал быстро и спокойно, но был требовательным к своим помощникам. Звукооператор Коробов Алексей Николаевич, веселый, добродушный человек, постоянно просил всех соблюдать тишину, ибо диалоги писали на чистовую фонограмму, и советовал всей съемочной группе носить обувь, как у него, на резине, чтобы не создавать лишнего шума. Общие планы больших массовых сцен снимали по ночам, когда город давал больше энергии, ну, а камерные эпизоды снимали днем, когда обходились малым количеством осветительной аппаратуры.

Помню первую пробу Даутова, на студии нашей чего-то не было, и снимали в кинохронике. Я первый раз работала на съемке, и, помню, у меня тряслись от страха колени, а Даутов тоже ходил на полусогнутых и, ужасно нервничая, пел романс Даргомыжского «Влюблен я, дева красоты»...

Сильва — Зоя Смирнова (Немирович-Данченко) — была красива и обаятельна, но Мартов снял ее намного хуже, чем она была в жизни. Она была терпелива. И не капризна, несмотря на все придирки Ивановского, и очень торопилась домой в Москву, где ее ждал полуторогодальный сын.

...Съемки продолжались, и параллельно шел монтаж картины. Монтажером была ленинградка Екатерина Александровна Родионова, я была старшей монтажницей, кроме нас были еще две монтажницы. Монтаж оказался трудоемким, все вокальные эпизоды снимались под фонограмму, так как дублей Ивановский делал много, все их надо было подгонять под фоно и отбирать на экране.

Для меня «Сильва» была прекрасной школой, я поняла, как сложен съемочный процесс и как трудоемок и кропотлив монтаж фильма.

Надо отдать должное работникам цехов, которые все делали с большим старанием, правда, начальниками обслуживающих картину цехов были опытные специалисты, собравшиеся у нас в Свердловске из Ленинграда, Киева, Алма-Аты и Москвы. Они за короткое время сумели обучить, передать свой опыт нам, делающим первые шаги в кинематографе в тяжелейшее военное время... [7, 20–21].

В кинотеатрах Свердловска демонстрация «Сильвы» началась 13 ноября 1945 г. Фильм вышел в прокат уже после войны, и его появление совпало с мирной тишиной, стремлением людей к покою и счастью.

Не только в СССР, но и во многих странах мира этот музыкальный фильм прошел с успехом. Известен и такой исторический факт: Имре Кальман получил в Нью-Йорке письмо из Будапешта от своего друга с рекламной афишей советского фильма и откликами венгерской прессы. В ответ композитор отправил в столицу Венгрии телеграмму: «Я горжусь и радуюсь тому, что советское киноискусство принесло нам в Будапешт — город, тяжело пострадавший от фашистской оккупации и войны, — мою скромную оперетту. Поверьте, я со слезами на глазах смотрел на этот плакат и мне вспомнилось, что в том же самом кинотеатре, где сейчас демонстрируется этот фильм, в репродукторах скрежетали полные ненависти и злобы слова нацистской пропаганды. А теперь там звучат мелодии моей оперетты! Ты пишешь, что вы все от всего сердца радовались советскому кинофильму. Я могу ответить на это лишь выражением своего безграничного желания быть вместе с вами в родном Будапеште и разделить ваше большое счастье»... [4, 27].

Имре Кальман так и не увидел фильма уральских кинематографистов. По пути на родину композитор умер...

Хочется отметить, что впоследствии к музыкальному жанру Свердловская киностудия обращалась не раз. Среди наиболее заметных — фильмы Олега Николаевского «Трембита» и «Мелодии любви» (на основе спектакля Свердловского театра музыкальной комедии «Имре Кальман»), а также «Алло, Варшава!» и «Цирк зажигает огни» Ольгерда Воронцова. Заметим, что между «Сильвой» и первым из упомянутых фильмов — интервал в четверть века.

Свердловская киностудия в послевоенный период

Художественные фильмы на Свердловской киностудии снимаются только в первые послевоенные годы. Их, как и «Сильву», ставили известные советские кинорежиссеры с участием популярных актеров. Так, картину «Освобожденная земля» (1946) поставил Александр Медведкин, в ней снялись Александр Хвыля, Эмма Цесарская; постановщик «Алмазов» — режиссер Иван Правов, в ролях — Василий Ванин, Всеволод Санаев и др.; «Страницы жизни» поставил Александр Мачерет совместно с Борисом Барнетом, ассистентом режиссера был будущий кинолетописец Урала Ярополк Лапшин.

В послевоенный период (1946–1953) молодая Свердловская киностудия художественных фильмов оказывается в той же сложной ситуации, что и весь советский кинематограф: война позади, сохранены творческие коллективы, хотя оставляет желать лучшего производственная база, да и средств у государства мало — они направляются на восстановление народного хозяйства. На экране преобладают «трофейные» и довоенные советские фильмы. Начинается период «малокартинья» — количество выпускаемых картин резко снижается: в 1946–1947 гг. — 25 фильмов в год, в 1948–1949 гг. — 17, в 1950 г. — 13, а в 1951 г. — только 9 фильмов [16, 98]. Этот процесс был обусловлен стремлением власти и лично вождя повысить идейно-художественный уровень отечественной кинематографии, взяв курс на производство «киношедевров», способных конкурировать с трофейными фильмами [2, 448], среди которых успехом у зрителя пользовались

«Девушка моей мечты», «Зорро», «Тарзан» и др. Лучшим образцом советского послевоенного кино является историческая трагедия С. Эйзенштейна «Иван Грозный», хотя на экран вышла только первая серия (вторая была запрещена, а третья так и не была поставлена из-за смерти режиссера); а лидерами проката стали комедии «Весна» (1947) Г. Александрова, «Сказание о земле Сибирской» (1948) и «Кубанские казаки» (1950) И. Пырьева.

С 1948 по 1956 г. Свердловская киностудия по решению Министерства кинематографии СССР выпускает только документальные, научно-популярные и учебные фильмы. В этот период к ней присоединились Новосибирская студия технических фильмов (1948) и Свердловская студия кинохроники (1951). На материале учебных и научно-популярных фильмов, созданных на Свердловской киностудии, обучали профессиям в вузах, ремесленных училищах, их для наглядности показывали на уроках в школах. Некоторые острословы с присущей киношникам самоиронией придумали для таких фильмов общее название «Болты в томате». Впрочем, эта шутка относилась скорее к тематике, но не к профессиональному достоинству фильмов. Многие учебные фильмы свердловских кинематографистов использовали мультипликацию и технику комбинированной съемки. Первым крупным успехом уральских кинематографистов в научно-популярном кино в послевоенный период стал фильм «Соперники» режиссера Якова Задорожного, удостоенный Сталинской премии в 1950 г.

Вместе с коллективом сибтехфильмовцев на Свердловской киностудии стали работать Александр Аркадьевич Литвинов — один из основоположников советского этнографического фильма (вскоре после своего приезда на Урал он поставил картину «Новаторы Уралмаша»), Леонид Иванович Рымаренко и Вера Елисеевна Волянская, создавшие на Урале уникальную школу научно-популярного, научно-исследовательского кино.

В начале 1950-х гг. А. А. Литвинов и Л. И. Рымаренко объединили вокруг себя талантливую молодежь. Оператор Ольгерд Воронцов стал впоследствии режиссером художественных фильмов; администратор Сима Карезо — вторым режиссером; Маргарита Томилова — первоклассным звукорежиссером; ассистент Лия Козырева — режиссером научно-популярного кино. Профессии кинорежиссера посвятили свою жизнь архитектор Борис Урицкий, инженер Лев Ефимов, Лидия Котельникова, Владислав Тарик, Владимир Чиненов, Анатолий Стремяков, Аркадий Морозов и др.

Послесловие

Производство игровых картин на Свердловской киностудии возобновится только в период «оттепели» — в 1956–1958 гг. И с этого периода начнется «золотой век» уральского кино, который продлится вплоть до начала 1990-х гг. Именно в этот период будут созданы лучшие фильмы уральских киномастеров, такие как: «Самый медленный поезд» В. Краснопольского и В. Ускова, «Угрюм-река», «Приваловские миллионы» и «Демидовы» Я. Лапшина, «Во власти золота» И. Правова и «Сильные духом» В. Георгиева, «В ночь лунного затмения» и «Сон

в начале тумана» Б. Халзанова, «Безымянная звезда» М. Козакова и «Транзит» В. Фокина, «Семен Дежнев» и «Дикое поле» Н. Гусарова, «Найти и обезвредить» и «Груз 300» Г. Кузнецова, «Зеркало для героя», «Макаров» и «Мусульманин» В. Хотиненко, «Губернатор» и «Ты есть» В. Макеранца и др. В золотой фонд отечественного кино войдут и ставшие известными всему миру фильмы уральских документалистов: Б. Галантера, А. Балужева, Г. Дегальцева, Л. Ефимова, Б. Кустова, С. Мирошниченко, И. Персидского, В. Тарика, Б. Урицкого, а также аниматоров: С. Айнутдинова, А. Золотухина, А. Караева, А. Петрова, В. Ольшванга, А. Харитиди, О. Черкасовой и др.

Сегодня, кроме Свердловской киностудии, на Урале функционирует много других киностудий и кинокомпаний. Но это уже другая история...

1. *Бирюков Е. М.* Метенков и К^о (биография в фотографиях). Екатеринбург, 2007.
2. *Громов Е.* Сталин: власть и искусство. М., 1998.
3. Декрет СНК РСФСР «О переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Наркомпреса РСФСР». 27 авг. 1919 г.
4. *Зелichenko Б. Е.* «Мечтаю разделить ваше счастье...» // Кино Урала. 1943–1993 / под ред. Н. Б. Кирилловой. Екатеринбург, 1993.
5. Кино: организация управления и власть. 1917–1938 гг. : документы / [сост., предисл. и примеч. А. Л. Евстигнеевой]. М., 2016.
6. Кино Урала. 1943–1993 / под ред. Н. Б. Кирилловой. Екатеринбург, 1993.
7. *Кириллова Н. Б.* Уральское кино: время, судьбы, фильмы. Екатеринбург, 2016.
8. *Лебедев Е.* Новогодний отчет уральцев // Уральский рабочий. 1944. 11 янв.
9. *Лебедев Е.* День киностудии // Уральский рабочий. 1944. 22 окт.
10. *Марьянов Г.* Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. М., 1992.
11. О задачах советской кинодраматургии : материалы совещ. по вопр. кинодраматургии (июль 1943 г.). М., 1943.
12. Самое важное из всех искусств. Ленин и кино : сб. док. и материалов. М., 1973.
13. Свердловск / под ред. А. Панфилова, К. Рождественской. Свердловск, 1946.
14. Свердловская студия кинохроники (1933–1951) / авт.-сост. Л. Н. Эглит. Екатеринбург, 2012.
15. *Шитов А. С.* Свердловская киностудия художественных фильмов // Уральский рабочий. 1943. 11 авг.
16. *Юречев Р. Н.* Краткая история киноискусства. М., 1997.

Статья поступила в редакцию 18.12.2017 г.

УДК 070.22 Уральский рабочий + 070.23(1-32) + 338.2

И. В. Малахеев

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ: ОТ ОБЩЕСТВЕННОЙ К КОРПОРАТИВНОЙ

В статье на основе многочисленных фактов анализируются основные причины кризиса на российском информационном рынке общественно-политической независимой прессы, причины ее частичного перехода, при отсутствии государственной поддержки, в корпоративный сегмент под учредительство органов местной власти. Дается прогноз развитию обозначившихся тенденций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: журналистика; власть; общество; политика; экономика; корпоративная пресса.

Флагман печати Среднего Урала на протяжении почти всего двадцатого века — газета «Уральский рабочий», выходящая в советское время тиражом свыше 600 тыс. экземпляров, ныне стоит перед гамлетовским вопросом: быть или не быть? А ведь еще в 90-е гг. газета была высокорентабельной, издавала два еженедельных приложения — «Экономика Урала» и «Понедельник», штат работников ООО «Газета “Уральский рабочий”» достигал сотни человек. Каковы же причины, приведшие старейшее издание, вошедшее в начале 90-х гг. в состав одноименного медиахолдинга вместе с газетой «Вечерний Екатеринбург», в столь плачевное состояние?

Свободы слова — в избытке?

Безусловно, есть объективные причины увядания так называемой независимой, частной общественно-политической прессы. Главная из них, на мой взгляд, это монополизация политической составляющей российской общественной жизни, пресловутая олигархо-бюрократическая вертикаль. Эта вертикаль решающим образом определяет повестку дня в информационном поле страны. Культивируется и насаждается одна «правда», всякая иная представляется, мягко говоря, неуместной, а в понимании многих представителей бюрократии — и вредной. Реализация права на трансляцию иной «правды» оказывается трудной, затратной, иногда опасной. СМИ, встроенные в вертикаль, находятся на бюджетном обеспечении. Остальные брошены в стихию рынка, единственное спасение для них — сохранение рентабельности, что, как показывает российская действительность, становится все более безнадежным делом.

Александр Киденис в газете «Труд» от 17 февраля 2017 г. в материале «Бумага не все стерпит» отмечает, что закрытие в России сотен печатных изданий похоже

МАЛАХЕЕВ Иван Васильевич — преподаватель департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета, главный редактор газет «На смену!» (1978–1985), «Вечерний Свердловск» (1985–1990), «Уральский рабочий» (1990–1998) (e-mail: Malaheev_IVAN@mail.ru).

на мор: «В Кировской области за 2016 г. из 38 редакций районных газет осталось 11. В Саратовской из 18 газет нынче выходит только 3. В Москве печатные СМИ исчезают десятками: “Московская правда”, “Русский репортер”, “Новые Известия”, “Крестьянка” “Профиль”, “Новое время”, “Афиша”... В Санкт-Петербурге общественная палата пыталась бить тревогу в связи с закрытием трех ведущих городских газет — “Новое время”, “Вечерний Петербург”, “Смена”. Результат нулевой, потому что считается, причина закрытия изданий не политическая, а денежная — бумажные СМИ не выдерживают конкуренции».

Но, позвольте, с кем не выдерживают они конкуренции? Со СМИ, которые финансируются из госбюджета, которые представляют из себя, по существу, тип корпоративных носителей информации и тем не менее, как ни парадоксально, распространяются как товар на информационном рынке? Такая пресса — муниципальная, региональная, федеральная — не является объектом добросовестной конкуренции, применительно к ней в научный оборот введено даже понятие «неокопоративной журналистики» [6, 95–101]. Информационной политикой нынешней власти она априори поставлена в привилегированное положение. И лиши ее бюджетного или спонсорского обеспечения — она разделит судьбу частных изданий.

Цены на бумагу и подписку-доставку печатных СМИ из года в год безудержно растут и превышают редакционные расходы в некоторых случаях до десяти раз. Бюджетуемые издания эта тенденция мало волнует, а вот прочие ведет к вымиранию. Вспомним слова президента страны В. Путина, сказанные им почти три года назад на форуме Общероссийского народного фронта: «Очень хочется сохранить печатные СМИ, потому что им и так очень тяжело конкурировать с Интернетом, тяжело конкурировать с современными электронными СМИ. Очень хочется, чтобы у нас сохранился сегмент печатных СМИ и газеты доходили до людей. Особенно это важно для людей старшего поколения, потому что они пользуются этой продукцией по традиции. И вообще просто подержать в руках газету — это само по себе большое удовольствие...». Мысли правильные, отрядные.

Правда, президент не уточнил, какие печатные СМИ желательно сохранить? Эта тема затрагивалась и в диалоге между президентом и известным публицистом Леонидом Никитинским из «Новой газеты», состоявшемся 10 октября 2015 г. в ходе заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека. Речь шла о колоссальных бюджетных средствах, используемых региональными властями (губернаторами) для самопиара, прежде всего, в своих карманных СМИ. При этом журналист поднял тему государственной поддержки независимых СМИ, на что президент ответил: «Но мы с вами хорошо знаем, что журналистика, прямо скажем, независимая, она вряд ли может рассчитывать на то, что, когда она критикует власть, власть будет ей за это платить. Поэтому это такая достаточно сложная вещь, как организовать дело таким образом, чтобы те средства, о которых мы сейчас с вами говорим, были аккумулированы и направлялись на поддержку независимой прессы. Я а) это поддерживаю, но б) я на данный момент не знаю, как это сделать».

На это высказывание президента Л. Никитинский справедливо, на мой взгляд, заявил, что, да, государство должно платить независимой журналистике.

И судя по многочисленным комментариям в Интернете, с позицией публициста солидарно подавляющее большинство читателей. Потому что независимая журналистика работает в интересах общества, и дальновидная власть слушает не только сладкие убаюкивающие песни придворного хора, но и крики городов, стоны брошенных деревень. Люди хотят быть услышанными властью каждый день. Для этого им нужны трибуны — доступные газеты. Улица, соединяющая власть с народом, должна быть с двухсторонним движением, которое обеспечивает журналистика, но не пиар. И если в реальной жизни такое движение не налажено, значит, власть в государстве недорабатывает, не выполняет важных функций консолидации общества.

Если бы власть проявляла об альтернативных СМИ заботу, то так называемая местная цена на подписные издания не стала бы для них своеобразной удавкой. Ведь эта цена значительно превышает себестоимость самих изданий, иногда — на порядок. Но ФГУП «Почта России» прославилось не снижением подписной и доставочной цены, а тем, что ее бывший генеральный директор Дмитрий Страшнов получил по итогам 2014 г. 95,4 млн руб. премиальных.

Главные российские производители газетной бумаги — Соликамский, Кондопожский, Балахнинский, Сыктывкарский комбинаты, годовой объем выпуска которых, по данным А. Кидениса, превышает 2 млн тонн, внутри страны реализуют менее четверти объема выпускаемой продукции. Остальное продается за рубежом. Когда рубль в последние годы вдвое подешевел по отношению к доллару и евро, приобрести газетную бумагу самокупаемым изданиям стало невозможно. Зато бумкомбинаты ежегодно получают многомиллионные прибыли, их руководители — баснословные оклады и бонусы. Конечно, и в этом случае можно попытаться все объяснить и оправдать экономическими интересами производителей...

Надо понимать, что российская журналистика, как составляющая национальной культуры, не может быть рентабельной априори. Как не может быть рентабельной сама культура, сколько бы ни подталкивалась она к самокупаемости. Рыночные отношения купли-продажи в этой сфере, считаю, для нас неприемлемы так же, как в сфере национальной безопасности [5, 18–28]. И на западные страны здесь не надо кивать: там пресса изначально, по природе своей — категория товарная, рыночная.

Неугодную прессу — под пресс

На судьбу самокупаемой общественной печати сильно повлиял экономический кризис. Оскудел рекламный рынок. К тому же этот рынок в новом веке в значительной мере переместился с бумажных на электронные носители, а в печатной периодике — с общественно-политических изданий на рекламно-информационные и специализированные, количество которых значительно возросло.

В 90-е гг. тот же «Уральский рабочий» часто не мог уместить рекламу в узаконенные 40 % своих площадей, доходы от ее публикации в некоторые периоды

полностью покрывали расходы издания, сейчас ситуация с рекламными доходами печатных СМИ, как отмечено выше, в корне изменилась. В результате в ранге региональных общественно-политических изданий в стране остались единицы независимых (да и то, как сказать...) от власти газет. Не так давно прекратил существование «Челябинский рабочий», который «портит настроение» всем южно-уральским губернаторам.

Как ни печально, таков удел сотен российских СМИ, пытавшихся отстаивать свободу слова, формировать в обществе атмосферу терпимости к иному мнению, гласности, плюрализма. Вспомним время, когда только начиналась борьба с инакомыслящими СМИ. Например, в Приморском крае, где «недвусмысленно намекали, что у несгибаемых финал может быть, как у Дмитрия Холодова и у редактора «Советской Калмыкии сегодня»» [7].

Подобное в 90-х гг. происходило и в Свердловской области. Одним из первых под тяжелую руку губернатора Эдуарда Росселя попал председатель Свердловской государственной телерадиокомпании Владимир Костоусов, который, видимо, усомнился в нешутности заявления главы региона о том, что он может снять с должности любого руководителя, независимо от того, предприятие какой собственности тот возглавляет и каким ведомством руководит. Хотя по тому, как вытягивались в струнку и смотрели в рот губернатору руководители областных органов федеральных правоохранительных и судебных ведомств, В. Костоусов, наверное, мог понять, чем ему грозит проведение в компании независимой линии, без учета того, нравится это региональному начальству или нет.

Как в описанной выше истории, так и в целом ряде других, связанных с попытками узурпации всей полноты власти в регионе, включая и муниципальный уровень, газета «Уральский рабочий» выступала с критикой политики губернатора. И так же, как приморские СМИ, терпела налеты налоговиков, пожарников и иже с ними. За газету взялась налоговая полиция — в нарушение федерального закона, регулирующего ее деятельность. С издания была волонтаристски взыскана сумма, составляющая объем ее полуторамесячных расходов.

Конец этой затянувшейся истории поставил Высший арбитражный суд РФ, который отменил незаконные налоговые претензии и штрафы к газете. Но случилось это уже после дефолта 1998 г., когда возвращенные средства были обесценены более чем в пять раз.

Явные и неявные метаморфозы

Таким образом, к концу 90-х гг. «Уральский рабочий» оказался в тяжелейшем финансовом положении. Избранный в 1998 г. главным редактором Григорий Каета вместе с правлением ООО решал задачу, связанную с сохранением главного издания, был прекращен выпуск еженедельных приложений газеты. Как вспоминает тогдашний руководитель журналистского коллектива, было два пути — принять предложение об учредительстве издания от известного предпринимателя или искать поддержки у администрации Екатеринбурга, так как отношения с губернатором были испорчены. Возобладало второе. Мэрия пошла

навстречу журналистам охотно: обострялась ее борьба с командой губернатора Росселя, и администрации крайне необходимо было такое авторитетное и влиятельное издание, как «Уральский рабочий» [4, 67–69].

С мэром Екатеринбургa Аркадием Чернецким, со слов Г. Каеты, была достигнута договоренность о том, что газета сохраняет свой тип общественно-политического издания и только в периоды избирательных кампаний оказывает поддержку возглавляемому мэром общественно-политическому движению «Наш дом — наш город», ну, и самому Аркадию Чернецкому, в ту пору претендовавшему на пост губернатора.

Но, как известно, нельзя забеременеть наполовину. Издание, ставшее на путь политической борьбы на стороне одной из сил, автоматически превращается из общественно-политической газеты в партийную или корпоративную. С годами естественный интерес населения к газетам холдинга падал, это компенсировалось бюджетной подпиской в учреждениях и организациях, так или иначе зависимых от городской администрации. В первой половине 2017 г. естественная подписка на газету «Уральский рабочий» составляла менее одной тысячи экземпляров.

В контексте вышеизложенного можно утверждать, что, таким образом, судьба «Уральского рабочего» была объективно предreshена. Она является типичной для подобного рода изданий. Правда, в отличие от них бывший флагман уральской печати из владений семьи А.Чернецкого перешел в областную собственность, на бюджетное финансирование. О миссии общественного служения издания говорить не приходится, от прошлого газеты остался только логотип.

Риторические вопросы

Когда заместитель министра связи и массовых коммуникаций Алексей Волин, в ведении которого находится пресса, заявляет о том, что надо забыть об особой общественной миссии журналистики, и признает за ней только инструментальное значение, то это не представляется личным мнением чиновника и является подтверждением того, что власть рассматривает прессу в качестве корпоративного средства информации. В этом мнении высокого чиновника — отражение политики правительства и подтверждение современных тенденций в области масс-медиа. Тем самым миссия общественного служения, выстраданная российской журналистикой на протяжении веков, сводится к нулю. Книга трио известинцев «С журналистикой покончено, забудьте!», изданная почти десятилетие назад, оказалась прозорливой [1].

Российская пресса становится корпоративной. Такая пресса «...подразумевает деятельность по созданию информационного продукта, отвечающего интересам какой-либо корпорации... При этом корпоративная журналистика создает определенную установку, одну единую концепцию, единую идею и единое представление о том или ином явлении» [3, 12]. С типологической точки зрения современные государственные СМИ России, безусловно, соответствуют корпоративному типу. Они «создают определенную установку» в интересах вертикали власти.

Анализируя кризисное состояние российской журналистики, профессор факультета журналистики МГУ В. Иваницкий [2] видит выход в законодательном преобразовании государственных СМИ в общественные, в отделении общественных СМИ от коммерческих и корпоративных. Действительно, разве не в интересах государства и нации иметь подконтрольную обществу плюралистическую прессу, в том числе и оппонирующую «наемным менеджерам», как однажды определил себя и представителей власти президент? Казалось бы, в демократической стране подобные вопросы должны звучать риторически.

Руководители страны, являющиеся преемниками первого президента России, видимо, забыли о том, какие механизмы поддержки СМИ в годы работы Б. Н. Ельцина были задействованы. Понятно, что колеблющийся невысокий рейтинг Ельцина подталкивал его администрацию к дружбе с журналистами. Потому власть и помогала прессе. Тем не менее прошлый опыт приемлем и сегодня. Редакции СМИ при Борисе Николаевиче получали на законодательной основе дотации из федерального бюджета на оплату бумаги и полиграфических услуг. Издавались соответствующие законы — как на федеральном, так и на региональном уровне, даже муниципальные органы власти выделяли региональным СМИ различные дотации, например, так поступали в Екатеринбурге. Областной Совет дотировал издержки почты на подписку и доставку изданий. По арендной плате редакции были приравнены к учреждениям культуры. Уверен, что этих мер было бы достаточно для сохранения независимой печати.

Администрация президента Б. Ельцина, правительство постоянно организовывали для редакторов региональных СМИ разного рода семинары, чиновников тоже учили плодотворным взаимоотношениям с прессой. Но с обретением самостоятельности, как многим кажется, властной вертикали об опыте предшественников забыли. А жаль, поскольку в нем есть ответ на вопрос президента России В. Путина о том, как осуществить поддержку независимых изданий.

1. *Друзенко А., Каранетян Г., Плутник А.* С журналистикой покончено, забудьте! М., 2007. С. 528.

2. *Иваницкий В. Л.* Модернизация журналистики: методологический этюд. М., 2010.

3. *Ковалева М. М.* Журналистика и PR в информационном пространстве // Факс. 2001. № 1–2 (19–20). С. 12–18.

4. *Малахеев И. В.* Политическое противоборство не ведет к согласию // Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия : сб. ст. конф. Екатеринбург, 2002. С. 67–69.

5. *Малахеев И. В.* Слово свое не считая товаром... // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 2 (89). С. 18–28.

6. *Рябов А. В.* Неокорпоративность как свойство современной журналистики. Корпоративная пресса России: современный опыт и тенденции развития : сб. ст. и интервью. Екатеринбург, 2006. С. 95–101.

7. *Черетков В.* «Не соловей. К ногтю!» // Четвертая власть. 1999. № 3.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

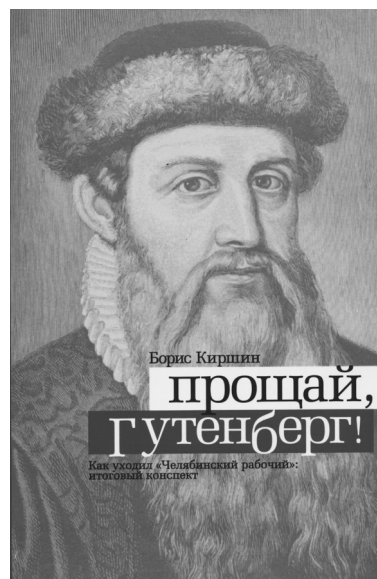
В. Ф. Олешко

БРЕНД ПО ИМЕНИ ГАЗЕТА

Рец. на кн.: *Киришин Б.* Прощай, Гутенберг! Как уходил «Челябинский рабочий»: итоговый конспект : монография. — Челябинск : Энциклопедия, 2017. — 152 с.

Становление новой экономической парадигмы, перманентное развитие технологий сбора, обработки и передачи информации, активизация форм работы с аудиторией СМИ неизбежно влекут за собой глубинные изменения, в том числе и в информационных структурах общества. Все это с настоятельной необходимостью требует, конечно же, не только теоретико-методологического, но и как можно более яркого публицистического осмысления данных процессов. Не менее важно, что такого рода книги сегодня очень важны и в качестве своего рода учебно-методических пособий для преподавания специальных дисциплин на факультетах и отделениях журналистики России.

В этом плане рецензируемая монография, безусловно, заслуживает самого внимательного отношения. Ведь ее автор, декан факультета журналистики Челябинского государственного университета, а также многолетний главный редактор одной из старейших газет России, фиксирует и анализирует не просто обстоятельства прекращения выпуска «Челябинского

ОЛЕШКО Владимир Федорович — доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета (e-mail: Vladimir.Oleshko@urfu.ru).

© Олешко В. Ф., 2018

рабочего» — бренда с более чем столетней историей, но и размышляет о тенденциях функционирования печатных СМИ в условиях кризисного развития регионального медиарынка.

«Независимая, востребованная, с вековыми корнями, известная в России и за рубежом, имеющая собственную материальную базу. Казалось бы, всего у нее больше, чем у других, — с нескрываемой горечью пишет автор. — Тем не менее она первой на Южном Урале прекратила существование 1 июля 2016 года. Почему же она в числе первых покидает “галактику Гутенберга”? В чем конкретно выразилось ее несоответствие новым российским реалиям? Ответы на эти вопросы надо искать в новейшей истории 108-летней газеты» (с. 3).

В связи с этим, конечно же, не вызывает сомнения актуальность книги, подготовленной Б. Н. Киршиным. Тем более что он не ограничивается анализом только «исторических предтеч» трагического для творческого коллектива издания развития событий. Поскольку сегодняшний день отечественной журналистики отмечен явлением, которое получило название конвергентной журналистики, то, как справедливо замечает автор, запущенный в 2008 г. сайт *mediazavod.ru* был своего рода ответом на технологический вызов времени. Ведь это событие знаменовало новый этап развития компании — формирование конвергентной редакции. Надо сказать, что это была совсем не тривиальная задача. Ее решение в рамках региональной медиагруппы потребовало от руководства и журналистов немалых интеллектуальных и организационных усилий.

Следовательно, не этот фактор был главным для ухода с рынка. Какой же? Ответ на этот вопрос и вдумчивый анализ первопричин того, что сегодня формирует в целом кризисную ситуацию в сфере изданий неинформационного характера, по сути, и определили основное содержание данной монографии.

Последнее десятилетие существования «Челябинского рабочего» было временем уменьшения его роли в жизни области. «Отступление было вынужденным, — пишет автор. — Развитие Интернета привело к сокращению тиража и, соответственно, аудитории газеты. Меньше тираж — меньше рекламы. Снижение доходности компании ограничивало возможности проведения масштабных газетных компаний и маркетинговых мероприятий. С уменьшением периодичности выхода газеты сначала на 40, потом на 80 процентов, соответственно, уменьшилось место, которая она занимала в жизни южноуральцев» (с. 44).

Но данную ситуацию предопределили и события политического характера. Работа в области, где за эти годы сменилось три губернатора, требовала от редактора и коллектива не только профессиональных умений, принципиального подхода к формированию информационной повестки дня, но и своего рода гибкости. Ведь «Челябинский рабочий» четверть века (!) не просто существовал, но перманентно развивался в статусе независимого издания. «В Челябинской области, — делает вывод Борис Николаевич, — в эти годы состоялся грандиозный социальный эксперимент. Рядом с традиционной для России моделью журналистики, опирающейся на государственное основание, на Южном Урале успешно функционировала журналистика, истоки которой, в соответствии с мировой практикой, коренились в самом журналистском сообществе. Она была заинтересованным собеседником

населения и доброжелательным советником власти, боролась с недостатками в нашей жизни, стремилась объединить людей вокруг истинно южноуральских ценностей. Газета освещала самые значительные события в жизни огромной области, ставила глобальные вопросы и, благодаря таланту, мастерству и высочайшей ответственности журналистов и активному участию читателей, помогала находить решения. Судя по читательской поддержке и отсутствию серьезных претензий со стороны власти, делала это неплохо» (с. 81).

Можно по-разному трактовать, наверное, всё же субъективные авторские оценки взаимодействия газеты в эти годы с губернаторами и представителями их пресс-служб, но ведь именно «Челябинский рабочий», а не какие-то другие СМИ, всегда был своего рода попечителем интересов всей южноуральской прессы. Во-первых, главный редактор газеты более десяти лет был председателем областной организации Союза журналистов России. А во-вторых, «Челябинский рабочий» как в этот период, так и во все другие годы старался системно освещать деятельность организации, рассказывать о самых заметных событиях в ее жизни. Не обходили издание стороной и конфликты, время от времени сотрясавшие медиасообщество области и всего Уральского региона. А поскольку, как правило, в основе их были разногласия с властными структурами, то это зачастую вызывало недовольство даже первых лиц. Чего, кстати, как отмечено, никогда не позволял себе первый демократично избранный губернатор области Пётр Сумин.

Как вспоминает автор, тема реакции на критику прессы возникла на встрече журналистов с губернатором Борисом Дубровским, сменившим Михаила Юревича в 2014 г. «Говорили об экономическом кризисе, необходимости поддерживать прессу. Понимая, что в кризис возможности региональной власти ограничены, я предложил менее расточительный способ ее поддержки: властным структурам отвечать на критические материалы средств массовой информации, когда в них поднимаются важные проблемы. Это поднимет их авторитет в глазах населения, будет способствовать привлечению аудитории».

Губернатор вопрос не понял «Вы что, представляете общество, чтобы отчитываться перед вами?» Тема не получила развития. Один из сопровождавших его чиновников шепнул: «Все-таки он не политик, остается директором». Однако я думаю, что дело серьезнее. Теоретически пресса действительно представляет интересы общества, говорит от его имени, поднимает волнующие его проблемы» (с. 33).

В данной книге достаточно полно, на наш взгляд, представлена и тема «казанной журналистики», нередко как ржа разъедающей принципы профессиональной культуры и корпоративной ответственности. Увы, последние месяцы жизни газеты были отмечены всероссийским скандалом. В марте 2016 г. на телеканале НТВ вышла передача «Должники госдепа», представленная, по всей видимости, как образец современной расследовательской журналистики. На самом деле, как быстро выяснили эксперты, в частности, известный юрист и публицист Леонид Никитинский, никакого расследования не было. «НТВ сообщило, — излагает суть Б. Н. Киршин, — что несколько российских региональных газет, в том числе «Челябинский рабочий», брали кредиты у американского фонда MDIF. Одного этого факта оказалось достаточно для того, чтобы прозрачно намекнуть (прямо

не говорилось): они подвержены влиянию фонда, за которым стоит государственный департамент США. Понятно, какую редакционную политику в таком случае должны проводить эти газеты» (с. 90).

Казалось бы, все акценты в этой истории должно было расставить заявление Союза журналистов России:

4 марта телекомпания НТВ выдала в эфир «расследование» «Должники Госдепа», в котором авторы сделали попытку доказать, что целый ряд региональных печатных и электронных СМИ находятся на содержании зарубежных антироссийских центров, работают под их непосредственным руководством, выполняют их прямые указания и т. п. При этом сами обвинители действуют вопиюще непрофессионально, демонстрируют целый букет грубых нарушений Закона и элементарных норм журналистской этики, предъявлению каких бы то ни было реальных фактов предпочитают напористое изложение собственных достаточно спорных предположений. Злокозненность «должников Госдепа» доказывается в основном выхваченными из контекста фразами, и даже нежелание людей отвечать на те или иные хамские вопросы трактуется как попытка что-то скрыть, нормальная человеческая брезгливость — как страх разоблачения (с. 91).

Вместе с тем я как автор данной рецензии убежден, что именно кляуза НТВ сыграла решающую роль в том, что власти области не нашли возможности спасти издание.

«На собрании в редакции решили: надо рассказать об угрозе прекращения выпуска “Челябинского рабочего” общественности региона, читателям газеты, — вспоминает автор. — Подготовили для публикации в очередном номере соответствующее обращение коллектива редакции к Союзу журналистов области и материал обозревателя Михаила Фоновотова. Это был крик души человека, отдавшего газете практически всю свою жизнь, необыкновенно талантливого, безмерно уважаемого и даже любимого читателями. Интересно, что выплеснулся он года два назад, когда над газетой еще только начинали сгущаться тучи. Получается, что талантливый публицист предвосхитил развитие событий. Во всяком случае, мы не изменили в его обращении к общественности ни одного слова» (с. 138).

«Я не могу молчать, когда умирает моя газета, — написал в этом своего рода манифесте Михаил Фоновот. — И такое впечатление, что никто этого не замечает». Отметив роль газеты в жизни читателей, помощь в решении житейских вопросов, которую она им оказывала на протяжении многих лет, он делает вывод: «Да, газеты приходят и уходят. Возникают и исчезают. Это — так. Но “Челябинский рабочий” — не просто одна из газет, она сама — факт нашей истории. Ее нельзя взять и вычеркнуть. Не получится. Если кто-то вошел в историю, его оттуда не вытолкать» (с. 138–139).

Уже в день выхода номера в редакцию стали поступать письма читателей — они сами приносили их. Потом из городов и районов области их доставляла почта. Читатели верно поняли смысл происходящего. К сожалению, они не могли существенно помочь газете материально — только оформить подписку на нее. В иные времена этого было достаточно для того, чтобы обеспечить ей жизнь. Теперь — нет.

Вот только две цитаты из тех читательских писем, которые лучше всего свидетельствуют о любви к газете и желании спасти ее любым способом.

Поддержка газеты в столь трудный период, на мой взгляд, проявление дальновидности и престижа правительства Челябинской области. «Челябинский рабочий» — бренд области. Закрытие газеты будет иметь не только экономические последствия для коллектива, но и повлечет изменение нравственного климата региона (Юрий Велькер) (с. 139).

В нашей жизни газета сыграла значительную роль: она не только знакомила нас с обстановкой в области, не только освещала проблемы нашего общества, но и активно включалась в их разрешение. Она и сейчас остается газетой, пожалуй, единственной, которой я еще верю, и надеюсь, что общими усилиями мы ее сохраним (Алевтина Лычагина) (с. 139).

Какова же дальнейшая судьба «Челябинского рабочего» как бренда? Ответ на этот вопрос, по мнению автора монографии, предполагает знание перспектив региональной независимой прессы. «Для решительного изменения ее материального положения, “Челябинского рабочего” в том числе, достаточно одного условия — прекращения экономического кризиса, оживления российской экономики. Бизнес предпочитает иметь дело с независимой прессой, ей он в первую очередь доверяет свои начинания, с ее помощью продвигает свои инициативы. Докризисные рекламные потоки способны вдохнуть жизнь в застоявшийся уже экономический механизм “Челябинского рабочего”, наполнить экономические паруса действующих СМИ» (с. 146).

Цифровизация информационных технологий, конечно же, тоже вносит свои коррективы в развитие печатных СМИ. Между тем автор, уходя от частных случаев, отмечает и общую негативную тенденцию: «Газеты провинциальной России под влиянием сопутствующих факторов уже сейчас активно покидают медиaprостранство страны, оставляя в нем опасные пустоты. Они опасны для проживающего в этих медиапустынях населения, которому чаще всего доступен только один источник информации — телевидение, информационная ценность которого вызывает у специалистов серьезные сомнения. Это обрекает его на информационное неравенство, ограничивает возможности роста интеллектуального и общественного потенциала. Ненормальная ситуация для информационной эпохи, к которой наша страна движется вместе со всем миром» (с. 147).

Делая вывод, можно отметить, что данная книга является по жанру не просто «исповедью редактора», но и актуальным «учебником жизни» для руководителей СМИ и готовым учебным пособием для студентов-журналистов, изучающих новейшую историю журналистики, поскольку имеет явно выраженный концептуально-методологический и учебно-методический характер. Сразу скажем, что это подтверждено тем, что в монографии имеется четкая структура, логика в изложении материала, оригинальна и наглядна форма подачи текстов. Причем в целом представленный материал являет собой результат огромного труда автора по глубокому осмыслению современной массово-коммуникационной практики.

Особо можно отметить высокий творческий потенциал проделанной работы и ясный язык изложения сложного материала.

Несомненно, данная книга будет востребована научно-педагогическим и медийным сообществами, политиками, студентами факультетов журналистики и всеми теми людьми, кто интересуется актуальной проблематикой развития журналистики как социального института. В частности, отметим, что в Уральском федеральном университете, наверное, как и в других вузах, сегодня остро ощущается дефицит отечественных книг по истории и теории журналистики, написанных практиками, опирающимися на личный опыт медийной деятельности в условиях экономического кризиса. А сопровождение текста публикациями документов, мнениями экспертов, эксклюзивными фотографиями автоматически предопределяет роль данной книги как библиографического артефакта не только ушедшего времени, но дней сегодняшних, в смысло-ценностных акцентах которых разобраться бывает не так просто.

Рецензия поступила в редакцию 15.12.2017 г.

SUMMARY

JOURNALISM AND MASS COMMUNICATION

- Kablukov E. V., Ilina O. V.* Two Political Poles of Modern Russia Through the Lens of Ideological Nominations. Part 2. The Liberal Pole5
The authors look at the ideological concepts (ideologems) of the modern Russian media discourse, which are used for nomination of two poles of the political sphere — pro-government and opposition. Thus, these ideologems participate in construction of competing identity models. The second part of the study is devoted to the opposition pole represented by the nominations “liberal”, “opposition” and “the fifth column”.
Key words: media discourse; politics; ideology; nomination; identity; liberal; opposition; the fifth column.
- Kalganova S. O.* Practices of Constructing the Expert’s Subject Position in the Russian Journalistic Discourse 16
The article analyses the way that the expert’s subject position in media discourse is constructed by the system of interrelated practices of the journalist and a specialist invited to perform expert review. The author describes the influence of «informational war» discourse concept on both groups of practices. He highlights the fact that the expert’s practices in mediatext to a large degree correlate with his professional discourse practices.
Key words: expert’s subject position; discourse practices; media discourse; informational war; argumentation.
- Raspopova S. S.* Fake’s author as an Information Mystifier32
The article is devoted to the investigation of fake messages’ phenomenon that are based on mystification. Today, in the conditions of the development of Internet, an attempt to mislead people has acquired mass character and is seen as an effective method to attract the audience. In the article various types of authors-hoaxers are presented: bots, trolls and prankers.
Key words: fake; hoax; media-mystification; media falsification; bots; trolls; prankers.
- Zinovyev I. V.* Post-Truth on Television Screens: News vs Reliability41
The article discusses the phenomenon of post-truth on television. The author examines the relationship of post-truth and fake news, prank and trolling shows. With reference to modern Russian researchers the formation of a special television reality associated with the gaming nature of television is noted in the paper. The authors mark out that that destruction of the professional values of journalism is taking place. The system of training of future journalists at the Chair of TV, Radio and Technical Means of journalism at the Ural Federal University as way of struggle against post-truth on television is presented.
Key words: post-truth on television; fake news; prank; trolling; television reality; gaming nature of television; the training of journalists.

- Tretyakova L. A., Glebovich T. A.* On the Educational Potential of the Game Media Text (following the analysis of the Igromaniya website's content).....49
- The potential of analytical texts related to game issues is examined in the context of media education. Most of the publications enable the reader to be fully immersed into the universe of games and game mechanics. However, in some publications the problems of literary precedents are actualized. The process of literary images application, as well as the ideas, plots, and cultural codes in the creation of game related analytical materials is explored. The possibilities of emotional interaction with the reader referring to the game publication, the impact of literary texts on the formation of the emotional background of the publications are studied.
- K e y w o r d s:** media education; analytical text; gameplay; literary text; image; idea; reader; emotional interaction.
- Ivanova L. D.* Content Model of the Business Corporate Media in the the End of the XIX — Beginning of the XX Centuries56
- The following paper studies the historical features of the business corporate media containing model development at the turn of the 19 century under the influence of two factors - the interests of the founder-publisher and specificity of editions' of this type. The issue of thematic sections' originality depending on the professional orientation of the press bodies is being raised. These bodies represent different fields of activity and have particular goals.
- K e y w o r d s:** corporate press; edition content model; specialized press; founder-publisher; type of media; thematic sections; commercial information.
- Sumskaya A. S.* Algorithmic and personalized content for Russian speaking millennials.....62
- The article attempts to understand algorithmic journalism as a promising area for the work of the Russian "networked journalist". The review of theoretical and empirical data on the problem is offered. The result of our own research was the identification of behavioural tactics and popular online texts of Russian speaking millennials. The image of the Person is designed as a portrait of the target audience and the basis for creation of the appropriate algorithmic stories.
- K e y w o r d s:** personalization of content; algorithmic creation and selection of stories; "symbolic-oriented" national mentality; producing stories in the network for Russian speaking millennials.
- Kozlov A. V.* Credibility of the Journalistic Facts: How the Goal Justifies the Means.....72
- The article deals with the interdisciplinary study of the process of verification of a journalistic fact and its integration into objective reality. An attempt to give our own definition of a journalistic fact was made. Based on the content analysis, the study reveals several types of facts which appear to be the most common in the modern news media discourse. Multiple stages and conditions for verification of the actual information are identified. The process of introducing journalism into social reality is reviewed through the use of concrete example.
- K e y w o r d s:** journalistic fact; media fact; media event; documentary fact; verification.
- Fateyeva I. A.* From the School of Journalists at ROSTA to the Moscow Journalism Institute79
- The article analyses the transition process of the School of Journalists at the Russian Telegraph Agency (a project of informal professional media education) to a regular higher educational institute (the institution of formal journalistic education). The main source of the research are the archival documents of the People's Commissariat of Education for the year 1920.
- K e y w o r d s:** journalism education; the School of Journalists at the Russian Telegraph Agency; the Moscow Journalism Institute; newspaper studies.
- Bogdanova O. A.* The Church Press and Radio of Greece as a Tool of the Mission and Sermon in the Beginning of the 3rd Millennium87
- The article analyses the church press of the Orthodox Church in Greece in the Third Millennium (2001–2017). The role of the church media (press and radio) referring to the missionary activity of the Orthodox Church is determined. Comprehensive analysis of the Church media system of Greece is provided. The church media of modern Greece have not been actively studied by the academics, and this highlights the topicality of the following research. The papers might of significant value for further reports.
- K e y w o r d s:** Greece; church media; Orthodox Church of Greece; Ecumenical Patriarchate; religious journalism; media strategies; system of media; magazines; newspapers; radio.

PSYCHOLOGY

- Muslimov R. R., Pecherkina A. A., Goloshchapova K. V.* Formation of Students' Legal Consciousness Through Psychological Trainings.....96

The article studies the possibilities of using psychological training to form the legal consciousness of the students. The experiment consisted of two stages – ascertaining and formative. During the first stage the authorial methodology of Muslimov was used that is related to the study of the legal consciousness of the students. During the formative stage, the psychological training “Adult Steps” was applied. In conclusion, qualitative positive results were obtained referring to the scales “legal activity” and “motivation cognition”.

Key words: legal consciousness; legal activity; motivation cognition; legal attitudes; psychological training.

- Putilova O. V., Vindeker O. S., Likhoded A. A.* Age Features of Self-Actualization and Hardiness Among Women.....104

The article is devoted to comparative analysis of self-actualization and hardiness of women in different age periods. Young and orderly women are defined as the comparison groups (mean age $20,6 \pm 0,63$ and $63,2 \pm 7,4$ years, respectively, $n = 55$). It was found out that the level of psychometric self-actualization and hardiness referring to young women is significantly higher. The young women's hardiness is associated primarily with challenge. Regardless of age, indices of hardiness correlate with self-actualization. The features of this correlation regarding young and orderly women are identified. The conclusion was made about the possibility of the existence of common (stable) and specific (variable) correlators referring to young and elderly women.

Key words: self-actualization; hardiness; age features; women.

CULTURE STUDIES

- Kapkan M. V., Likhacheva L. S.* «The Honourable Mirror of Youth»: Etiquette Traditions and Innovations114

The article explores the issue of etiquette evolution in the Russian culture in the early 18th century. Using ideas and approaches of N. Elias (the idea of transformation of social decorum), J. Revel (the idea of the historical transformation of the boundaries between public and private space) and R. Lakoff (the distinction between the concepts of civility and politeness), the authors outline specificity and innovative quality of etiquette standards and behavioural models. They are presented in the book «The Honourable Mirror of Youth». The authors come to the conclusion that the etiquette development in Russia followed nonlinear trajectory and was based not on changing the rules, but rather on the transformation of their meaning and their sociocultural functions.

Key words: etiquette; decorum; «The Honourable Mirror of Youth»; «Domostroy» (The Household Book); «Grazhdanstvo obychayev detskikh» (The Citizenship of the Children's traditions); sociocultural innovations; standards and models of behaviour; 18th century Russian culture; everyday culture.

- Shumikhina L. A., Popova V. N.* Church Art as Metaphysics of The Spirit and the Spiritual Component of Russia's Cultural Heritage127

The significance of the religious art and its symbols is justified in this article. The symbols are regarded as historically developed basis of the cultural heritage of Russia and spiritual source of ancient culture, as well as metaphysics of the spirit of cultural identity.

Key words: cultural heritage; metaphysics of the spirit; Church art; beauty; cultural memory; the spiritual essence of a person; cultural identity; icono-sphere.

- Bogdanova T. V.* Religious Clothing in the Modern Multicultural Canadian Society on the Example of Sikhs Dresses136

Uninterrupted migration flows contributed to the growth of the ethnic cultural, linguistic and religious diversity of Canadian society. Due to the multiculturalism policy, visible minorities can wear their national costumes in everyday life. Although the presence national costume rarely causes confrontation, the elements of religious clothing can provoke hot discussions in the society. The author studies how religious clothing

penetrates into the modern Canadian society. The research is based on the costume analysis of one particular group — Canadian Sikh.

K e y w o r d s: religion; Sikhs; multiculturalism; uniform; turban; kirpan; mounted police.

Lesina L. A., Pavlenko A. P. The Image of the 1917 Revolution in the Historical Memory of Youth.....145

The article considers the problem of constructing images of the past by the young generation in social and cultural conditions of the modern society. We characterize the notion of historical memory, its levels, theoretical and methodological grounds. Specification of the construction of the images of the past is carried out via analysis of the youth representations of Yekaterinburg on the Revolution of 1917. The main features and characteristics of the image of the revolutionary events of 1917 are revealed. We note the presence of stereotypical approach and fragmentation of the constructs of the historical memory of the younger generations. The article shows the specificity of social construction of youth's ideas about the past in the symbolic space of modern Russia.

K e y w o r d s: historical memory; historical consciousness; social construction; youth; Revolution of 1917.

EDUCATION: CHALLENGES OF THE MODERN WORLD

Bannikova L. N. Challenges and New Opportunities for the Development of the Secondary Vocational School in the Regional Educational Space.....156

The problems related to the modern system of secondary vocational education are considered: shortage of skilled workforce, "academic drift", low quality of education. These problems are urging for modernization of the secondary vocational education system.

K e y w o r d s: secondary vocational education; challenges; quality of training; dual education.

Zborovskiy G. E. The Strategies for the Development of Educational Communities in Urals Universities: Prerequisites and Possibilities of Implementation163

The purpose of this article is to analyze the relationships and dependencies between the development strategies of higher educational communities (the academic community and students) and transformations of higher education in the Ural macro-region (Ural Federal district). The correlation between two typologies of universities of the Urals is shown: the universities of the first group refer to the «core» of higher education, its «semi-periphery» and «periphery», while the universities of the second group refer to the typology «Universities 1.0/2.0/3.0». It is proved that only the transition of the universities to the type «University 3.0» can generate the emergence of new strategies for the development of educational communities in terms of their involvement in the decision making process regarding socio-economic and socio-cultural development of the macro-region and region.

K e y w o r d s: development strategies of educational communities; higher education; the Ural macro-region; academic community; students.

Ambarova P. A. Over-Bureaucratization as Abnormity of Higher Education Development in Russia173

The paper deals with one of the results of research barriers of higher education development in modern Russia. The author examines the bureaucratization of inter-institutional interactions in higher education as a serious obstacle to transferring to non-linear model. This model, which implementation is so important to the Russian society, is characterized by flexibility, openness, variability, and the ability to change. These qualities are largely provided by reducing the formalization of relations between educational groups, educational institutions and between higher education and other social institutions of society.

The research problem is related to the contradiction between the critically high level of bureaucracy inter-institutional interactions in Russia higher education and the need for flexible, organic changes and innovations in this area. Over-bureaucratization could be illustrated by using of the complex of bureaucratic instruments as the main or sometimes the only relations' regulator within the universities, between universities and higher education governance structures. The bureaucratization is regarded as a social mechanism that compensates for the shortcomings of inefficient management in the system of Russian higher education. The bureaucratization «neutralizes» a lack of professional competence of education officials and the lack of productive technology of management control and management of changes in higher education.

K e y w o r d s: over-bureaucracy; inter-institutional interactions in higher education; non-linear model of higher education; innovation in higher education; management of changes in higher education.

 URAL CONTEXT

Kirillova N. B. Sverdlovsk Film Studio — the Project of Stalin's Cultural Policy 184

Marking the 75th anniversary of the Sverdlovsk film studio and the 85th anniversary of the Sverdlovsk newsreel studio — the author refers to the origins of the birth of film production in the Urals and views it as a project of the Stalinist cultural policy of the 1930s and 1940s. During the Soviet period the cinema art was regarded in a very special way – as «the most important of the arts» and effective means of human propaganda and education. The chronicle-documentary cinema of the Urals was a kind of ideological weapon of the «supporting edge of the state» during the war years, and the first feature film of the Sverdlovsk film studio «Silva» (screen version of the operetta of I. Kalman) was perceived as a harbinger of the Victory.

Key words: Ural cinema; Stalinist cultural policy; Sverdlovsk film studio; film magazine «Stalin's Ural»; musical comedy «Silva»; period of «few pictures».

Malakheyev I. V. Regional Press: From Public to Corporate 193

The study which is based on numerous facts analyses main causes of the crisis in the Russian information market of the socio-political independent press, the reasons for its partial transition in the absence of state support to the corporate segment under the foundation of local authorities. A forecast is given for the development of the trends that have emerged.

Key words: journalism; power; society; politics; economics; corporate press.

BOOK REVIEWS

Oleshko V. F. A Brand Named Newspaper. Review of the book: *Kirshin B.* Farewell, Gutenberg! How Chelyabinsky Rabochy was leaving: trade abstract: monography. — Chelyabinsk, encyclopedia, 2017. — 152 P. 199

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 1
Проблемы образования, науки и культуры
2018. Т. 24
№ 1 (171)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Н. В. Чапаева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48319 от 27.01.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 06.03.2018. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 17,4. Усл. печ. л. 17,38. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 76.

Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Отпечатано Издательско-полиграфическом центре УрФУ.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–48319 от 27.01.2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 28.03.2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2275;
- электронно-сетевая версия журнала зарегистрирована в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации 01.12.2017 г. с присвоением международного стандартного номера сериального издания ISSN 2587–7151;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук;
- в соответствии с рекомендациями Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, журнал публикует статьи по трем отраслям науки: 10.00.00. **Филологические науки** (группа специальностей 10.01.00. **Литературоведение**); 24.00.00. **Культурология**; 19.00.00. **Психологические науки**. Решение по публикации научных материалов по другим отраслям принимается индивидуально, в каждом конкретном случае;
- включен в объединенный каталог «Пресса России». Индекс 43138;
- материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета: <http://urfu.ru/science/proceedings/>

О порядке предоставления и рецензирования рукописей

1. Автор высылает в редакцию по электронной почте (izvestia_1@urfu.ru) **текст статьи, не публиковавшийся ранее (представленный только в наше издание)** (см. ниже требования к оригиналу) и **анкету статьи** (см. на сайте журнала <http://izvestia1.urfu.ru>). Статьи без анкеты не рассматриваются.

2. Статья передается одному из рецензентов, включенному в редакционный список рецензентов по основным научным направлениям, освещаемым в журнале. Назначенный редакцией рецензент в течение 10 дней готовит мотивированный отзыв на статью и передает его в редакцию.

3. Редакция на основании представленной внешней рецензии и заключения назначенного рецензента выносит решение либо о принятии статьи к опубликованию, либо о повторном рецензировании (после исправления автором текста в соответствии с замечаниями рецензента), либо об отказе в публикации. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

4. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

5. Редколлегия обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки РФ при поступлении соответствующего запроса.

6. Редакция согласовывает с автором исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

7. Статьи, одобренные редколлекцией, печатаются бесплатно.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес. Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук они выступают соискателями ученого звания;

б) инициалы и фамилия автора на русском языке;

в) заголовок статьи на русском языке;

г) краткая, 5—7 строк, аннотация к статье на русском языке (ГОСТ 7.9.—95; включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций);

д) ключевые слова по исследуемой проблеме;

е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке (обращаем внимание авторов на необходимость представления качественного перевода, неадекватный перевод может стать основанием для отклонения статьи);

ж) основной текст статьи с отсылками на затекстовые библиографические ссылки;

з) список затекстовых библиографических ссылок в алфавитном порядке (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

После написания статьи автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5—2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила составления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Затем весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. : [сайт Президента РФ]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.2007).

3. *Герцен А. И.* Стого берега // Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 58—112.

...

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27. С. 8—10.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. Санкт-Петербург; Варшава, 1906—1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru> (дата обращения: 12.01.2012).

12. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX—XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. С. 56—64.

13. *Smyth A.* Nationalism and modernism [Electronic resource]. URL: <http://www.e-bookspdf.org/download/nationalism-and-modernism-anthony-d-smith-pdf.html> (accessed: 02.09.2014).

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках следующим образом: [1] — общее указание на книгу или другой источник по теме исследования; [1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются.

в) отсылки на архивные документы в тексте оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок. Название архива, если оно не является общепринятым, расшифровывают:

1. ГАСО (Гос. арх. Свердлов. обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14—14 об.

2. РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14—14 об.

3. Работы докторантов (до 0,5 а. л., 20 000 знаков с пробелами) и аспирантов (до 0,4 а. л., 16 000 знаков с пробелами) должны содержать основные совокупные, а не фрагментарные результаты проведенного научного исследования.

4. Диаграммы, графики и схемы в тексте должны быть доступны для редактирования (редакторами Word или Exel), рисунки прилагаются к основному тексту отдельными файлами в формате .jpg.

Почтовый адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры».

Главному редактору *Амирову Валерию Михайловичу*.

Материалы принимаются в Издательстве УрФУ:
Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, Издательство УрФУ
(для *Ларисы Александровны Хухаревой*).

Электронный адрес журнала: izvestia_1@urfu.ru

Анкета статьи

ФИО автора (полностью)	
Ученая степень, звание (полностью)	
Должность	
Организация (кафедра, департамент, институт, вуз)	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности (по перечню ВАК)	
Соавтор (соавторы) (аналогичные сведения о соавторе (соавторах))	
Наименование статьи	
Код УДК	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	

На английском языке:

Author 1 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Author 2	
Title of article	
Abstract	
Key words	